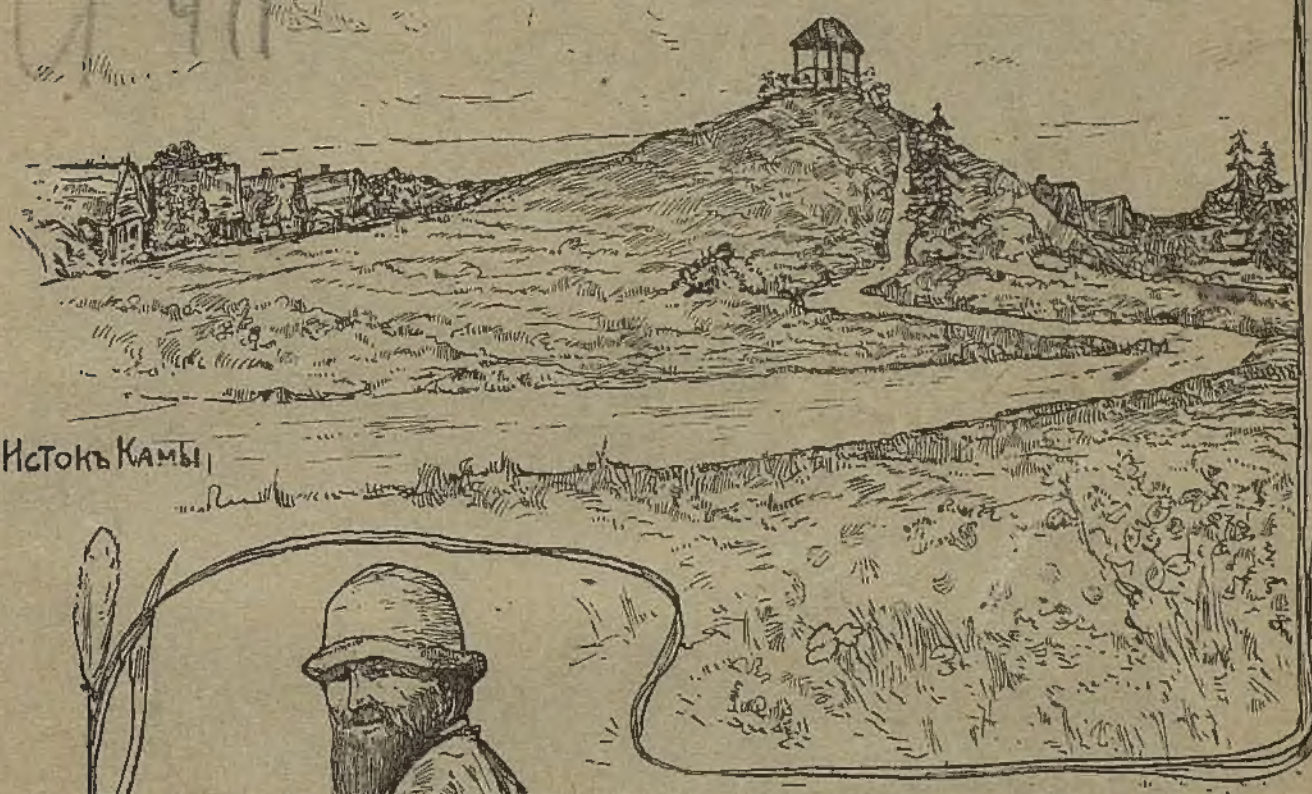
Ч 50/471

Около Камы

Этнографическіе очерки и разсказы



Истокъ Камы.

Яковъ Камáсинскій.

Цѣна 80 коп.

Рис. Комаровъ-Западный

Kn
6031/66

801-93
9764-О ф5
И 50/471

Яковъ Камáсинскій.

ОКОЛО КАМЫ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ.

Доходъ съ изданія поступаетъ въ пользу дѣтей инородцевъ, поступающихъ учиться въ С.-Петербургъ, Москву, Казань, Красноуфимскъ и др. города.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
Москва. — 1905.

Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина
ф2724-43.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 апрѣля 1905 г.

2007088003

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Пусть я, какъ боецъ, цѣпей не
разбиваю,
Какъ пророкъ во мглу не проли-
ваю свѣтъ:
Я ушелъ въ толпу и вмѣстѣ съ
ней страдаю
И даю, что въ силахъ — откликъ
и привѣтъ.

С. Я. Надсонъ.

Цѣль настоящаго изданія—ознакомить читающую публику съ поистинѣ забытымъ инородческимъ краемъ, гдѣ проживаютъ тѣ самые „подлиповцы“, жизнь которыхъ такъ ярко обрисована извѣстнымъ писателемъ Ѳ. М. Рѣшетниковымъ. Несмотря на сорокалѣтній періодъ времени, отдѣляющій насъ отъ появленія разсказовъ этого писателя, современные „подлиповцы“ все еще остаются тѣми же наивно-дикими, непросвѣщенными сынами природы. Такъ медленно проникаетъ въ глухой пермяцкій край культура!

Очерки эти, чуждые всякихъ претензій на художественное изображеніе, имѣютъ своей задачей обратить вниманіе общества на неотложную необходимость возможно болѣе активной дѣятельности въ дѣлѣ просвѣщенія инородцевъ пермскаго края. Въ сборникъ вошли и тѣ призывы, съ которыми мы обращались къ обществу

въ столичной и провинціальной печати, — „Историческомъ Вѣстникѣ“, „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, „Волжскомъ Вѣстникѣ“, „Екатеринбургской Недѣлѣ“, „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ и другихъ періодическихъ изданіяхъ.

И мы твердо увѣрены, что житель края не останется пасынкомъ въ ряду другихъ народностей нашего обширнаго отечества.

Эволюція печати въ Перми.

Дай Богъ поболѣе журналовъ:
Плодятъ читателей они.
Гдѣ есть повѣтріе на чтенье,
Въ чести тамъ грамота, перо,
Гдѣ грамота—тамъ просвѣщенье,
Гдѣ просвѣщенье—тамъ добро!

Если и въ наши дни, когда о „гласности“ и „печати“ говорятъ гласно и заявляютъ въ печати, не оглядываясь назадъ и не опасаясь карающей руки цензуры,—если и въ наши дни въ большей части губернскихъ городовъ центральной Россіи нѣтъ своей газеты, и обыватели довольствуются суррогатами прессы, въ родѣ губернскихъ офиціозовъ, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ далекой отъ центра Перми только недавно, сравнительно, населеніе научилось слѣдить за жизнью родины и „интересоваться политикой“. Можно смѣло сказать, что лѣтъ 20 тому назадъ пермяки узнавали новости тогда, когда столица ихъ забывала, а интересъ къ общественной жизни выражался въ клубныхъ сплетняхъ и разнообразныхъ „небылицахъ въ лицахъ“. Выписывать столичныя газеты было верхомъ либерализма, читать ихъ считалось отчасти предосудительнымъ, такъ какъ это значило выдѣляться изъ общаго уровня, чего провинціальная публика вообще не переноситъ. Время отъ времени какой-нибудь изъ дерзкихъ чужестранцевъ (по терминологіи Евг. Чирикова) пускалъ корреспонденцію въ ближайшій „обличительный“ органъ, когда-то живой и интересный „Волжскій Вѣстникъ“, издававшійся въ Казани,

и тогда 2—3 номера газеты обходили всю чиновную Пермь, пока тема не истрепывалась вмѣстѣ съ газетной бумагой. Но не любовь къ гласности передавала номеръ изъ рукъ въ руки, а скорѣе интересъ къ „продергиванію“. Если корреспонденція затрогивала не отдѣльное лицо, а цѣлую группу или учрежденіе, начиналось усиленное исканіе обличителя и бойкотъ.

Собственно говоря, въ это время уже выходили въ Перми три собственныхъ періодическихъ изданія: „Пермскія Губернскія Вѣдомости“,—офиціальная часть съ 1838 года, а неофиціальная съ 1841 года, „Пермскія Епархіальныя Вѣдомости“ съ 1867 г. и „Сборникъ Пермскаго Губернскаго Земства“ съ 1871 года. Если исключить „Сборникъ“, интересовавшій лишь земцевъ, то остаются два экземпляра своеобразной, лишь Россіи свойственной литературы, интересной только мѣстному обывателю.

Что представляли изъ себя „Пермскія Губернскія Вѣдомости“ въ первыя 20 лѣтъ,—видно изъ слѣдующаго отзыва „Пермяка“ (см. „Русскій Дневникъ“ за 1859 годъ № 46).

„Пермскія Губернскія Вѣдомости“ пока самыя обыкновенныя вѣдомости, т.-е. нѣсколько листовъ довольно грубой бумаги, сложенной in 4°, наполненныхъ офиціальными объявленіями и изрѣдка завершенныхъ статьею неофиціальнаго содержанія, а большею частію перепечатками изъ журналовъ или объявленіемъ о какомъ-нибудь столичномъ изданіи. Бѣдность неофиціальнаго отдѣла легко объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что редакція „Вѣдомостей“ въ рукахъ зауряднаго чиновника, во-вторыхъ, что она не располагаетъ никакими суммами, изъ которыхъ могла бы давать вознагражденіе авторамъ. Но никакъ нельзя отговориться недостаткомъ въ Пермской губерніи матеріаловъ, а равнымъ образомъ и любознательныхъ собирателей ихъ. Какъ пермякъ, я могу съ нѣкоторою гордостію сказать, что такихъ людей много въ Пермской губерніи, даже больше, чѣмъ во многихъ

другихъ. Есть много въ губерніи образованныхъ и трудолюбивыхъ духовныхъ лицъ, управляющихъ заводами и помѣстьями, смотрителей и учителей уѣздныхъ училищъ. Въ самой же Перми, кромѣ двухъ-трехъ лицъ не служащихъ, есть нѣсколько учителей гимназіи, которые,—конечно, при другой обстановкѣ—могли бы быть полезными дѣятелями на поприщѣ провинціальной литературы.

„Чтобъ недалеко ходить за доказательствами, укажу на предпринимаемое въ Перми повременное изданіе „Пермскій Сборникъ“. Мы знаемъ, что въ распоряженіи издателя находится матеріаловъ уже почти на три книжки. Первая книжка, которая будетъ чуть ли не въ сорокъ листовъ, почти изготовлена къ печати; поэтому составъ ея не есть секретъ. Намъ извѣстны, по крайней мѣрѣ, слѣдующія главныя статьи, которыя должны ее наполнить: 1) Краткій историческій очеркъ заселенія и цивилизаціи Пермскаго края. Крупенина. 2) Нѣсколько статей о Пугачевщинѣ въ Пермской губерніи. 3) О живописи по древнимъ памятникамъ Пермской губерніи. Профессора Янишевскаго. 4) Сапца и позмогъ—двѣ древнія единицы вѣса сыпучихъ тѣлъ, употреблявшіяся въ Соликамскомъ краѣ. Священ. Словцова. 5) О постепенномъ географическомъ обозрѣніи Пермской губерніи. Чупина. 6) Лѣсное хозяйство въ майоратѣ графовъ Строгановыхъ. Теплоухова. 7) Примѣры изслѣдованія быта крестьянъ въ хозяйственномъ отношеніи. А. Т. 8) Историческо-статистическое описаніе округа пермскихъ казенныхъ мѣдиплавильныхъ заводовъ. Планера. 9) Монографія юго-западной части Шадринскаго уѣзда. Священ. Успенскаго. 10) Свадебные обряды города Чердыни. Предтеченскаго. 11) Нѣсколько замѣчательныхъ старинныхъ рукописей. 12) Переводъ сочиненія доктора Церренера Erdkunde des Gouvernements Perm, изд. въ Лейпцигѣ (первая часть). 13) Матеріалы для указателя сочиненій и статей, относящихся къ Пермской губерніи. Муллова.

„Въ числѣ сотрудниковъ „Сборника“ есть, какъ видно, и не пермяки. Это доказываетъ сочувствіе къ изданію образованныхъ людей, которымъ извѣстны безкорыстныя цѣли издателя.

„Мы говорили о богатствѣ литературныхъ матеріаловъ въ Пермской губерніи, а потому будетъ кстати сказать, что и любителей чтенія у насъ довольно. Доказательство опять налицо. Съ 1859 года открыты въ Перми двѣ библіотеки для чтенія. Первая для чтенія книгъ и журналовъ открыта компаніей изъ четырехъ человѣкъ: чиновниковъ Ильина, Пупкова, почетнаго гражданина Смышляева и старшаго учителя гимназіи Залежскаго, подъ управленіемъ послѣдняго и въ его домѣ; вторая, для чтенія однихъ журналовъ, компаніей изъ профессоровъ семинаріи и дѣлопроизводителя статистическаго комитета Иконникова, подъ управленіемъ послѣдняго. Первая выписала въ настоящемъ году 22 русскихъ и иностранныхъ журнала, вторая 26 русскихъ журналовъ. Выборъ въ обѣихъ библіотекахъ вообще очень удовлетворителенъ. Радуемся искренно такому проявленію разумной жизни въ нашемъ захолустьѣ и не сомнѣваемся въ успѣхѣ добраго дѣла, особенно принимая въ соображеніе условія, объявленныя библіотекою Иконникова и К°, которыя доступны людямъ всякаго состоянія, а именно: за право получать для чтенія на домъ всѣ выписываемые журналы въ продолженіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ со дня полученія ихъ въ библіотекѣ, платится въ годъ 5 руб., въ полгода 3 руб., въ мѣсяцъ 75 коп., за право чтенія журналовъ во всѣ послѣдующіе мѣсяцы платится: въ годъ 4 р., въ полгода 2 р. 50 к., въ мѣсяцъ 60 к. Желающіе могутъ записаться на чтеніе каждаго журнала порознь. Подписывающіеся такимъ образомъ платятъ за право чтенія журнала въ продолженіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ по полученіи восьмую часть цѣны журнала, въ продолженіе слѣдующихъ мѣсяцевъ—десятую часть. Такимъ образомъ, чтеніе одного изъ самыхъ дорогихъ жур-

наловъ, каковы: „Библіотека для чтенія“, „Отечественныя Записки“, „Современникъ“, „Русскій Вѣстникъ“, „Русское Слово“, обойдется подписчику съ небольшимъ въ 2 рубля; годовое же чтеніе журналовъ дешевыхъ, каковы, напримѣръ: „Листокъ для всѣхъ“, „Народное Чтеніе“, будетъ стоить 50—25 коп., и это въ первые два мѣсяца; въ прочее же время чтеніе самыхъ дорогихъ журналовъ будетъ стоить: въ годъ 1 р. 65 к. и журналовъ самыхъ дешевыхъ 40—20 коп.

Вотъ и оправдываются слова поэта:

Дай Богъ поболѣе журналовъ:
Плодятъ читателей они...

„Было бы что читать, а читатели будутъ, и будутъ во всѣхъ сословіяхъ!“ *)

Такъ обстояло дѣло въ городѣ. Что сказать о деревнѣ? Сюда проникали тѣ же „Губернскія Вѣдомости“, проникали потому, что выписка ихъ обязательна для волостныхъ правленій. Народные учителя выписывали „Волжскій Вѣстникъ“, навлекая на себя подозрѣніе ближайшаго начальства въ желаніи „обличать“; нѣкоторые, кто посмѣлѣе, выписывали „Русскія Вѣдомости“ къ вящшему ужасу исправника; большинство, конечно, обходилось безъ газеты. Столичные толстые журналы и до сихъ поръ мало доступны сельскому учителю.

При знаменитомъ героѣ Тагила, губернаторѣ Погодинѣ, зародился ежедневный выпускъ неофиціальной части „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“. Такъ какъ Погодинъ, привезшій съ собою цѣлый штатъ чиновниковъ, позабылъ привезти людей грамотныхъ, то редакторомъ новорожденной газеты сдѣлался мѣстный дѣятель Раф. Ст. Поповъ. При немъ газета стала выходить ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ, но нераздѣльно съ частью официальной. О литературѣ „обличительной“ не могло еще быть и рѣчи.

---

*) „Русскій дневникъ“, 1859 г. № 45.

Печатались агентскія телеграммы въ краткомъ видѣ, патріотическіе стихи, историческія справки, невинныя вырѣзки изъ столичной и приволжской прессы и неизбѣжная смѣсь съ обиходной рецептурой.

Отдѣленіе неофиціальной части „Губ. Вѣд.“ въ особый органъ составляетъ уже крупное событіе въ пермской хроникѣ. Въ сравнительно короткое время газета измѣняется до неузнаваемости.

Несомнѣнно, выдающуюся роль въ исторіи эволюціи печати въ Перми сыгралъ г. В. Я. Кричевскій (Кри—Кри), и теперь еще работающій въ пріуральскихъ газетахъ. Очень трудно писать о живомъ человѣкѣ, съ именемъ котораго въ представленіи пермяка связанъ цѣлый рядъ громкихъ мѣстныхъ литературныхъ событій. Еще труднѣе дать его дѣятельности безпристрастную оцѣнку и преподнести ее пермякамъ, далекимъ отъ безпристрастія. Правда—публика негодовала, правда—его нещадно преслѣдовали, почти ненавидѣли, но, несомнѣнно—его читали. Нельзя не признать за г. Кричевскимъ изумительной опытности газетнаго техника при довольно умѣренныхъ способностяхъ литератора. Человѣкъ въ высшей степени рѣзкій, онъ въ своей дѣятельности былъ такъ нетерпимъ и пристрастенъ, какъ нетерпимы и пристрастны были по отношенію къ нему его читатели.

При этомъ литературномъ зоилѣ газету стали выписывать даже тѣ, кто не былъ обязанъ это дѣлать; при немъ же газета получила право на широкую программу и столичный форматъ.

Нужно сказать, что, будучи душою газеты, Кричевскій не дождался редакторства и до конца занималъ секретарскій постъ. Сыгравъ свою роль „будильника“, онъ дальше былъ уже ненуженъ. Къ тому же тяжелый характеръ сдѣлалъ совершенно невозможнымъ его дальнѣйшее пребываніе въ Перми.

Его смѣнилъ человѣкъ болѣе скользкій и умѣвшій угождать и нашимъ и вашимъ,— также своеобразный

культуртрегеръ Перми, но главнымъ образомъ въ спортативномъ отношеніи.

Въ описываемую эпоху „Пермскія Вѣдомости“, несмотря на тѣсную зависимость отъ губернскаго начальства, на цензуру вице-губернатора, на редакторство полуграмотныхъ совѣтниковъ губернскаго правленія, были органомъ довольно интереснымъ, хотя съ очень колеблющимся направленіемъ, въ зависимости отъ колебанія губернскаго барометра. Въ губернаторство уважаемаго пермяками Д. Г. Арсеньева газета достигла возможнаго для нея расцвѣта, но затѣмъ, въ послѣднее время, при редакторѣ Балевичѣ, не дававшемъ мѣста матеріаламъ по исторіи края, успѣла совершенно отощать и опуститься. Въ настоящее время газета влачитъ самое жалкое существованіе.

Въ 1897 году народилась въ Перми первая частная газета „Пермскій Вѣстникъ“. Несмотря на свое „частное“ положеніе, вѣрнѣе, благодаря ему, она находилась въ гораздо болѣе тяжелыхъ условіяхъ, чѣмъ полуофиціальный органъ, гдѣ тогда еще царилъ В. Кричевскій. Оказавшись не въ силахъ выдержать конкуренцію съ „Вѣдомостями“, имѣвшими обязательныхъ подписчиковъ и выходившими подъ губернскимъ покровительствомъ, первая частная газета въ Перми отцвѣла, не успѣвши расцвѣсть. Группой интеллигентовъ дѣлались попытки исхлопотать разрѣшеніе на изданіе большой газеты („Кама“), но успѣха онѣ не имѣли, такъ какъ на запросъ подлежащихъ учрежденій губернское начальство неизмѣнно увѣдомляло ихъ о „неимѣніи потребности въ частной прессѣ“. Только въ 1901 году вновь родилась маленькая очень юркая и злая газетка „Пермскій Край“, имѣвшая свою весьма поучительную исторію. Мысль издавать частную газету въ городѣ Перми съ опредѣленнымъ направленіемъ назрѣла давно и лишь въ концѣ 1900 года была приведена въ исполненіе. Въ послѣднихъ числахъ декабря 1900 года собрались въ помѣщеніи редакціи газеты „Пермскій Вѣстникъ“ бывшій редакторъ „Вятскаго Края“ П. А. Голубевъ, И. С. Сиговъ,

В. Н. Трапезниковъ, свящ. Я. Шестаковъ, г. Сандлеръ и еще два-три лица, близко стоявшія къ изданію „Пермскаго Вѣстника“; на собраніи было рѣшено отправить телеграмму издателю „Вѣстника“ С. А. Басову, находившемуся въ то время въ С.-Петербургѣ, чтобы онъ ходатайствовалъ предъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати, кн. Шаховскимъ, о расширеніи программы „Пермскаго Вѣстника“ и о переименованіи его въ „Пермскій Край“. Разрѣшеніе было дано, но безъ права печатанія передовыхъ статей и фельетоновъ, съ чѣмъ не согласились Голубевъ и Сиговъ, не пожелавшіе принимать участіе въ газетѣ „безъ галстука“. Здѣсь работа велась корпоративной редакціей „чужестранцевъ“, здѣсь работалъ весь цвѣтъ трудовой пермской интеллигенціи. Въ чемъ другомъ, а въ направленіи газеты сомнѣнія быть не могло. Правда, въ дѣтскомъ упоеніи россійскимъ марксизмомъ, газета увѣряла иногда, что „Россія никогда не была страной земледѣльческой“ *), но въ общемъ „Пермскій Край“—одно изъ интереснѣйшихъ явленій въ жизни русской провинціи. Къ сожалѣнію, газета погибла подъ давленіемъ грубой десницы новаго помпадура. Съ 1902 года потребность въ частной прессѣ, о неимѣніи которой увѣдомляло Петербургъ губернское начальство, удовлетворяется... „Вѣстникомъ Объявленій“ г. И. Заозерскаго.

„Пермскія Епархіальныя Вѣдомости“ начали издаваться 1 мая 1867 года. Въ первомъ нумерѣ редакція заявляетъ, что она „не имѣетъ въ виду преслѣдовать какія-либо ученыя цѣли, а будетъ довольствоваться скромною долею провинціальныхъ газетныхъ дѣятелей на пользу мѣстной церкви и явится органомъ мысли и дѣятельности мѣстнаго духовенства. Въ нашемъ епархіальномъ органѣ, какъ

*) Это не шутка! Въ одномъ изъ №№ „Пермскаго Края“ была помѣщена перепечатка изъ московской газеты „Курьеръ“ и сопровождена такимъ, приблизительно, примѣчаніемъ: „И до сихъ поръ еще нѣкоторые завзятые народники утверждаютъ, что Россія была когда-то страной земледѣльческой“.

имѣющемъ связывать духовенство союзомъ любви, мира и труда, отнюдь не будутъ допускаемы состязанія и словопренія, отъ которыхъ происходятъ зависть, распри, злорѣчія, лукавыя подозрѣнія, пустые споры (1 Тим. VI, 4, 5). Просимъ всѣхъ нашихъ сотрудниковъ ни на минуту не забывать этой апостольской заповѣди. Кому неизвѣстно, что споры, основанные на самолюбіи и честолюбіи, равно какъ и всякая литературная брань, никогда никакихъ вопросовъ не разрѣшаютъ, а только запутываютъ ихъ, а притомъ раздражаютъ и распаляютъ злобныя страсти". Вотъ завѣтъ редакціи „Пермскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей" при появленіи ихъ на свѣтъ Божій. За все время своего существованія „Епархіальныя Вѣдомости" выходили еженедѣльно. При первыхъ двухъ редакторахъ-архимандритахъ Александрѣ и Іеронимѣ дѣятельными сотрудниками были преподаватели духовной семинаріи; о. ректоръ семинаріи, архимандритъ Іеронимъ, помѣщалъ весьма цѣнные матеріалы по исторіи духовной семинаріи. Третій редакторъ, протоіерей А. М. Луканинъ, не стѣснявшій гонораромъ сотрудниковъ, всегда имѣлъ цѣнные матеріалы изъ жизни Церкви и духовенства епархіи. При дальнѣйшихъ редакторахъ гонораръ не платился, что отзывалось на качествѣ матеріаловъ, потому что печаталось только то, что присылалось безплатно. Въ ближайшее къ намъ время, съ переходомъ редакціи неофиціальнаго отдѣла въ завѣдываніе К. И. Любимова, снова оживаетъ епархіальный органъ, благодаря приливу цѣннаго матеріала, оплачиваемаго приличнымъ гонораромъ, съ одной стороны, съ другой—неподвергаемаго „усмотрѣнію" редактора. Нельзя не отмѣтить и того обстоятельства, что редакція „Пермскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей" не всегда слѣдовала завѣтамъ виновниковъ бытія епархіальнаго органа. Поставивъ своею задачею, между прочимъ, „не допускать на своихъ страницахъ состязанія и словопренія, отъ которыхъ происходятъ зависть, распри, злорѣчія, лукавыя подозрѣнія и т. п.", редакція въ упра-

вленіи епископа Петра помѣстила рядъ писемъ членовъ духовной консисторіи протоіереевъ Григорія Остроумова и Иринарха Пьянкова по поводу доходности епархіальнаго свѣчного завода. Письма эти по своей рѣзкости и недвусмысленности въ духовенствѣ вызывали раздраженіе, а въ простомъ народѣ вполнѣ заслуженное глумленіе. Владыка Петръ предъ самою своею кончиною высказался о ненормальности такихъ явленій въ слѣдующихъ, на этотъ разъ правдивыхъ, напутственныхъ словахъ: „Мы, монахи и священники, должны болѣе всего заботиться о своей душѣ и не увлекаться мірскими дѣлами, прилежать ко храму Господню и усерднымъ служеніемъ назидать мірянъ. *Вотъ и мы, епископы, нерѣдко живемъ не такъ; опомнимся только при концѣ жизни*“ (см. „Перм. Епарх. Вѣдомости“ № 15, 1902 г.).

„Труды Пермской Архивной Комиссіи“ выходятъ періодически, по мѣрѣ накопленія матеріала. За послѣднее время, благодаря серьезной постановкѣ дѣла предсѣдателемъ комиссіи В. С. Малченко, изданію трудовъ комиссіи пришли на помощь многія уѣздныя земства, ассигновавъ на эту цѣль солидныя суммы. Просвѣщенный предсѣдатель комиссіи г. Малченко совершенно вѣрно проводилъ ту мысль, что лучшею заслугой пермской архивной комиссіи будетъ помѣщеніе на страницахъ ея органа замѣчательныхъ матеріаловъ изъ исторіи Пермскаго края, ибо изученіе прошлаго способствуетъ выработкѣ сознанія задачъ будущаго.

Издается въ Перми статистическимъ комитетомъ особый адресъ-календарь, но... къ нему можно примѣнить стихи изъ одной старинной поэмы: „Въ немъ многаго не очень много и многаго недостаетъ“.

Обозрѣвая итоги эволюціи печати въ Перми, мы приходимъ къ такому заключенію. Пермская пресса переживаетъ періодъ умственнаго застоя. Жизнь течетъ плавно, тихо, медленно. Общій строй ничѣмъ не нарушается, никакіе „вопросы“ не поднимаются, не вылѣзаютъ отовсюду непро-

шенные, не тревожатъ мысли, спокойно почивающей на существующемъ порядкѣ. Разверните любой номеръ „Губернскихъ Вѣдомостей“: $^3/_4$ его—перепечатки изъ столичныхъ газетъ и лишь кое-гдѣ слабые намеки на мѣстную жизнь. Дѣльныя передовыя статьи исчезли. Фельетоны—рѣдкость. Мѣстная городская жизнь, это—хроника, отражающая мизерный кусочекъ настоящей, большею частью декоративной жизни: архіерейскія богослуженія, командировки и перемѣщенія чиновниковъ. Изрѣдка встрѣчаются отчеты о засѣданіяхъ думы и замѣтки о театрѣ. Не то мы видимъ въ указателѣ статей „Губернскихъ Вѣдомостей“ за прежніе годы. Указатель этотъ, составленный извѣстнымъ земскимъ дѣятелемъ Дм. Дм. Смышляевымъ и продолженный однимъ лицомъ, заинтересованнымъ жизнью Пермскаго края, заключаетъ въ себѣ массу статей по исторіи, этнографіи и развитію горнаго дѣла на Уралѣ. „Пермскія Епархіальныя Вѣдомости“ дали также не мало статей о духовныхъ нуждахъ Пріуральскаго края. Указатель статей „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ помѣщенъ въ адресъ-календарѣ епархіи за 1894 годъ. Многимъ обязанъ Пермскій край печатному слову „Земскаго Сборника“, ратующаго на своихъ страницахъ о народныхъ нуждахъ. Что касается преждевременно умершей газеты „Пермскій Край“, то она не только безпощадно выводила на свѣжую воду все то, что продѣлывали темныя силы въ захолустьяхъ губерніи, но однажды—horribile dictu—напечатала цѣлый подборъ фактовъ, съ очень неприглядной стороны рисующихъ мѣстную полицію. Всѣ притаили дыханіе отъ изумленія, а полицмейстеръ Н. С. Какоринъ долженъ былъ оправдываться...

Но нужно вѣрить, что тяжелыя условія пермской прессы должны измѣниться къ лучшему; съ того момента, какъ будетъ прорублено окно въ столицы чрезъ сѣверную желѣзную дорогу, Пермь снова обзаведется частною газетою, которая явится дѣйствительною выразительницею нуждъ мѣстнаго края. Чиновничьи тради-

ціи и помпадурское усмотрѣніе смѣнятся живою молодою мыслью...

Въ послѣднее врёмя въ Перми, по примѣру культурныхъ центровъ, стали заявлять о себѣ отдѣльныя литературныя силы чрезъ особыя изданія своихъ трудовъ. Такъ, изданы: сборникъ „Въ память врача Е. П. Серебренниковой“, „Въ Пармѣ“ — Н. П. Бельдыцкаго и друг. Здѣсь группа мѣстныхъ писателей, большинство которыхъ сотрудники толстыхъ журналовъ, обращается непосредственно къ читателю и предоставляетъ ему судить о достоинствѣ и недостаткахъ своей художественной работы. Изданные сборники о Пермскомъ краѣ получили широкое распространеніе. Иниціаторы подобныхъ изданій, чуждые рабства мысли и воли, совершенно вѣрно понимаютъ, что свобода слова есть лучшее орудіе противъ плѣсени и мрака. Безкорыстно работая на общее благо, они настойчиво говорятъ своимъ читателямъ:

Будите мысль, будите жизнь,
На трудъ разумный направляйте.
Будите мысль, будите жизнь
И лучшій вѣкъ подготовляйте...

Пермяки-инородцы.

Гдѣ трудно дышится,
Гдѣ горе слышится,—
Будь первый тамъ.

Некрасовъ.

Среди русскаго населенія Пермской губерніи существуютъ пермяки-инородцы, имѣющіе свой бытъ и языкъ. О нихъ мы и хотимъ сообщить здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія, такъ какъ бытъ ихъ еще мало изслѣдованъ. Они населяютъ юго-западную часть Чердынскаго уѣзда и сѣверо-западную Соликамскаго. Мѣстность эта находится въ 150 верстахъ отъ рѣки Камы, на правомъ ея берегу, среди лѣсовъ имѣнія графа Строганова и вѣдомства Министерства Государственныхъ Имуществъ. Собственно, иньвенскіе пермяки населяютъ мѣстность по рѣкѣ Иньвѣ („инь"—женщина, „ва"—вода), представляющую географическое пространство въ 70 верстъ въ діаметрѣ. И вотъ на этомъ-то пространствѣ проживаетъ 100.000 пермяковъ земледѣльцевъ—бобылей: лѣсъ, лучшіе покосы, выгоны, мельницы и другія жизненныя удобства,—все это большею частью монополія майоратнаго имѣнія графа Строганова.

Обитатели этого злополучнаго края до настоящаго времени остаются, за весьма немногими исключеніями, все такими же сынами природы, какими они были нѣсколько десятковъ, если только не сотенъ лѣтъ тому назадъ. Неподвижные, малоразвитые, они производятъ на посторонняго наблюдателя впечатлѣніе людей первобытной культуры по бѣдности своего языка и примитивности развитія своихъ душевныхъ качествъ. Языкъ ихъ при-

надлежитъ къ финскому и чего-либо оригинальнаго противъ родственныхъ ему, зырянскаго и вотскаго, не представляетъ.

Научиться говорить по-пермяцки и понимать разговорный языкъ довольно трудно, что объясняется исключительными особенностями этого языка. Литературы своей у пермяковъ нѣтъ. Только лишь за послѣднее время появились книги на пермяцкомъ языкѣ, что послужитъ, несомнѣнно, могучимъ средствомъ къ образованію женщинъ, все еще плохо понимающихъ русскій языкъ, и сознательному усвоенію пермяками христіанства вообще. Хотя христіанство закамскими пермяками принято давно, но оно принято ими лишь формально; въ области морали они все еще слѣдуютъ ветхозавѣтнымъ традиціямъ: „око за око, зубъ за зубъ“. Случаи оскорбленія дѣйствіемъ родителей довольно часты, убійства также не рѣдкость. Всепрощающей христіанской любви нѣтъ даже у дѣтей по отношенію къ родителямъ и между мужемъ и женою.

По наружности пермяки преимущественно малаго роста, сухощавы, ноги короче верхней части тѣла, руки толстыя, съ широкою кистью. Голова чаще малая, чѣмъ большая, съ свѣтлыми волосами, рѣдко черными. Лицо представляется угловатымъ, какъ бы четвероугольнымъ, съ выраженіемъ тупости, лукавства, дикости, скрытности, упрямства и злости; вообще какъ мужчины, такъ и женщины не привлекательны по наружности, къ тому же пермякъ неповоротливъ, неуклюжъ, вялъ, худо сложенъ, слабосиленъ, ходитъ небольшимъ мѣрнымъ шагомъ, покачиваясь въ стороны и сильно размахивая руками. Землистый цвѣтъ лица съ мутными, безъ выраженія, глазами, съ безучастно-равнодушнымъ взглядомъ, съ хмельною головою отъ браги, апатичный, съ нечесаными волосами, въ грязной одеждѣ, вонючихъ онучахъ, большихъ лаптяхъ—вотъ внѣшній обликъ иньвенскаго пермяка. Этому наружному виду соотвѣтствуетъ и внутреннее состояніе инородца.

Нельзя назвать пермяковъ и трудолюбивыми. Есть, конечно, примѣры трудолюбія среди пермяковъ, но ихъ чрезвычайно мало. Пермяки вообще нерадивы къ труду и живутъ далеко бѣднѣе русскихъ, но они и менѣе требовательны въ жизни. Дома пермякъ смѣлъ и дерзокъ, но въ чужомъ мѣстѣ трусливъ и робокъ; къ хмельнымъ напиткамъ привыкаютъ почти съ дѣтства какъ мужчины, такъ и женщины; оба пола весьма склонны къ разврату и мало заботятся о нравственности дѣтей; дѣвственность ставится ни во что, и пермякъ охотно женится на дѣвицѣ беременной или даже на дѣвушкѣ, имѣющей дѣтей, которыя называются у нихъ „міроношъ“, т.-е. родившійся отъ міра, утѣшая себя тѣмъ, что будетъ имѣть „борноволока“. Обычны случаи оставленія женами своихъ мужей; родители въ такихъ случаяхъ не только не содѣйствуютъ примиренію супруговъ, но дѣйствуютъ въ обратномъ направленіи. Будучи суевѣрны, пермяки прибѣгаютъ къ колдунамъ и знахарямъ, пользующимся громкою славою и большимъ уваженіемъ. Суевѣрными обрядами сопровождаются даже наружное богопочитаніе и поклоненіе святымъ. Къ церкви мужчины въ большинствѣ лѣнивы, и многіе изъ нихъ бывали въ ней разъ-два въ своей жизни—при крещеніи и вѣнчаніи; посты исполняютъ безусловно всѣ.

Пермяки, живя въ дымныхъ закоптѣлыхъ, грязныхъ избахъ, рѣдко мѣняя бѣлье, большею частью очень нечистоплотны; умываются нерѣдко грязной водой безъ мыла и утираются черными обносками рубахъ; лавки и полы въ избахъ рѣдко моютъ, а кухонная посуда, если и споласкивается, то рѣдко вытирается; ее очищаютъ тараканы. Лишь въ рѣдкихъ домахъ можно встрѣтить чистоту и опрятность. Если попадется обиходная женщина въ семью, то „большаки“ бываютъ ею недовольны и ругаютъ ее „обиходкой“, „русской“.

Намъ приходилось не разъ встрѣчать такихъ мужчинъ среди пермяковъ, которые ни разу въ жизни не че-

сали волосъ на головѣ. Съ пермяцкой точки зрѣнія, сколько-нибудь порядочная жизнь — зло, самая комнатная жизнь, комнатный воздухъ — тоже зло. Ихъ одежда — синеные рубахи и штаны, сверху которыхъ надѣвается, въ родѣ пальто, зипунъ, который самими же женщинами прядется изъ овечьей шерсти и ткется. У пермяковъ средняго состоянія одежда — шабуръ холщевый, понизокъ полусуконный, а у богатыхъ — „бешметъ“ изрѣдка изъ фабричнаго дешеваго сукна; зимою надѣваютъ полушубокъ или тулупъ.

Въ рабочее время, для предохраненія одежды, надѣваютъ сверху запалъ, родъ рубашки, замѣняющей фартукъ. Ноги обертываютъ въ холщевыя онучи, а зимою, кромѣ того, въ скуты, т.-е. въ суконныя бѣлыя полосы, длиною въ полтора аршина, а то и короче; поверхъ онучъ надѣваютъ лапти изъ лыка, а по праздникамъ зажиточные пермяки лапти замѣнятъ сапогами, а въ зимнее время валенками. Рубашку они подпоясываютъ поясомъ собственнаго издѣлія, довольно оригинальнымъ и красивымъ, къ поясу рубашки привѣшиваютъ сумочку съ огнивомъ, ключи отъ ящиковъ и шкатулокъ и ножны. Шляпы катаютъ изъ овечьей бѣлой шерсти съ отдѣлкою манчестеромъ, что служитъ характерною частью одежды иньвенскаго пермяка. Пермячки поверхъ рубахи носятъ синіе холщевые „дубасы“, въ родѣ сарафана, и весьма рѣдко русскій сарафанъ, прикрываемый спереди фартукомъ; на голову замужнія женщины надѣваютъ „шамшуру“, изъ кумача, особой формы повойникъ или чепецъ, унизанный съ затылной стороны бисеромъ или позументомъ, а то и нитками въ видѣ цвѣтовъ. Дѣти у пермяковъ 7 — 8-милѣтняго возраста ходятъ въ лѣтнее время въ однѣхъ рубашкахъ, передѣланныхъ изъ родительскихъ обносковъ.

Пища у пермяковъ далеко скуднѣе, чѣмъ у русскихъ; народнымъ праздничнымъ кушаньемъ считаются „пельмяни“, „пель“—ухо, „нянь“—хлѣбъ, называемые русскими „пельмени“, т.-е. пирожки изъ творога, свиного или дру-

гого мяса; это лакомое блюдо употребляется лишь въ чтимые праздники. Бѣдняки ѣдятъ хлѣбъ ячменно-овсяный, средняго состоянія — ячменный, а богатые — ржаной. Любимый напитокъ пермяка составляетъ брага, замѣняющая русскій квасъ. Въ будничное время болѣе зажиточные пермяки питаются овощами, а бѣдняки — лишь хлѣбомъ и брагой.

Пермякъ не знаетъ поэзіи, пѣсни на улицахъ рѣдко слышатся на родномъ языкѣ. Пѣсни эти съ грустнымъ мотивомъ, да и тѣ, которыя поются, по своему складу, скорѣе должны быть названы прибаутками, побасенками и, по нескромному содержанію, не всегда могутъ быть произносимы публично. Пѣсни же, въ собственномъ смыслѣ, они переняли отъ русскихъ и поютъ ихъ съ нѣкоторымъ искаженіемъ въ словахъ и смыслѣ, вслѣдствіе малаго знакомства съ русскимъ языкомъ. Встаютъ пермяки рано утромъ и принимаются за работу, работаютъ они большею частью всѣ шесть дней, если не случится праздника. Работа однообразная, монотонная, изо дня въ день, изъ года въ годъ, и такъ всю жизнь. Въ воскресенье или праздникъ—отдыхъ. Этотъ отдыхъ выражается въ томъ, что парни соберутся къ кружокъ и играютъ на гармоніи, дѣвушки тоже соберутся вмѣстѣ и споютъ одну-другую пѣсню, совершенно неопредѣленнаго оттѣнка, всегда грустнаго мотива. Взрослые соберутся въ избу и попиваютъ бражку. На другой день — вновь работа, подчасъ очень и очень тяжелая...

Ни малѣйшаго проблеска свѣта ни малѣйшаго луча духовной жизни — нѣтъ ничего для души! Только тѣло и забота объ этомъ тѣлѣ. Вслѣдствіе полнаго отсутствія духовнаго начала въ ихъ жизни свили гнѣздо невѣжество и безнравственность, результатомъ которыхъ является бѣдность, т.-е. недостиженіе именно того, изъ чего они бьются всю свою жизнь, отъ раннихъ лѣтъ до гробовой доски. Вырастающія при такихъ тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ поколѣнія малосильны, дряблы, съ от-

сутствіемъ всякой энергіи и съ поразительной покорностью судьбѣ; не удивительно, что между ними много кретиновъ, психопатовъ, и есть цѣлыя поколѣнія, у которыхъ „не всѣ дома“. Нравственное вырожденіе идетъ быстрыми шагами, хотя количество населенія растетъ. Пермякъ безропотно переноситъ все, что бы съ нимъ ни случилось: горе или радость, стихійное бѣдствіе, или даже смерть кого-либо изъ членовъ семьи производятъ на него едва замѣтное впечатлѣніе. Апатичное и пассивное отношеніе ко всѣмъ явленіямъ жизни — вотъ характерная черта иньвенскаго пермяка. Это происходитъ не отъ какого-либо нравственнаго сознанія или религіознаго чувства, а просто вырабатывается такой характеръ подъ гнетомъ вѣчно тяжелыхъ экономическихъ условій жизни.

Умретъ у крестьянина ребенокъ — сынъ или дочь, онъ совершенно равнодушенъ къ такому горю, его занимаетъ лишь расходъ на похороны. Если смерть послѣдовала въ раннемъ возрастѣ, то родители даже не обмолвятся сожалѣніемъ, если же умретъ сынъ или дочь въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, то отецъ скажетъ: „жаль— былъ работникъ“, и больше ничего. Вообще чувство у пермяка еще спитъ, оно не пробуждено, потому что духовная сторона его натуры не развита и даже еще совсѣмъ не затронута. Поэтому образуется типъ равнодушнаго, безличнаго и апатичнаго человѣка. Отъ этой апатіи, отъ этой покорности судьбѣ происходитъ лѣнь, безпечность, низведеніе до крайнаго минимума своихъ потребностей и, въ заключеніе, поразительная бѣдность, подъ гнетомъ которой окончательно гибнетъ въ немъ все человѣческое. Нравственное его міровоззрѣніе, отношеніе къ чужой собственности — жалкое. Никакого чувства правды и справедливости, признательности, никакого уваженія къ своему ближнему, никакого сознанія долга передъ Богомъ и людьми въ немъ нѣтъ. Слова „благодарить“ на пермяцкомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ.

Положеніе лицъ, на обязанности коихъ лежитъ долгъ оберегать чужую собственность, по заявленію ихъ, крайне тяжело. Намъ пришлось слышать не разъ такое сѣтованіе одного служащаго имѣнія графа Строганова. „Они не даютъ вамъ,—говорилъ г. Криводушинъ,—возможности вести правильное хозяйство, не даютъ покоя, разстраиваютъ ваши нервы, и никакія легальныя мѣры не помогаютъ. Законъ нашъ въ этомъ отношеніи слишкомъ строгъ и недостаточно логиченъ. Самовольная вырубка хотя нѣсколькихъ десятинъ вѣкового лѣса не считается кражей и даетъ только право на вознагражденіе убытковъ, тогда какъ воровство какого-либо лежащаго чурбана, цѣнностью хотя въ три копейки, считается кражей и влечетъ за собою тюремное заключеніе. Но искъ объ убыткахъ съ нихъ положительно невозможенъ. Допустимъ, крестьянинъ срубитъ у васъ дерево, которое вы можете оцѣнить въ 1 рубль. Для того, чтобы взыскать этотъ рубль, вы должны брать старосту и понятыхъ, составлять протоколъ, писать прошеніе земскому начальнику, ѣздить къ нему и вообще принимать на себя такую массу хлопотъ, траты времени и денегъ, что въ концѣ концовъ, оказывается, что наказаны вы, а не онъ. Наконецъ, когда вы пріѣзжаете съ исполнительнымъ листомъ къ порубщику для взысканія присужденнаго вамъ одного рубля, то вы застаете такую бѣдность, что какъ бы вы ни были жестоки сердцемъ, у васъ не поднимется рука на продажу нищенской сумы. Вы пріѣхали въ глухой край съ самой искренней любовью къ „мужику“, съ мыслью поработать на его пользу. И вдругъ вы сталкиваетесь съ страшной распущенностью этого мужика,— онъ васъ жалитъ ежечасно и окончательно отравляетъ вашу жизнь. Вы впадаете въ разладъ съ самимъ собою, въ васъ нарушается душевное равновѣсіе, вы не прочь бы бѣжать изъ этого убогаго края, въ который вы ѣхали съ мечтою о широкой дѣятельности“. Таковъ взглядъ „quasi-культиверовъ“, но они забываютъ, что „мужикъ“

нисколько не виноватъ въ своей грубости, въ своей зачерствѣлости, а тѣмъ болѣе въ томъ, что эти „quasi-культиверъ“, ободравъ съ мужика все *), брезгуютъ послѣдней посконной рубахой.

Пришлые люди съ образованіемъ, за весьма небольшими исключеніями, слишкомъ мало дали пермяку и совсѣмъ не думаютъ объ его нравственности и экономическомъ положеніи. Пришлое русское населеніе, торговый и другой людъ, преслѣдующій лишь свои меркантильные интересы, смотритъ на пермяковъ съ коммерческой точки зрѣнія и не только не имѣетъ благотворнаго вліянія на инородцевъ, но, вслѣдствіе своеобразнаго оттѣнка, налагаемаго на него условіями жизни, умственно понижается до инородческаго, деморализируется. Лица изъ среды самихъ инородцевъ, учившіяся гдѣ-то, чему-то, когда-то, представляютъ собою людей безпочвенныхъ и, пожалуй, лишнихъ, оторванныхъ путемъ усвоенія внѣшняго мѣщанскаго лоска отъ родной почвы (перемѣною костюма, вывѣшиваніемъ медалей и проч.), въ большинствѣ не вѣрующихъ ни во что родное, людей, лишенныхъ нравственнаго спокойствія, равновѣсія душевныхъ силъ, страдающихъ и причиняющихъ страданія сталкивающимся съ ними, эгоистично-холодныхъ, болѣзненно-самолюбивыхъ и гордыхъ, драпирующихся въ разочарованныхъ, отверженныхъ героевъ, ничего общаго не имѣющихъ съ простымъ темнымъ народомъ, изъ котораго они сами вышли. Эти люди безпокойно мечутся. Одни изъ нихъ погибли ни за что—ни про что, „не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой ни геніемъ начатаго труда“. Другіе страдаютъ хандрой, ипохондріей, мнительностью и самомнѣніемъ, обвиняя во всемъ другихъ, хотя сами для культурнаго подъема захудалаго пермяка и пальцемъ не двинули. Они, напротивъ, не прочь поживиться на счетъ

---

*) Въ селѣ Верхъ-Иньвѣ были проданы за недоимки даже куры, купленныя дьякономъ М—хинымъ.

пермяка. Такъ, одинъ изъ пермяковъ, учась въ С.-Петербургскомъ университетѣ (П. В. Вилесовъ), подавалъ заявленіе мѣстному сходу въ 1894 году о разрѣшеніи ему открыть въ деревнѣ Паньковой винную лавку. Образованные люди, случайно попавшіе сюда, стараются уйти изъ глухого края, если только не успѣли понизиться въ своихъ умственныхъ требованіяхъ до торговаго люда. Людей съ простымъ здравымъ толкомъ и чувствомъ, въ которыхъ сохранилось бы гармоническое согласіе душевныхъ силъ и твердость нравственныхъ основъ, людей, стоящихъ по своему нравственному складу на пути общенія съ простымъ народомъ, нужно искать днемъ съ огнемъ. При такихъ-то условіяхъ трудно, конечно, ожидать подъема умственной и нравственной жизни захудалыхъ инородцевъ. Мы страдаемъ за нашъ индиферентизмъ къ участи пермяка или за индиферентизмъ нашихъ родителей, и теперь, когда я пишу настоящія строки, мнѣ жаль, до глубины сердца жаль, этого мужика, больно и за его бѣдность и косность. Человѣческій образъ низведенъ на степень животнаго.

Отмѣчая темныя черты жизни современныхъ подливовцевъ, нельзя пройти молчаніемъ и симпатичныхъ сторонъ этого забитаго люда. Женщины-пермячки отличаются добродушіемъ, гостепріимствомъ и состраданіемъ къ ближнему, выражающимся въ подачѣ милостыни, какъ это рѣзко обнаруживается въ поддержкѣ и бѣднячками единственной на весь со стотысячнымъ населеніемъ край богадѣльни въ с. Кудымкорѣ. Онѣ весьма усердно посѣщаютъ церкви и монастыри, нерѣдко предпринимая путешествія съ религіозною цѣлью за 200 и 300 верстъ. Въ мужчинахъ замѣтно стремленіе къ постройкѣ новыхъ храмовъ и часовенъ. Въ молодомъ поколѣніи рѣзко обнаруживается стремленіе къ продолженію образованія. Встрѣчаются примѣры, когда мальчики идутъ пѣшкомъ до пристани на Камѣ съ грошами въ карманѣ съ цѣлью добраться до Казани и Красноуфимска, гдѣ учатся на счетъ казны.

Сдѣлавъ общій очеркъ быта иньвенскаго инородца, мы приведемъ черты, характеризующія подлиповцевъ нашихъ дней. Здѣсь мы коснемся лишь самыхъ глухихъ мѣстностей Иньвенскаго края, куда совсѣмъ еще мало проникъ лучъ просвѣщенія. Въ дни Великаго поста, когда полагаются земные поклоны, пермяки лѣнятся кланяться въ землю, а поклонившись въ землю, они не встаютъ, а потому приходится священнику оборачиваться назадъ и просить ихъ встать и снова кланяться. По окончаніи же службы, на замѣчаніе священника о томъ, что нужно вмѣстѣ съ нимъ класть поклоны, они заявляютъ, „что де вставать, когда опять придется падать на землю“. Если же священникъ говоритъ имъ, чтобы они достаточно открывали ротъ, когда принимаютъ св. тайны, то говѣющіе, по открытіи царскихъ вратъ, при словахъ: „Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите“, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, открываютъ широко ротъ и такъ подходятъ къ принятію св. таинъ. Къ принятію св. таинъ нерѣдко подходятъ по нѣскольку разъ, и когда замѣчаютъ имъ, то пермяки говорятъ: „А я, батюшка, вѣдь лони (прошедшій годъ) не былъ,—давай и за тотъ годъ“. Подходятъ къ принятію св. таинъ и безъ исповѣди. Младенцевъ стараются пріобщить въ первую же очередь, „дабы болѣзнь скорѣе прошла“. Если женщина не застанетъ обѣдни, то за уходомъ священника обращается къ діакону и говоритъ ему: „Дай причастье!“ На отказъ діакона пермячка говорятъ: „А что, тебѣ жаль? Давай!?“

Фельдшерица акушерка кудымкорской больницы г. Аполлонова спросила однажды пермячку, знаетъ ли она молитву. Пермячка сказала: „Какъ не знать“.—„А какую же знаешь?“—„Аминь знаю“.—„А еще какую знаешь?“—„А больше „абу“ (нѣтъ)“.

Длинной исповѣди пермяки не любятъ и, желая скорѣе уйти отъ священника, говорятъ ему при спросѣ его о грѣхахъ, согрѣшилъ ли ты въ томъ-то: „А самъ-то ты?“

При крещеніи дѣтей воспріемники на предложеніе священника: дунь и плюнь, плюютъ иногда на ребенка.

При бракосочетаніи не умѣютъ ни кланяться ни правильно креститься. Стоятъ точно манекены, на предложеніе священника, по окончаніи брака, поцѣловаться, повобрачные, глядя другъ на друга, сначала перекрестятся, а потомъ уже поцѣлуются.

Въ селѣ Ошибѣ имѣлъ мѣсто такой случай. Священникъ Калачниковъ отпѣвалъ покойника и при словахъ „миръ всѣмъ“, пермяки обернулись къ дверямъ и поклонились на западъ. На вопросъ, почему они дверямъ кланяются, отвѣчали: „А ты, батюшка, дверямъ кланяешься, такъ и мы дверямъ“.

При обозрѣніи церковныхъ школъ мы спрашивали взрослыхъ мальчиковъ молитвы, и когда ученикъ не могъ отвѣтить, мы сами заставляли повторять съ голоса ту или другую молитву. Когда же молитва читалась неправильно, то на предложеніе взрослому мальчику: „слушай же, я еще тебѣ прочитаю“, мальчикъ съ досадой говорилъ: „Ладно тебѣ, ты знаешь такъ“.

Учитель жеребцовской школы Канюковъ (пермякъ), на вопросъ мой, откуда онъ получаетъ жалованье, отвѣтилъ: „Изъ попа“.

Поѣздка пермяка въ городъ, а особенно въ губернскій,—цѣлое событіе. Староста одной церкви П. поѣхалъ за свѣчами для церкви въ Пермь. Мѣстный священникъ просилъ его передать деньги своему сыну-семинаристу. Моментальное появленіе электричества на пароходѣ, на которомъ ѣхалъ П. до Перми, такъ поразило его, что онъ всю ночь не могъ успокоиться; немало смущалъ его и шумъ отъ машины парохода. Когда пароходъ пристalъ въ Перми къ пристани, П. вышелъ на пристань и сталъ спрашивать встрѣчающихъ пароходъ барышень: „Голубушки, гдѣ же этта живетъ нашего попа сынъ С.?“. На вопросъ какой С., онъ отвѣтилъ: „Лико, да нашего

попа сына не знаете". И лишь послѣ большихъ поисковъ нашелъ онъ С. Проходилъ тотъ же П. по Сибирской улицѣ и въ одномъ изъ оконъ магазина увидѣлъ себя; принимая двойника за другое лицо, онъ спросилъ: „А что это ровно знакомый мужикъ-то?" И только когда подошелъ ближе къ окну, то убѣдился, что другой пермякъ не кто иной, какъ онъ же самъ П...

Сцены въ окружномъ судѣ. Предсѣдатель суда спрашиваетъ пермяка: „Какъ ваше имя?" Пермякъ при словѣ „ваше" оборачивается къ другимъ пермякамъ и говоритъ: „Насъ зовутъ Михайло, Миколай"... и проч. Предсѣдатель снова спрашиваетъ: „Какъ ваше-то имя?" Пермяка смущаетъ слово „ваше", онъ снова повторяетъ: „Насъ зовутъ Михайло, Миколай"... и пр. Предсѣдатель не выдерживаетъ: „Какъ твое-то имя?" — „Мое-то? Михайло".—Женщинъ обыкновенно на судѣ, по незнанію русскаго языка, спрашиваютъ черезъ переводчика. Уходя на судъ, пермячка, по совѣту родственниковъ, научается просить прогоны по-русски. И вотъ когда окончится допросъ ея по дѣлу, она стремительно подходитъ къ судейскому столу и порывисто произноситъ: „Деньга давай!"—Предсѣдатель суда предлагаетъ обвиняемому инородцу, не желаетъ ли онъ отвести кого-нибудь изъ свидѣтелей. Пермякъ заявляетъ: „Я бы, ваше высокоблагородіе, всѣхъ бы ихъ отвезъ, да кони-то у меня на „фатерѣ".—Читается длинный обвинительный актъ, по прочтеніи предсѣдатель суда спрашиваетъ подсудимаго, что онъ имѣетъ сказать по поводу обвинительнаго акта. Подсудимый отвѣчаетъ: „И... понаписано, ваше благородіе...

Пріѣхалъ помощникъ чердынскаго исправника Н. В. А. на станцію Селище, Косинской волости, и проситъ закусить. Хозяинъ отозвался незнаніемъ, есть ли что-нибудь, и обѣщалъ, уходя, послать жену. Является хозяйка. На вопросъ А., что есть закусить, пермячка на своемъ ломаномъ языкѣ сказала: „Абу" (нѣтъ). „А, что прикажешь мнѣ зубы на полку класть?" и тутъ же

А. вынимаетъ свою искусственную челюсть и кладетъ на полку. Это такъ ошеломило пермячку, что она, точно ошпаренная, съ крикомъ „колдунъ, колдунъ“, стремглавъ убѣжала изъ комнаты. Проходитъ 15—20 минутъ, и на столѣ появились молоко, яйца и хлѣбъ, принесенные самимъ хозяиномъ.

На вопросъ церковному сторожу, зачѣмъ долго ходилъ за просфорами, пермякъ говоритъ: „На просфорнѣ дрова рубилъ“, вмѣсто того, чтобы сказать, что просфорнѣ готовилъ дрова.

Въ поѣздкахъ нашихъ по деревнямъ съ волшебнымъ фонаремъ наблюдались такіе случаи. Если показывается картина цвѣтная, раскрашенная, то слышится изъ толпы: „Ой, батько, баско, шибко баско, ишшо, ишшо покажи“. Въ деревнѣ Б.-Сервѣ, Кудымкорской волости, на елкѣ 27-го декабря 1899 года, мною былъ демонстрированъ фонографъ. Надо было видѣть удивленныя физіономіи присутствовавшихъ. Когда я поставилъ: „Боже, Царя храни“, сначала было гробовое молчаніе, а потомъ раздалось чмоканье и крики: „Ой, ческытъ, ческытъ!“ (ой, сладко, сладко). Когда же было поставлено „попури-оркестръ“, то одинъ пермякъ не выдержалъ, наконецъ, и выругался нецензурно. На замѣчаніе мое, зачѣмъ онъ ругается, пермякъ отвѣтилъ: „Да ужъ шибко баско... и не знаю, что сказать“. А когда другой пермякъ напѣлъ пѣсню на фонографъ, то при повтореніи ея пермяки были такъ поражены, что только разинули рты и остались въ нѣмомъ оцѣпенѣніи.

Заканчивая настоящій очеркъ быта современныхъ подлиповцевъ, добавимъ, что къ описанію мы относились совершенно объективно, не увеличивая суммы зла и не уменьшая суммы добра. Здѣсь описаны нравы людей, которые не только дышатъ однимъ воздухомъ съ нами, но живутъ подъ охраною тѣхъ же самыхъ законовъ, которые и нашу жизнь регулируютъ, это наши соотече-

ственники, наши земляки... И, что всего ужаснѣе, приходится сознаться, что Подлиповка—не исключительный курьезъ, герои повѣсти—не выродки, а своего рода типы, не аномалія, а естественные, логическіе продукты жизни и исторіи. Это—не дикари, это—тѣ же люди, живущіе отъ Перми въ 180—200 верстахъ, но только люди глубоко несчастные. Лютая бѣдность ихъ „извела, доконала въ конецъ".

Инородческое духовенство.

Рыхлая почва готова:
Сѣйте, покуда весна!
Добраго слова и дѣла
Не пропадутъ сѣмена.

Никитинъ.

Извѣстно, что матеріальное положеніе нашего духовенства стоитъ въ прямой зависимости отъ экономическаго положенія самихъ прихожанъ, особенно тамъ, гдѣ духовенство довольствуется лишь однимъ ружнымъ сборомъ да доходностью отъ требъ. Въ иньвенскомъ инородческомъ краѣ, Соликамскаго уѣзда, духовенство совсѣмъ не получаетъ казеннаго жалованья; и большинство пользуется доброхотными даяніями—ружнымъ сборомъ, который за послѣдніе годы палъ до minimum'а.

Причина кроется въ обнищаніи самого инородца, вслѣдствіе рутиннаго способа обработки земли, обезлѣсенія, недостатка удобренія за сокращеніемъ скотоводства, уменьшенія площади покосовъ; площадь выгоновъ сократилась за окопаніемъ земель мѣстнаго помѣщика графа Строганова глубокими канавами, куда скотъ пермяковъ не можетъ проникать. При отсутствіи кустарныхъ промысловъ, земледѣліе, главное занятіе иньвенскихъ пермяковъ, съ каждымъ годомъ падаетъ, и недалеко то время, когда земля, истощенная въ конецъ, не будетъ давать и сѣмянъ. Ужъ и теперь приходится наблюдать въ иньвенскомъ краѣ грустную картину посѣвовъ озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ.

Проѣзжая по пермяцкому краю, направо и налѣво видишь тощіе стебли колосьевъ при чрезвычайной ихъ рѣдкости. Огороды погнили, земля истощена, скотоводство пало, кустарныхъ промысловъ нѣтъ,—вотъ въ какомъ положеніи находится иньвенскій иньородецъ. Самому ему выйти изъ тяжелаго экономическаго положенія не удается, вслѣдствіе его инертности, косности и вообще некультурности. Иньвенскіе инородцы теперь уже—земскіе пенсіонеры. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ они получаютъ въ ссуду земскій хлѣбъ, и нельзя надѣяться, чтобы пермякъ могъ скоро возвратить взятую ссуду. Напротивъ, съ каждымъ годомъ пособіе иньвенскому краю прогрессивно растетъ: въ 1893 году было дано губернскимъ земствомъ ссуды хлѣбомъ на 12000 руб., въ 1894 г.—на 18000 р., въ 1895 г.—на 25000 руб., въ 1896 г.—на 30000 руб. и въ 1897 г.—на 46000 руб. и т. д.

При такихъ условіяхъ—какихъ можно ожидать сборовъ руги духовенству, если самъ инородецъ беретъ земскій хлѣбъ заимообразно и думаетъ только о томъ, какъ бы не умереть съ голоду? Въ особенности тяжело положеніе духовенства иньвенскаго края въ послѣдніе годы, по случаю неурожаевъ хлѣбовъ, ихъ вымерзанія, неурожаевъ травъ, а потому естественно, что чаще и чаще слышатся жалобы на горемычное положеніе, описываются тѣ, часто неодолимыя, препятствія и трудности, съ которыми приходится бороться священникамъ при исполненіи пастырскаго служенія, та нужда и бѣдность, подъ гнетомъ которыхъ нерѣдко падаютъ и изнемогаютъ самыя здоровыя и крѣпкія нравственныя силы. Неудивительно, что среди духовенства иньвенскихъ приходовъ замѣчается стремленіе уйти въ другіе уѣзды. Ближайшей причиной бѣгства лучшихъ силъ духовенства служитъ и двусмысленное и натянутое положеніе его среди прихожанъ. Сбитые съ толку разными разсужденіями о „попахъ“, темные инородцы стали смотрѣть на плату за требы, какъ на незаконныя притязанія духо-

венства. Духовенство иньвенскихъ приходовъ ничего такъ пламенно не желало, какъ замѣны ружнаго сбора хотя и небольшимъ опредѣленнымъ жалованьемъ, въ чемъ ему до послѣдняго времени и удавалось. Но за послѣднія 4—5 лѣтъ жалованье отъ прихожанъ получается уже въ далеко меньшемъ размѣрѣ. Тамъ, гдѣ было по 300 руб., понижено до 200 руб., гдѣ было 150 руб.—тамъ 100 рублей. Приговоры о назначеніи жалованья духовенству, нерѣдко даже въ формѣ пользованія землею, составлялись въ отрицательномъ смыслѣ. Самые сходы сельскія власти созывали почти секретно отъ духовенства. Мы не знаемъ подробнаго содержанія приговоровъ, но знаемъ о тѣхъ мотивахъ, которые высказывались прихожанами при составленіи неблагопріятныхъ для духовенства приговоровъ. Большинство говорило такъ: „Пусть будетъ постарому“, но сельскія власти возражали: если платить жалованье попамъ, то нужно установить таксу на требы. Если за бракъ брали 8 рублей, то довольно попамъ и 5 руб., за отпѣтіе возрастнаго вмѣсто 1 руб.—50 коп., за крещеніе вмѣсто 30 коп.—15 коп. Извѣстное распоряженіе мин. внутр. дѣлъ, отъ 21 марта 1887 года, въ силу котораго церковно-приходскія дѣла не могутъ быть предметомъ сужденія волостныхъ и сельскихъ сходовъ, сельскія власти, поддерживаемыя ближайшимъ начальствомъ, игнорируютъ. На нѣкоторыхъ сходахъ, какъ въ селѣ Егвинскомъ, самъ старшина принималъ участіе въ сбавкѣ священнослужителямъ жалованья, говоря: „Надо сбавить попамъ“. И, дѣйствительно, священникамъ этого прихода уменьшили жалованье на 200 руб. *). Причину такого явленія въ жизни духовенства только и можно объяснить ненормальностью отношеній сельскихъ воротилъ и ихъ патроновъ къ духовенству. Вѣдь

*) Въ этомъ же селѣ десятникъ ходилъ по домамъ и объявлялъ, чтобы „попамъ“ „славленное“ не давали—„общество отказало“. Только подобными обстоятельствами и можно объяснить, что въ с. Егвѣ за послѣднія 5—7 лѣтъ перемѣнилось 8 іереевъ.

находятся же средства на дополнительное вознагражденіе волостнымъ писарямъ, самимъ волостнымъ старшинамъ, на церковные хоры съ регентомъ изъ капеллы, на содержаніе отъ общества особаго врача и проч. Не странно ли видѣть, что юсвинскій трехштатный причтъ, съ большимъ хоромъ пѣвчихъ, содержался на средства истощеннаго разными налогами темнаго пермяка; священники получаютъ по 100 руб. годового оклада жалованья при скудныхъ доходахъ на семь членовъ причта и отдачѣ церковной земли прихожанамъ, а волостной писарь получаетъ 1000 р., старшина—300 руб., даже церковный староста получаетъ 120 руб. въ годъ. Годовой бюджетъ волостного писаря не меньше тысячи, а священникъ получаетъ не больше 500—600 руб. въ годъ, что при дороговизнѣ всѣхъ жизненныхъ продуктовъ въ пермяцкомъ краѣ, по случаю плохихъ путей сообщенія, отдаленности его отъ губернскаго города въ 180 верстахъ и въ 190 отъ уѣзднаго, крайне недостаточно. Всѣ служебныя сословія, какъ судебные слѣдователи, лѣсничіе, земскіе начальники, становые пристава получаютъ далеко больше священниковъ забытаго иньвенскаго края. Лучшія общественныя квартиры занимаются волостными писарями, а священники нерѣдко живутъ въ убогихъ холодныхъ квартирахъ, угрожающихъ паденіемъ. Въ 15 приходахъ иньвенскаго края лишь одинъ священникъ имѣетъ собственный домъ, а всѣмъ остальнымъ, въ случаѣ продолжительной болѣзни и выхода за штатъ, негдѣ и голову преклонить. Священникъ Верхъ-Юсвенскаго села Петръ Игнатьевъ, прослужившій 25 лѣтъ на одномъ мѣстѣ, оставилъ лишь 180 рублей, не имѣя ни кола ни двора.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1897 года въ селѣ Архангельскомъ имѣлъ мѣсто такой фактъ: во время поѣздки мѣстнаго священника А. Попова въ г. Пермь, по распоряженію волостного правленія, въ нижній этажъ квартиры сельскаго батюшки переведена казенная винная лавка. Каково было удивленіе батюшки, когда онъ, подъѣхавъ къ своей

квартирѣ въ ночное время, видитъ горящій фонарь на углу своего дома, выходитъ изъ саней и читаетъ: „казенная винная лавка № 165“. Понятно, сколько нравственныхъ терзаній причинила ему подобная наглость волостныхъ заправилъ, сколько насмѣшекъ пришлось испытать этому почтенному старцу, имѣющему взрослыхъ дочерей. Обращался онъ къ мѣстному земскому начальнику Яновичу, но тотъ остался глухъ къ его жалобамъ.

Представимъ себѣ наглядно положеніе молодого пастыря, вновь поступившаго въ инородческій приходъ. Вотъ поступаетъ въ инородческій приходъ молодой семинаристъ съ мечтою о самой широкой и разумной пастырской дѣятельности въ глухомъ пермяцкомъ селѣ, съ мечтою, которую онъ лелѣялъ еще сидя на семинарской скамьѣ, готовясь къ пастырству, думая свободно сѣять слово Божіе на природномъ языкѣ инородцевъ, думая, что духовныя силы его найдутъ здѣсь лучшее примѣненіе, чѣмъ въ высшей духовной школѣ. Какъ, бывало, этотъ идеальный юнецъ, пріѣзжая домой на каникулы, всматривался во всѣ подробности жизни и дѣятельности сельскаго священника, какъ потомъ, возвращаясь въ семинарію, въ товарищескихъ кружкахъ передавалъ свои впечатлѣнія, строилъ свои планы будущаго священствованія, съ дѣтскимъ восхищеніемъ предвкушая сладость плодовъ будущей работы.

Надъ своею неопытностью, надъ своими силами юнецъ мало задумывается; онъ думаетъ: его поддержатъ наставятъ, помогутъ; матеріальная сторона священнической жизни тоже мало смущаетъ. Увы! Насколько все это со стороны юнаго идеалиста свято и честно, настолько же дѣтски наивно. Съ тою же наивностью юнецъ, вступивъ въ жизнь, начинаетъ священствовать. На первыхъ же порахъ своего служенія онъ открыто, честно и искренно обращается къ прихожанамъ съ благовѣстіемъ, нѣкоторою пылкостью и искреннею готовностью, въ часовняхъ проповѣди говоритъ на пермяцкомъ языкѣ. Поста-

вивъ себѣ задачею стать на высотѣ своего призванія, молодой пастырь дѣлаетъ все, чтобы возвысить и, такъ сказать, облагородить внѣшнія житейскія отношенія со своими прихожанами всѣхъ ранговъ и состояній. Въ домахъ сельскихъ властей и заправилъ онъ считаетъ нужнымъ уклоняться отъ недостойной его роли благодѣтельствуемаго парія, а въ отношеніи прочихъ прихожанъ старается наблюдать равность и прямоту, чуждую всякаго искательства и предпочтенія однихъ прихожанъ другимъ по ихъ матеріальному благосостоянію. Такія новшества принимаются „интеллигентными“ прихожанами съ недоумѣніемъ, а „власть имущими“, съ непріязнію сначала скрытою, а потомъ явною. Разные мелкіе разночинцы и маклаки, привыкшіе къ панибратству со священниками, никакъ не могутъ примириться съ новымъ отношеніемъ, несоотвѣтствующимъ ихъ низменному самолюбію. Въ пермяцкомъ краѣ замѣчается своя особенность, что если членъ причта не угощаетъ прихожанъ традиціонною брагою, то онъ становится не популяренъ и теряетъ „ружный сборъ“. Съ этимъ вѣковымъ обычаемъ бороться чрезвычайно трудно, ибо онъ поддерживается духовенствомъ, которое боится лишиться куска хлѣба.

Начинаются подвохи, записываніе жалобъ на священника въ книгу явокъ волостного правленія, а копія съ нихъ „благожелателями“ духовенства, пользующимися всякимъ случаемъ, чтобы навредить нелюбому священнику, сообщается епархіальному начальству. Законныя требованія пастыря объясняются придирчивостью и неуживчивостью, а потомъ, по наущенію „радѣтелей“ народа, летятъ просьбы епархіальному начальству о вымогательствѣ и другихъ мнимыхъ неблаговидныхъ поступкахъ духовенства. Надо замѣтить, что главную роль въ подобныхъ доносахъ играютъ не темные бѣдняки-народцы, а люди зажиточные, иногда и сами „радѣтели народные“, и настоящими мотивами этихъ жалобъ служатъ всегда

личныя отношенія жалобщиковъ къ священнику, а „вымогательство“ здѣсь служитъ большею частью благовиднымъ предлогомъ и вѣрнымъ средствомъ къ достиженію личной цѣли. По жалобамъ этимъ назначаются слѣдствія, священники подвергаются судебной волокитѣ, дѣла производятся въ присутствіи всего прихода; хотя они и не подтверждаются, но жалобщики всегда достигаютъ своей ближайшей цѣли—унизить священника, нанести ему въ приходѣ непоправимый нравственный и матеріальный ущербъ и тѣмъ отомстить за неудовлетворенность своихъ традиціонныхъ претензій.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ жалобъ и разбирательствъ, а также и уменьшенія жалованья духовенству, является то, что молодыя лучшія силы духовенства, понявъ, что среда эта далеко не соотвѣтствуетъ ихъ стремленіямъ и взглядамъ, не желая подвергать себя дальнѣйшимъ непріятностямъ и входить въ компромиссъ, при первой же возможности уходятъ изъ пермяцкаго края.

Если вспомнить всю работу, которую несутъ эти добровольные мученики, тѣ трудности, которыя имъ приходится одолѣвать, убійственныя помѣщенія, отсутствіе образованныхъ людей и вѣчную борьбу съ упорными и постоянно повторяющимися эпидеміями (тифъ въ пермяцкомъ краѣ никогда не переводится), если прибавить къ этому неизбѣжное сознаніе своего безсилія передъ фактомъ окружающей нищеты и грязи, то нѣтъ возможности, конечно, смотрѣть на этихъ іереевъ иначе, какъ съ глубокимъ сочувствіемъ и уваженіемъ. Впрочемъ, большая часть духовенства, безъ полнаго семинарскаго образованія, не разсчитывающая на лучшее мѣсто въ епархіи, съежившись, тихо прозябаетъ, нерѣдко мало чѣмъ превосходя невѣжественныхъ пермяковъ, подъ давленіемъ „народныхъ радѣтелей“ и общественныхъ заправилъ. А между тѣмъ если гдѣ, то именно здѣсь нужны истинные дѣятели, а не „требники“, какими являются подобные представители духовенства. Въ инородческихъ

приходахъ иньвенскаго края требуются особые труды отъ священника, такъ какъ служеніе священника тутъ чисто миссіонерское. Приходы по количеству душъ громадные; женщины почти совсѣмъ не говорятъ по-русски, языческіе обычаи все еще не утратили своихъ слѣдовъ, колдуны и знахари въ полномъ почитаніи, невѣжество народа непробудное. Чтобы стоять на высотѣ своего призванія, отъ священника требуется много самопожертвованія, терпѣнія, трудолюбія и беззавѣтной преданности своему служенію. Вотъ почему необходимо возможно скорѣе позаботиться объ обезпеченіи духовенства пермяцкихъ приходовъ казеннымъ жалованьемъ, чтобы вызвать сюда приливъ людей съ семинарскимъ образованіемъ.

Преосвященный Неофитъ, архіепископъ пермскій и верхотурскій, обыкновенно, при „неблаговидныхъ поступкахъ духовенства“ выражался такъ: „А вотъ пошлю его въ Чердынскій уѣздъ“; теперь за подобные проступки посылаютъ въ пермяцкій край Соликамскаго уѣзда. И, дѣйствительно, въ селѣ Кудымкорѣ въ 1892—94 годахъ было на исправленіи три священника, въ селѣ Архангельскомъ — одинъ священникъ, въ селѣ Отевѣ — одинъ священникъ, въ селѣ Бѣлоевѣ—одинъ священникъ, въ селѣ Ошибѣ—одинъ іерей. Съ назначеніемъ же казеннаго жалованья духовенству Чердынскаго уѣзда, туда пошли лучшіе люди, и большинство изъ нихъ высоко держитъ стягъ священства. За послѣднее время туда перешли изъ иньвенскаго края священники съ полнымъ семинарскимъ образованіемъ: о. Кумовъ, Коровинъ, Бѣляевъ и Поповъ, такъ какъ, кромѣ казеннаго жалованья, всѣ дополнительныя средства духовенства въ Чердынскомъ уѣздѣ далеко выше, чѣмъ въ Соликамскомъ; такъ, напримѣръ, въ Чердынскомъ уѣздѣ священники получаютъ за преподаваніе закона Божія въ земскихъ училищахъ 150 руб., а въ Соликамскомъ — 60 руб., за требо-исправленіе таксы въ Чердынскомъ уѣздѣ не существуетъ; сѣнокосныя угодія въ Чердынскомъ уѣздѣ хорошія, чего нельзя сказать про

иньвенскій край, а недостатокъ луговъ не даетъ возможности развить хозяйство, которое въ быту духовенства является большимъ подспорьемъ. Недостатокъ лѣсовъ лишаетъ духовенство такого подспорья въ жизни, какъ грибы, ягоды и проч. Помѣщенія отъ общества для духовенства въ Чердынскомъ уѣздѣ вполнѣ приличныя, тогда какъ въ иньвенскомъ краѣ дома священниковъ пришли въ ветхость, а нѣкоторые угрожаютъ паденіемъ. Въ Чердынскомъ уѣздѣ и топливо далеко дешевле, чѣмъ въ Соликамскомъ, гдѣ сажень дровъ стоитъ 2 руб., тогда какъ въ Чердынскомъ уѣздѣ стоимость ея не дороже 80 коп.

Духовенствомъ иньвенскаго инородческаго края принимались даже искусственныя мѣры къ поднятію доходности, и только этимъ можно объяснить постройку часовенъ, нерѣдко по двѣ въ одномъ обществѣ, чего мы не видимъ въ Чердынскомъ уѣздѣ, а традиціонная брага и кумышка на деревенскихъ праздникахъ, такъ распространенныхъ въ иньвенскомъ краѣ, способствовали большой деморализаціи невѣжественнаго инородца. При такихъ-то условіяхъ, естественно, духовенство инородческихъ приходовъ на каждомъ своемъ собраніи окружнаго духовенства возбуждало ходатайство о назначеніи казеннаго жалованья, но пока безуспѣшно. Впрочемъ, за послѣднее время духовенство иньвенскихъ приходовъ начинаетъ прилагать заботы объ искорененіи вредныхъ обычаевъ, вкравшихся, не безъ его участія, въ народную жизнь. Оно дѣлаетъ все, что можетъ, для того, чтобы своимъ чисто-нравственнымъ вліяніемъ улучшить и облагородить жизнь пермяковъ; мы видимъ, что за послѣднее время при всѣхъ церквахъ пермяцкихъ приходовъ открыты церковно-приходскія попечительства. Если духовенство и не вездѣ достигаетъ благопріятныхъ результатовъ, то надо принять во вниманіе тѣ условія, при которыхъ приходится ему работать среди глухого пермяцкаго края. Мы уже сказали, что зависимость пастырей отъ своихъ пасомыхъ

на почвѣ матеріальныхъ столкновеній вредитъ успѣху пастырскаго служенія и ставитъ преграды ему. Сознаніе того, что средства къ существованію находятся въ рукахъ пасомыхъ, можетъ отнимать отъ него силу и энергію, необходимыя для борьбы, заставляетъ его молчать тамъ, гдѣ слѣдовало бы возвысить голосъ и обличать, заставляетъ его уступать тамъ, гдѣ нужно бы настаивать и требовать. Находясь въ полной зависимости отъ своихъ прихожанъ, духовенство пермяцкихъ приходовъ въ то же время предоставлено исключительно самому себѣ въ борьбѣ со всевозможными пороками и нуждами своей паствы. Образованные люди, слѣдователи, лѣсничіе и другіе, если они находятся въ сельскомъ приходѣ, по большей части чуждаются приходскаго пастыря, не хотятъ имѣть никакой солидарности и связи съ священниками, отчего послѣдніе чувствуютъ себя одинокими среди массы, которую они призваны лѣчить и воспитывать нравственно. Пастыри учатъ, но они не видятъ себѣ поддержки и опоры со стороны интеллигентныхъ лицъ, проживающихъ въ предѣлахъ ихъ приходовъ; эти лица не хотятъ оказать имъ дѣйствительной помощи въ борьбѣ, на что пастыри имѣютъ полное право разсчитывать, и остаются не связанными съ приходскимъ духовенствомъ никакимъ общественнымъ интересомъ. Между тѣмъ извѣстно, — одинъ въ полѣ не воинъ. Борьба со зломъ требуетъ усиленныхъ и сложныхъ хлопотъ, а силы одного только приходскаго пастыря недостаточны для того, чтобы удовлетворить всѣмъ нуждамъ своей паствы, очень часто разсѣянной на большомъ пространствѣ, такъ что она во всей своей массѣ не можетъ быть подъ его постояннымъ и непосредственнымъ наблюденіемъ. Послѣ этого можно ли винить духовенство глухого пермяцкаго края въ томъ, что оно не умѣетъ учить народъ, не воспитываетъ его, не искореняетъ его недостатковъ?

До какой степени трудно бороться съ покровителями провинціальной темной силы—земскими начальниками—по-

казываетъ слѣдующій фактъ. Одинъ изъ благочинныхъ инородческихъ приходовъ, получивъ рядъ донесеній отъ подвѣдомственнаго духовенства о дѣяніяхъ земскихъ начальниковъ—Яновича и Бронскаго, довелъ это до свѣдѣнія преосвященнаго Петра, но тотъ не обратилъ никакого вниманія на его заявленіе. Благочинный писалъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцеву, который препроводилъ прошеніе епископу Петру. Результатомъ докладной записки оказалось увольненіе о. благочиннаго отъ должности. Желая узнать, можно ли найти судъ на земскихъ начальниковъ, проситель писалъ министру внутреннихъ дѣлъ, г. Плеве, послѣдній просьбу переслалъ пермскому губернатору. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ со дня отправленія прошенія министру, какъ проситель получилъ архіерейскую резолюцію: „Вслѣдствіе дурного отзыва губернскаго начальства, вамъ запрещается священнодѣйствовать“. Зная губернатора Д. Г. Арсеньева за человѣка гуманнаго, уволенный благочинный просилъ разъясненія архіерейской резолюціи. Д. Г., выразивъ полное недоумѣніе объ архипастырской резолюціи, замѣтилъ, что онъ при увольненіи исправниковъ и становыхъ приставовъ не руководился отзывомъ духовнаго начальства и велѣлъ выдать изъ своей канцеляріи удостовѣреніе, что имъ никакихъ дурныхъ отзывовъ объ этомъ іереѣ никогда не давалось. Получивъ такой отзывъ начальника губерніи, владыка Петръ страшно разгнѣвался и до самой кончины говорилъ: „Въ монастырь его надо засадить“. Умирая, епископъ Петръ понялъ, повидимому, незаконность своихъ дѣйствій, если судить по его высокоправдивымъ словамъ въ предсмертномъ напутствіи лицамъ, окружавшимъ его: „Вотъ и мы, епископы, нерѣдко поступаемъ не такъ; *опомнимся только при концѣ жизни*“. (см. „Перм. Епарх. Вѣдом.“, № 15, 1902 г.).

Въ заключеніе сказаннаго о тяжеломъ нравственномъ и матеріальномъ положеніи духовенства инородческихъ пермяцкихъ приходовъ, мы считаемъ нужнымъ напомнить

тѣмъ, которые берутся судить о духовенствѣ нашего глухого края, чтобы они, прежде произнесенія приговора о темныхъ сторонахъ жизни духовенства, прежде возбужденья жалобъ на мнимое вымогательство и сбавки жалованія, хорошенько взвѣсили тѣ трудныя обстоятельства, въ которыхъ оно находится.

Прочитавши настоящія строки, вспомните, читатель, тѣ страницы изъ „Дневника семинариста“ Никитина, гдѣ разсказывается о мечтахъ семинариста Бѣлозерскаго. Бѣлозерскій думалъ о томъ, какъ поступитъ священникомъ въ деревню, какъ будетъ помогать крестьянамъ, давать имъ совѣты и указанія въ ихъ дѣлахъ, какъ сдѣлается героемъ деревни. Затѣмъ помните ли вы, что сказалъ ему въ отвѣтъ на эти мечты Яблочкинъ, его другъ, безвременно сошедшій въ могилу, даровитый юноша?

„Нужно имѣть желѣзную волю, мало этого — нужно имѣть свѣтлую, многосторонне развитую голову, чтобы устоять одиноко на той высотѣ, на которую ты думаешь себя поставить, и гдѣ же?—Въ глуши, въ совершенномъ разъединеніи со всякимъ умственнымъ движеніемъ“. Какая жизненная мрачная правда звучитъ въ этихъ словахъ?! А развѣ эти же слова не относятся и къ тяжелому положенію инородческаго священника? Развѣ они не говорятъ о его жизни? Скудость содержанія, отсутствіе порядочнаго общества, средствъ для самообразованія, зависимость отъ сельскихъ воротилъ,—развѣ этимъ недостаточно характеризуется жизнь сельскаго священника инородческихъ пермяцкихъ приходовъ Соликамскаго уѣзда?

Учительская доля.

Въ селѣ Архангельскомъ, закамскаго края, нѣкій Степанъ Ѳедоровичъ Баталовъ имѣетъ громадное вліяніе не только на крестьянъ-инородцевъ, но и на другія сословія. Этотъ господинъ, имѣвшій вѣчные счеты съ помощникомъ учителя Б., вздумалъ ему, по русскому обычаю, „удружить“, „дать себя знать“ и т. д. Однажды онъ получилъ свѣдѣнія, будто помощникъ во время вѣнчанія какой-то свадьбы на паперти ухаживалъ за дѣвушками.

Какъ! кощунствовать, такъ сказать, у порога самаго храма, когда тамъ совершается такое великое таинство!

— Постой, погоди, я его разуважу, — восклицаетъ смотритель чистоты нравовъ и устремляется къ горемычному помощнику, которому, не говоря дурного слова, начинаетъ накладывать. Избивши беззащитнаго молодого человѣка, что называется, дополусмерти, онъ приказываетъ его связать и при крикахъ собравшейся толпы ведетъ въ волостное правленіе, гдѣ начинаютъ чинить судъ.

Но этого мало. Снявши допросъ, писарь Баталовъ, при формальномъ рапортѣ отъ имени волостного старшины, подъ конвоемъ полицейскаго сотскаго, отправляетъ помощника учителя и двухъ дѣвицъ къ подлежащей власти, прося оную сдѣлать распоряженіе о медицинскомъ осмотрѣ „подсудимыхъ“...

Къ счастью, „подлежащая власть“ догадалась немедленно освободить „подсудимыхъ“ и дѣло о самоуправ-

ствѣ писаря было отправлено мировому судьѣ, который, въ свою очередь, направилъ мѣстнаго Аристида на два мѣсяца въ кутузку. Оказалось, виновность „святотатца и развратника“ заключалась въ его безпомощномъ, приниженномъ и беззащитномъ положеніи помощника учителя сельской школы, надъ которымъ не только такой безбожникъ, т.-е. козырный тузъ, какъ писарь, но и червонные валеты — старшина, староста и т. п. карты волостной колоды — имѣютъ неограниченную власть, по ихъ мнѣнію, дающую имъ право или съ кашкой ѣсть, или масло пахтать изъ несчастнаго народнаго учителя. Казалось бы, послѣ разсказаннаго инцидента, непосредственное нахальство писаря Баталова взглянетъ на него другими глазами, чѣмъ смотрѣло до сего времени. Но на дѣлѣ вышло не то. Писарь Баталовъ, на время переведенный въ село Ошибъ, засадилъ народнаго учителя, Ивана Петровича Чудинова, въ день экзаменовъ въ кутузку волостного правленія. Напрасно искалъ защиты бѣдный учитель у мѣстнаго земскаго начальника, г. Яновича, который былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Баталовымъ.

Жаловался Чудиновъ на дѣйствія Баталова инспектору народныхъ училищъ, г. Семченкову, но результатомъ оказался переводъ Чудинова въ другое училище.

Аналогичный случай былъ и въ селѣ Юсовѣ, гдѣ тотъ же знаменитый земскій начальникъ, В. Яновичъ, издѣвался надъ завѣдующимъ второклассной церковно-приходской школой, г. Швецовымъ, единственно потому, что онъ былъ по происхожденію изъ крестьянъ. И тутъ дѣятель на родной нивѣ не нашелъ защиты. Вотъ что пишетъ одинъ наблюдатель надъ дѣятельностью (?) волостныхъ писарей среди инородцевъ: „Значеніе могущества и важность волостного писаря можетъ объясняться отчасти степенью невѣжества окружающихъ: чѣмъ темнѣе народная масса, тѣмъ она безотвѣтнѣе, тѣмъ вліятельнѣе и тѣмъ большую роль играетъ волостное начальство; а такъ какъ въ большинствѣ случаевъ старшины безграмотны и ко всему,

что ни напишетъ писарь, прикладываютъ свою печать, то, при повальномъ безграмотствѣ, писарь, въ глазахъ невѣждъ, является какъ бы человѣкомъ всемогущимъ. Протеста ожидать не отъ кого: дѣлай, что хочешь. Какъ смотрятъ инородцы на этихъ „сильныхъ міра сего“, достаточно видно изъ такой характерной поговорки: „Ты въ храмѣ сними шапку!“ „А что? Развѣ писарь здѣсь?..“

О пермякахъ и о Пешнигортской общинѣ.

Проживъ нѣсколько лѣтъ среди пермяковъ иньвенскаго края, я имѣлъ возможность составить нѣкоторое понятіе объ ихъ характерѣ, объ ихъ нравахъ, обычаяхъ, и постараюсь, на основаніи видѣннаго, уяснить, что можно бы сдѣлать для пермяка, чтобъ и онъ достигъ той степени культурнаго развитія, на которой стоитъ великороссъ—крестьянинъ, чтобъ пермякъ пересталъ проводить рѣзкую границу между собой и „русскимъ“, несправедливо унижать себя, какъ пасынка природы, и возвеличивать „благополучнаго россіянина“ — кулака, являющагося въ этотъ глухой край обдѣлывать дѣлишки и доминирующаго беззастѣнчивостью и „развитіемъ“.

Россіянинъ-культуртрегеръ, явясь сюда, не стѣсняется гласно высказывать свою смѣлость, свой образъ мыслей и дѣйствій: „Законъ—что дышло,—куда повернулъ, туда и вышло!“ говоритъ онъ,—и за лѣсами, за горами безбоязненно растутъ плоды просвѣщенія.

Вотъ мы, заявляютъ Колупаевы, раздѣлили между собою пермяцкій край, и кому какое дѣло?! Мы взяли Юсьву и Юрлу, Мелюхинъ-Кудымкоръ, Григорья-піанъ-Косу, Гайны—Леонидычи, Будылевъ—Юксѣево и т. д. А я строилъ школу, заявляетъ Колупаевъ, и лучшія бревна казеннаго лѣса оставилъ для своего дома. И все сошло въ лучшемъ видѣ!..

Свѣжему человѣку страшно сюда и сунуться. Противиться ли злу или не противиться?

Пермякъ—человѣкъ по натурѣ кроткій, флегматичный; по сложившемуся экономическому и соціальному строю—робкій, неразвитый, притѣсняемый Колупаевыми изъ россіянъ и.... изъ своего же брата.

Какъ они появляются—пермяки Колупаевы?—Въ воспитаніи ребенка мать - пермячка исправляетъ только обязанности кормилицы,—ни молитвъ она не знаетъ, ни говорить по-русски не умѣетъ, ни уваженіемъ со стороны домашнихъ не пользуется. Поэтому незаглушаемые, пышно расцвѣтаютъ въ пермякѣ инстинкты. Отсюда—то печальное явленіе, что способный ребенокъ успѣшно кончаетъ школу, пополняетъ свои знанія чтеніемъ, общеніемъ съ „русскими“ и... наконецъ, распускается пышнымъ живоглотомъ безъ принциповъ, безъ совѣсти...

Итакъ — призовите къ борьбѣ женщинъ. Женское вліяніе въ воспитаніи дѣтей—вотъ необходимое условіе поднятія умственнаго и нравственнаго развитія и экономическаго благосостоянія пермяка.

Нужны женскія школы. Но какія? Найдутся ли самоотверженныя дѣвушки-учительницы, которыя пойдутъ вразбродъ, въ одиночку, бороться съ стоглавой гидрой кулачества, возросшаго на почвѣ невѣжества и дикости? А если найдутся, то не смолкнутъ ли ихъ честные голоса, одинокіе передъ ревомъ этой гидры? Сколько должно быть жертвъ—и жертвъ, можетъ-быть, безполезныхъ?!

Нѣтъ, нуженъ союзъ, нужна крѣпость прочная, и вотъ такой крѣпостью считаемъ мы монастырь въ д. Пешнигортѣ, Соликамскаго уѣзда, въ центрѣ иньвенскихъ пермяковъ.

Контрастъ примѣрной чистоты келлій съ сажей курныхъ избъ пермяцкихъ, строгости съ разнузданностью, христіанскаго благочестія съ полуязыческими обрядами,—все это на каждомъ шагу заставляетъ пермяка „на себя поглядѣть“. Деревянный храмъ обители незатѣйливъ, но онъ украшенъ драгоцѣнными жертвами: тутъ образъ

святителя Стефана—жертва московскаго общества хоругвеносцевъ, тутъ образъ цѣлителя Пантелеймона съ горы Аѳона... Чистота, порядокъ, стройное пѣніе, хорошее чтеніе, — все это привлекаетъ сюда, въ этотъ малый и небогатый храмъ, сотни сыновъ глухого дикаго края, невидавшихъ свѣта, идущихъ за сотни верстъ, чтобъ побыть здѣсь 2—3 дня, освѣжить душу.

Люди-братья не оставятъ младшихъ темныхъ братьевъ безъ помощи, будетъ расти мирная обитель и, можетъ-быть, рано или поздно разрастется при обители женская школа и превратится въ школу второклассную. Сколько добрыхъ просвѣтительницъ бѣдныхъ инородцевъ можетъ выйти изъ такой школы! И что всего цѣннѣе, никогда не порвется ихъ связь съ ихъ „alma mater“, всегда онѣ будутъ имѣть возможность возобновлять тутъ слабѣющія силы, находить поддержку нравственную и матеріальную, онѣ не будутъ вѣчными странницами, мѣняющими одну школу на другую по доброй ли волѣ или противъ воли...

Дальнѣйшій успѣхъ и процвѣтаніе этой обители зависитъ, конечно, отъ большого или меньшаго сочувствія общества къ дѣлу религіозно-нравственнаго просвѣщенія инородцевъ.

Какъ улучшить бытъ закамскихъ инородцевъ Пермской губерніи.

Я боролся, видитъ Богъ,
Я боролся, сколько могъ.
Вейнбергъ.

Внимательное изученіе пермяцкой жизни убѣждаетъ прежде всего въ невыразимо тяжеломъ экономическомъ положеніи этой безпомощной 100-тысячной массы. За послѣднія 14 лѣтъ приходится наблюдать цѣлый рядъ случаевъ болѣе или менѣе посильной помощи, которую оказывала пермскимъ инородцамъ частная инициатива какъ въ дѣлѣ просвѣщенія инородцевъ, такъ и, главнымъ образомъ, въ цѣляхъ облегченія ихъ чрезвычайно тяжелаго матеріальнаго положенія. Между прочимъ, въ тяжелую годину голодовки (1889 года) воззванія въ столичныхъ газетахъ собрали нѣкоторую сумму, которая дала возможность открыть нѣсколько безплатныхъ народныхъ столовыхъ и выдать инородцамъ нѣсколько лошадей и коровъ. Но внимательное изученіе инородческой жизни приводитъ къ твердому, хотя и не новому заключенію, что такими палліативами здѣсь далеко не обойтись,—слишкомъ ужъ великъ ужасъ безпомощнаго положенія этой бѣдной, темной и некультурной массы.

Въ этомъ укрѣпляетъ и авторитетный отзывъ проф. Евецкаго, признавшаго въ своемъ компетентномъ изслѣдованіи быта пермяковъ-инородцевъ, что положеніе по-

слѣднихъ безвыходно и настоятельно требуетъ самаго участливаго отношенія къ себѣ.

Повидимому, только мѣры широкаго характера могли бы спасти эту пермяцкую голь отъ окончательнаго паденія и преждевременной экономической смерти.

И если бъ, избѣгая старыхъ палліативовъ, начать поиски болѣе радикальныхъ мѣръ, то пришлось бы вновь и вновь остановиться *на переселеніи*, этомъ испытанномъ русской народной жизнью средствѣ исцѣленія отъ тяжелыхъ экономическихъ недуговъ.

Но мысль о переселеніи, неразрывно связывающаяся обыкновенно съ представленіемъ о Сибири, теперь, въ виду послѣдовавшаго по случаю войны запрещенія переселяться въ Сибирь, невольно должна сама собой отпасть или, по крайней мѣрѣ, надо найти новыя области Россіи, удобныя для переселенія.

И, пожалуй, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, напр., могъ бы быть полезенъ сосѣдній Глазовскій уѣздъ, Вятской губерніи, въ который съ большимъ удобствомъ для инородцевъ могло бы направиться переселеніе.

Сравнительно съ указанными уѣздами, Глазовскій представляетъ значительныя удобства для проживанія въ немъ пермяковъ-инородцевъ. Во-первыхъ, болѣе трети всего Глазовскаго уѣзда—8516 кв. в.—орошается протекающими въ сѣверной части уѣзда рѣками: Вяткой, съ притоками Бѣлая и Омутная, и рѣкой Камой, съ притоками Сева, Колычъ, Гусь, Пызень, Кая, Норимъ и Неополь. И одно уже это обстоятельство является очень благопріятнымъ для поселенія. Затѣмъ близость сплавной рѣки Камы обусловливаетъ возможность занятія лѣснымъ хозяйствомъ, тѣмъ болѣе, что огромная часть уѣзда занята лѣсами, обиліе которыхъ можетъ дать переселившимся инородцамъ большой заработокъ (рубка и вывозъ лѣса, выжиганіе угля, гонка смолы и дегтя и пр.). Притомъ значительная часть лѣсовъ принадлежитъ казнѣ, а не частнымъ лицамъ, какъ это наблюдается, напр., въ

Соликамскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи (Строгановскіе лѣса) и, слѣдовательно, легко могла бы быть предоставлена переселенцамъ-инородцамъ. Возможность переселенія въ Глазовскій уѣздъ облегчается еще и тѣмъ, что все разстояніе, на которомъ происходило бы передвиженіе переселенцевъ, составляетъ всего только 60—70 верстъ, такъ что инородцы могли бы легко захватить все свое имущество, не подвергая его, какъ это бываетъ при переселеніи въ Сибирь, вынужденной и невыгодной продажѣ. Самое передвиженіе инородческаго населенія легко можно возложить на пермское земство, которое, кстати, уже устраиваетъ грунтовую дорогу въ этой мѣстности.

Возможность поселенія пришлыхъ элементовъ въ Глазовскомъ уѣздѣ признается и правительствомъ, которое уже отвело для этой цѣли въ верхо-камскомъ лѣсничествѣ нѣсколько тысячъ десятинъ земли съ лѣсомъ и покосами *). Но земля эта предназначена лишь для выходцевъ изъ внутреннихъ губерній, которые, однако, по многимъ причинамъ не пользуются предоставляемой имъ возможностью поселенія, и земля, такимъ образомъ, остается свободной. Послѣднее обстоятельство и заставляетъ обратить вниманіе на необходимость предоставленія этой земли для свободнаго поселенія на ней нуждающихся инородцевъ-пермяковъ.

Не послѣднее мѣсто должно занять и то соображеніе, что здѣсь, подъ вліяніемъ близкаго сосѣдства съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, наиболѣе обезпечивается возможность культурнаго развитія именно инородческихъ элементовъ.

Съ проведеніемъ же Петербургско-Вятской желѣзной дороги, которая пройдетъ въ 50-ти верстахъ отъ мѣста новаго поселенія, возможность эта должна возрасти еще

---

*) Верхо-камскій лѣсничій имѣетъ жительство въ селѣ Карсаваѣ, Глазовскаго уѣзда.

болѣе, вслѣдствіе постояннаго передвиженія мѣстнаго населенія по всему району, охватываемому желѣзнодорожной линіей. Вліяніе желѣзнодорожнаго сообщенія, несомнѣнно, проявится и въ быстромъ подъемѣ экономическихъ силъ какъ вообще всего мѣстнаго населенія, такъ и инородческаго элемента.

Уже пятый годъ инородцы живутъ впроголодь, давно уже лишившись послѣдняго скота. Факты послѣдняго времени представляются совсѣмъ безотрадными.

Вотъ отрывокъ изъ одного полуофиціальнаго прошенія должностного лица: „Прошу васъ убѣдительнѣйше о помощи пострадавшимъ нынѣ отъ недорода крестьянамъ ввѣреннаго мнѣ участка. Вы сами, проѣхавши сейчасъ изъ Кочи по Кочевской и Юмской волостямъ, а также и по Юрлинской, лично убѣдились, что настоящій годъ для нашихъ крестьянъ исключительно тяжелый: безъ сторонней помощи ни за что крестьянамъ не пробиться до будущаго урожая, и теперь уже есть крайне нуждающіеся въ помощи, особенно дѣти, дряхлые и престарѣлые“.

Соликамское земское собраніе постановило 26-го февраля 1900 года прійти на помощь инородческому населенію путемъ закупки хлѣба и просить губернское земство о выдачѣ лошадей (см. „Перм. Губ. Вѣд.“, 1904, № 52). Экстренное земское чердынское собраніе, собравшееся 10-го апрѣля для обсужденія помощи закамскимъ волостямъ, пострадавшимъ отъ неурожая, также констатировало крайнюю нужду и необходимость скорой помощи.

Но всѣ эти, какъ и многіе другіе палліативы, принося свою долю пользы, не въ состояніи разрѣшить вопросъ о поддержкѣ инородцевъ и еще сильнѣе подчеркиваютъ необходимость немедленнаго принятія рѣшительной и широкодѣйствующей мѣры; а таковой при настоящихъ обстоятельствахъ представляется только переселеніе инородцевъ въ Глазовскій уѣздъ.

Ходатайство о разрѣшеніи этого переселенія было возбуждено заинтересованными лицами въ особой докладной запискѣ, поданной министру В. К. Плеве незадолго до его смерти, и теперь было бы очень желательно, чтобы оно, наконецъ, увѣнчалось успѣхомъ, ибо только при этомъ условіи возможно хоть отчасти облегчить невыразимо тяжелое экономическое положеніе несчастныхъ закамскихъ инородцевъ Пермской губерніи.

Въ заключеніе нельзя не задаться вопросомъ, гдѣ же причины тѣхъ печальныхъ условій, въ которыхъ очутились закамскіе инородцы?

Одною изъ главныхъ причинъ захудалости инородцевъ является недостатокъ общественной дѣятельности и иниціативы отдѣльныхъ лицъ, вышедшихъ въ „люди“ изъ среды самихъ инородцевъ. Не то мы видимъ среди другихъ инородцевъ. Учитель Ив. Ст. Михеевъ изъ вотяковъ всѣми силами старается дать образованіе своимъ сородичамъ и, не покладая рукъ, трудится надъ переводомъ книгъ на родной языкъ. Въ такомъ же направленіи работаетъ Кал. Ѳ. Жаковъ изъ зырянъ. Люди, избранные инородцами въ земскіе гласные, занявъ мѣста членовъ земской управы (Кривощековы, Вогулкинъ, Логачевъ и др.), не хотѣли сознавать громаднаго значенія народнаго просвѣщенія и развитія ремеслъ въ закамскомъ инородческомъ краѣ, чѣмъ только и можно объяснить тотъ грустный фактъ, что за послѣднія 28 лѣтъ въ этомъ краѣ не открыто ни одной нормальной земской школы, а ремесленныхъ училищъ совсѣмъ нѣтъ, тогда какъ въ сосѣднихъ уѣздахъ, Чердынскомъ и Глазовскомъ, во всѣхъ многолюдныхъ деревняхъ открыты земскія школы. Инспектора народныхъ училищъ этихъ уѣздовъ неоднократно устраивали учительскіе съѣзды, чего въ Соликамскомъ уѣздѣ за послѣднія 15 лѣтъ мы не видимъ. Въ первыхъ двухъ уѣздахъ инспектора посѣщаютъ школы ежегодно, въ Соликамскомъ же уѣздѣ инспекторъ г. Семченковъ въ нѣкоторыхъ школахъ, какъ,

напримѣръ, верхъ-иньвенской, не бываетъ по два года*). Другія лица, вышедшія изъ инородцевъ, не только не старались помочь инородцамъ въ дѣлѣ ихъ просвѣщенія, но при всякой возможности не прочь были эксплуатировать своего темнаго собрата. Такъ, окончившій курсъ въ С.-Петербургскомъ Императорскомъ университетѣ Петръ Васильевъ Вилесовъ, нынѣ податной инспекторъ Соликамскаго уѣзда, подавалъ заявленіе волостному сходу съ просьбою разрѣшить ему открыть въ пермяцкомъ краѣ винную лавку **). Другой инородецъ, Ермолай Поповъ, отказывался выдавать изъ оставленныхъ ему 200 рублей на поѣздки инородцамъ въ учебныя заведенія, мотивируя свой отказъ (А. Тотьмяниной) тѣмъ, что эти деньги израсходованы имъ на свои нужды. Профессоръ Ѳ. О. Евецкій, пріѣзжавшій въ инородческій край для оказанія безплатной помощи трахомотознымъ, встрѣтилъ массу непріятностей отъ Ивана Кривощекова. Этотъ случай еще разъ говоритъ объ отношеніи лицъ, вышедшихъ въ „люди“, къ тѣмъ, кто работаетъ на благо инородцевъ („Волжскій Вѣстникъ“, № 247, 1896 г.).

Мы отмѣчаемъ эти факты не съ цѣлію пригвоздить къ позорному столбу людей, совершенно забывшихъ свои гражданскія обязанности, ставящихъ свое личное спокойствіе выше всякихъ призывовъ общественной совѣсти, но лишь освѣщаемъ причины оскудѣнія инородцевъ съ исторической точки зрѣнія. Всѣ личные счеты, боязнь задѣть, оскорбить хотя бы и важныхъ лицъ,—все должно быть отброшено: все это ничто предъ благомъ 100.000 инородческаго края, предъ обновленіемъ его. Велика историческая отвѣтственность тѣхъ, кто изъ-за старыхъ формъ губитъ новую жизнь!

Теперь, когда отовсюду раздаются призывы къ дружной общественной работѣ, всѣ доброжелатели инород-

---

*) „Новое Время“. № 10, 317, 1904 г.

**) См. „Инородцы-пермяки“. „Историческій Вѣстникъ“, августъ, 1902 годъ.

цевъ *), а также и молодое поколѣніе, получившее не только образованіе, но и воспитаніе, замѣтно сплочивается между собою—„въ единеніи сила“—и, не покладая рукъ, работаетъ надъ просвѣщеніемъ своего темнаго собрата. Такъ, учитель верхъ-юсьвинскаго народнаго училища, Ив. В. Седеговъ, завѣдуетъ безвозмездно народною читальнею, учитель К. М. Мошеговъ самъ привозитъ на свои скудныя средства мальчиковъ - инородцевъ въ казанскую инородческую семинарію и проч. Седеговъ и Мошеговъ перевели законъ Божій на языкъ инородцевъ и продолжаютъ работать въ этомъ направленіи. Вся эта интересная, трудовая жизнь служитъ назидательнымъ примѣромъ того, какъ можно и нужно работать въ неприглядныхъ условіяхъ дѣйствительности. Поэтому нельзя не выразить пожеланія, чтобы и другіе инородцы примкнули къ этимъ проповѣдникамъ „духа жива“, любви и самобытности народной. Эти бойцы глубоко убѣждены въ томъ, что для забытыхъ инородцевъ впереди мерцаетъ уже лучшая жизнь, что и они не пасынки въ ряду другихъ народностей нашего обширнаго отечества.

Свѣтаетъ, товарищъ, работать вставай,
Работы усиленной требуетъ край!

---

*) Здѣсь нельзя не отмѣтить почтенной дѣятельности Е. А. Будриной, съ любовію и вѣрою въ лучшее будущее инородцевъ, сѣющей разумное, доброе, вѣчное...

Въ какой школѣ нуждается крестьянская семья для улучшенія своего быта.

Условія, способствующія улучшенію быта крестьянской семьи, давно служатъ предметомъ оживленнѣйшихъ толковъ и въ печати и въ обществѣ по той причинѣ, что неудовлетворительность ихъ неблагопріятнымъ образомъ вліяетъ на общее благосостояніе государства. Низкій нравственный уровень крестьянъ ежегодно сотнями гонитъ ихъ на скамью подсудимыхъ, невозможныя санитарныя условія, скудость питанія порождаютъ множество заболѣваній, требующихъ отъ государства усиленной затраты на борьбу съ ними; малоземелье и сопряженное съ нимъ отсутствіе возможности вести разумно сельское хозяйство дѣлаютъ крестьянина недоимщикомъ и жертвою кулаковъ, такъ какъ, обращая въ деньги продукты сельскаго труда, которые составляютъ въ крестьянствѣ жизненную необходимость, и тратя вырученное на уплату повинностей и на удовлетвореніе домашнихъ нуждъ, крестьянинъ затѣмъ обращается къ милости кулаковъ-промышленниковъ, которые даютъ ему работу, но при этомъ оплачиваютъ трудъ „заборомъ по лавкѣ“, гдѣ отпускаютъ по значительно возвышенной цѣнѣ такіе предметы потребленія, что приходится только удивляться желѣзной выносливости потребителей; или же, наконецъ, идетъ крестьянинъ искать заработка на фабрикахъ, заводахъ, промыслахъ и т. п., отрываясь отъ родной семьи, которая въ данномъ случаѣ зачастую несетъ и тяжкія нравственныя жертвы.

Получается, такимъ образомъ, крайне тяжелая картина положенія крестьянской семьи въ нравственномъ, санитарномъ и сельскохозяйственномъ отношеніяхъ.

Къ устраненію этихъ народныхъ недуговъ принимаются различныя мѣры, предлагаются самые разнообразные проекты, но желательныхъ послѣдствій нѣтъ, потому что во всѣхъ практикующихся мѣропріятіяхъ и предлагающихся проектахъ забывается истина, лежащая въ основѣ благосостоянія какъ отдѣльныхъ семей, такъ равно и цѣлыхъ народовъ, истина, прекрасно выраженная въ словахъ: „какова мать—такова семья, какова женщина—таковъ народъ“. Мать — зиждущая сила семьи, будетъ ли это семья поселянина или семья сановника! Дайте крестьянской семьѣ мать, просвѣщенную, благовоспитанную, свободную отъ предразсудковъ, суевѣрія и невѣжества, свѣдующую въ правилахъ санитаріи и гигіены, опытную въ отрасляхъ сельскаго хозяйства, доступныхъ женской рукѣ (каковы: садоводство, пчеловодство, огородничество), знающую, наконецъ, ремесло, которымъ бы она могла заниматься съ пользою для своей семьи въ долгіе осенніе и зимніе вечера, и улучшеніе быта крестьянской семьи обезпечено, поскольку, конечно, оно не зависитъ отъ чрезмѣрнаго малоземелья и другихъ причинъ общаго характера.

Достигнуть этого путемъ низшей народной школы, гдѣ теперь обучаются крестьянскія дѣти-дѣвочки, нельзя. Будущая мать приходитъ учиться въ школу девяти лѣтъ и оканчиваетъ ее двѣнадцати, т.-е. въ такомъ возрастѣ, когда ребенокъ не въ состояніи, во-первыхъ, многаго усвоить, во-вторыхъ, отнестись вполнѣ сознательно и серьезно къ дѣлу, въ-третьихъ, когда онъ еще не авторитетенъ для своей семьи; но пока онъ станетъ авторитетомъ, капли знаній, пріобрѣтенныхъ въ школѣ, улетучатся, и самъ онъ безъ слѣда унесется общимъ теченіемъ.

Сознательно усвоить и сознательно проводить усвоенное въ жизнь можетъ только взрослый человѣкъ; итти

на борьбу съ грубостью, невѣжествомъ, предразсудками, суевѣріями и вести ее твердо, разумно, убѣжденно, не падая подъ напоромъ темной силы, можетъ только взрослая крестьянская дѣвушка.

Къ такому взгляду на постановку дѣла улучшенія крестьянскаго быта вообще привело насъ рѣшеніе санитарнаго вопроса въ Новоладожскомъ уѣздѣ.

Четыре года назадъ въ Новоладожскомъ уѣздѣ возникла мысль призвать взрослую грамотную крестьянскую дѣвушку для ухода за больными въ качествѣ сельской сестры милосердія. Мысль эта встрѣтила горячее сочувствіе со стороны мѣстныхъ дѣятелей, и нѣсколько дѣвушекъ приняты были въ земскую больницу уѣзднаго города для необходимой подготовки.

Описаніе того, какъ это дѣло было начато и поведено, излагается въ брошюрѣ новоладожскаго земскаго врача А. С. Петровскаго—„Деревенскія сестры милосердія“ (Спб. 1893 г.). Врачъ А. С. Петровскій рѣшился сдѣлать первый опытъ образованія деревенскихъ сестеръ милосердія. При завѣдуемой имъ земской новоладожской больницѣ онъ открылъ, хотя и въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, курсы для обученія уходу за больными, и первыми его ученицами были три крестьянскія дѣвушки, окончившія курсъ въ церковно-приходской школѣ села Покрова — Евдокія и Марія Харичевы и Евдокія Ильина.

„При обученіи этихъ дѣвушекъ, — говоритъ А. С. Петровскій, — я обращалъ главное вниманіе на сообщеніе имъ свѣдѣній по уходу за больными, которыя тутъ же, въ больницѣ, подъ моимъ личнымъ руководствомъ, примѣнялись на дѣлѣ. Скоро я уже могъ возложить на моихъ ученицъ нѣкоторыя обязанности медицинскаго характера — измѣрять температуру у лихорадочныхъ, дежурить въ палатахъ при больныхъ, наблюдать за пріемомъ лѣкарствъ. На амбулаторномъ же пріемѣ поручалъ имъ перевязку язвъ и ранъ. Кромѣ того, я знакомилъ моихъ ученицъ съ

общими характернѣйшими признаками эпидемическихъ болѣзней и главнѣйшими предупредительными мѣрами противъ ихъ распространенія; училъ подачѣ первоначальной помощи въ простѣйшихъ и неотложныхъ случаяхъ, но больше всего старался внушить имъ наиболѣе существенныя гигіеническія и санитарныя познанія, столь необходимыя въ деревенской жизни вообще и особенно при лѣченіи всякаго рода болѣзней".

Весною эти дѣвушки оставили больницу и возвратились въ свои семьи къ началу полевыхъ работъ. Такимъ образомъ, отлучка на время зимы для обученія въ больницѣ не могла внести разстройства въ домашнее деревенское хозяйство тѣхъ семей, откуда эти дѣвушки уходили для обученія въ больницѣ; возвратившись же домой, онѣ принесли въ свои семьи новые взгляды, новыя познанія и, наконецъ, возможность заработать впослѣдствіи тотъ же кусокъ хлѣба новымъ, ранѣе недоступнымъ, болѣе разумнымъ и полезнымъ трудомъ, чѣмъ, напр., трудъ поденщицы, горничной и т. п.

Въ слѣдующую зиму 1892 года двѣ изъ обученныхъ дѣвушекъ изъявили согласіе отправиться въ Петербургъ, въ общину Христа Спасителя для дальнѣйшаго и окончательнаго усовершенствованія въ избранномъ дѣлѣ. Въ эту же зиму продолжалось обученіе другихъ дѣвушекъ изъ окончившихъ курсъ той же церковно-приходской школы. Къ веснѣ новыя ученицы оказались настолько подготовленными, что двѣ изъ нихъ, по запросу земства, изъявили желаніе посвятить себя уходу за больными въ селеніяхъ уѣзда, зараженныхъ эпидеміею сыпного тифа.

Насколько сестры милосердія-крестьянки оказались способными нести возложенную на нихъ обязанность, можетъ засвидѣтельствовать новоладожское земство, которое поощряетъ ихъ трудъ и жалованьемъ и денежными наградами; для насъ же важны слѣдующіе факты, хорошо намъ извѣстные: наши сестры милосердія-кре-

стьянки проникнуты полнымъ довѣріемъ и къ врачебной наукѣ и къ авторитету врача, отъ котораго крестьянинъ бѣжитъ; вѣра въ заговоры, наговоры исчезла въ нихъ безслѣдно; грязь въ избѣ, нечистоплотность одежды, недоброкачественность пищи вызываетъ съ ихъ стороны энергичный и небезуспѣшный протестъ, и это особенно проявилось во время исполненія ими обязанностей сестеръ милосердія въ мѣстностяхъ, пораженныхъ эпидемической болѣзнью. Одна изъ обучавшихся въ больницѣ дѣвушекъ недавно вышла замужъ за крестьянина: не говоря уже о томъ, что избушка молодой хозяйки представляетъ пріятное отличіе отъ жилищъ сосѣдей, бывшая сестра милосердія сумѣла внушить своимъ односельчанамъ довѣріе къ ея разумнымъ совѣтамъ относительно больныхъ, и они уже не пользуются такими, напр., лѣчебными способами, какъ затискиваніе въ печь тифознаго.

Исходя изъ этихъ данныхъ, невольно останавливаешься на мысли, что рядомъ съ низшими народными школами для дѣтей безусловно необходимо имѣть болѣе высшую школу для взрослой крестьянской дѣвушки, гдѣ послѣдняя могла бы получить все, въ чемъ нуждается она, какъ будущая мать семейства, какъ домоправительница и хозяйка.

Такою школою, имѣющею громадное всенародное значеніе, можетъ быть въ каждомъ уѣздѣ *община сельскихъ сестеръ милосердія*, по отношенію къ которой начальныя низшія школы являлись бы подготовительными. Въ данномъ случаѣ мы понимаемъ общину сельскихъ сестеръ милосердія, *какъ школу воспитанія, обученія уходу за больными, практическую школу сельскаго хозяйства* въ тѣхъ его отрасляхъ, о которыхъ замѣчено нами раньше, *и школу ремеслъ.*

Извѣстный, строго разсчитанный на развитіе и укрѣпленіе религіозно-нравственныхъ чувствъ строй жизни, общество труженицъ великаго Божьяго дѣла — сестеръ, близость страждущаго, твердый и неизмѣнный порядокъ —

воспитаютъ крестьянскую дѣвушку нравственно. Благочестивая, благовоспитанная дѣвушка, по вступленіи въ супружество, сумѣетъ облагораживающимъ образомъ вліять на своего мужа и ужъ, несомнѣнно, будетъ имѣть высокое нравственное значеніе для своихъ дѣтей.

Распущенность сельской молодежи нынѣ принимаетъ положительно ужасающіе размѣры. Пьяный разгулъ и неразлучные съ нимъ воровство, грабежи, развратъ, драки съ кольями и ножами,—все это такія явленія, о которыхъ весьма краснорѣчиво можетъ свидѣтельствовать судебная статистика и бороться съ которыми путемъ карательныхъ мѣръ безполезно и опасно. Народъ нуждается въ воспитаніи, а пока онъ не имѣетъ благовоспитанныхъ матерей, нельзя ждать исправленія его дикихъ нравовъ.

Ознакомленіе будущей хозяйки съ правилами санитаріи и гигіены, несомнѣнно, отразится благопріятнѣйшимъ образомъ на домашней обстановкѣ крестьянина. Грязь въ домѣ и около дома, невозможное устройство и содержаніе отхожихъ мѣстъ, совершенное невѣжество въ области гигіены, ведущее къ тому, что крестьянинъ и достаточной семьи питается бурдой, — вотъ источники всевозможныхъ заразъ, простудъ, желудочныхъ катаровъ и проч.

Пересоздать свою домашнюю обстановку, конечно, не по плечу темной женщинѣ-крестьянкѣ, ибо для этого нужны знанія, которыхъ у нея нѣтъ. Знаніе садоводства, пчеловодства, огородничества и ремесла дадутъ ей возможность быть дѣйствительной помощницей мужа, и тѣ пустыри, которыми теперь окружены крестьянскія избушки, пустыри, свидѣтельствующіе объ отсутствіи умѣлыхъ женскихъ рукъ, обратятся въ цвѣтущіе садики и пчельники, составляющіе не подспорье лишь, а прямо основу крестьянскаго достатка, такъ какъ получаемыя отъ нихъ цѣнныя произведенія, будучи обращены въ деньги, устранятъ необходимость сбывать за безцѣнокъ то, что нужно крестьянину на пропитаніе и его скоту на кормъ, т.-е.

хлѣбъ, картофель, овесъ, сѣно и проч. Словомъ, свѣдущая хозяйка въ состояніи у оконъ своей избы добыть столько, сколько хозяину не пріобрѣсти ни на какомъ отхожемъ промыслѣ. Пока этого нѣтъ, общій распорядокъ крестьянской жизни въ большинствѣ таковъ: одинъ работаетъ, а семеро ѣдятъ, и ѣдятъ впроголодь, ибо одному работать на семерыхъ — дѣло непосильное.

Кстати сказать: теперь прилагаются особенныя заботы объ умноженіи школъ садоводства и огородничества. Очевидно, значеніе этихъ отраслей хозяйства для крестьянина вполнѣ сознано, но въ школы пригласили учиться мальчиковъ, а дѣвочекъ-то, для которыхъ это еще нужнѣе, и забыли. Вѣдь мужчина въ семьѣ имѣетъ свои спеціальныя занятія: какъ членъ крестьянской общины, онъ несетъ извѣстныя служебныя обязанности. Онъ—либо съ сохой въ полѣ, либо съ топоромъ въ лѣсу, либо съ косой на сѣнокосѣ; по обязанности старшины, старосты, сотскаго, десятскаго, онъ или въ волостномъ правленіи, или на сходкѣ, собираетъ подати, исполняетъ законныя и незаконныя порученія „начальства“, или на дежурствѣ у пристава, или ведетъ отъ деревни до деревни арестантовъ. Спрашивается, какимъ же образомъ онъ, при всемъ этомъ, еще можетъ рыться въ огородѣ, караулить отлетающіе рои, сажать, поливать, окапывать деревья въ своемъ саду? Въ домѣ и около дома трудится хозяйка, трудъ хозяина всегда вдалекѣ; а потому особенно женщина нуждается въ знаніи всего того, что даетъ возможность благоустроить хозяйство при домѣ и около дома.

Итакъ, крестьянская семья для улучшенія своего быта нуждается въ благовоспитанной, свѣдущей хозяйкѣ. Такую хозяйку крестьянская семья будетъ имѣть тогда, когда каждый уѣздъ озаботится учрежденіемъ у себя общины сельскихъ сестеръ милосердія, которая, имѣя постоянный составъ сестеръ, принимаетъ послѣдовательно изъ каждой волости, уѣзда по нѣскольку ученицъ изъ обучающихся въ сельской школѣ не меньше четырехъ

лѣтъ, грамотныхъ дѣвушекъ. Въ общинѣ дѣвушки проходятъ примѣрно трехгодичный курсъ обученія и затѣмъ возвращаются въ свои семейства. Достаточно будетъ одной общины на уѣздъ. Раскидывая по своему уѣзду сѣть подвѣдомственныхъ ей благотворительныхъ учрежденій въ видѣ домовъ милосердія, пріемныхъ покоевъ, школъ-пріютовъ для слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, она, естественно, явится однимъ центромъ, отъ котораго исходитъ надзоръ, дисциплина, порядокъ, забота для всѣхъ, согрѣваемыхъ ея теплотою и любовью.

Кто же первый откроетъ крестьянской семьѣ свои дружескія объятія, кто первый не пожалѣетъ для нея ни своихъ средствъ, ни своихъ силъ? Конечно, женщина, всегда отзывчивая на людское горе и нужды.

Женщины имущихъ классовъ, вотъ—близкое вашимъ сердцамъ дѣло, вотъ выходъ лучшимъ вашимъ чувствамъ, вотъ гдѣ свѣтъ, смыслъ, цѣль вашей жизни! Станьте дѣлательницами на этой непочатой нивѣ!

Духовное вѣдомство въ лицѣ воспитанницъ духовныхъ женскихъ школъ также поспѣшитъ принять живѣйшее участіе въ этомъ благомъ начинаніи, и это участіе духовнаго вѣдомства мы представляемъ себѣ въ слѣдующемъ видѣ: духовная власть озаботится, чтобы *каждая духовная женская школа* имѣла опытный садъ, огородъ и пчельникъ. Воспитанницы старшихъ классовъ въ теченіе двухъ лѣтъ пусть не отпускаются на каникулы домой, а остаются при школѣ для практическихъ занятій по указаннымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, при чемъ всѣ безъ исключенія работы должны производиться самими воспитанницами подъ надзоромъ свѣдущаго лица. Въ столичныхъ и тѣхъ губернскихъ городахъ, гдѣ имѣются общины сестеръ милосердія, окончившія курсъ въ епархіальныхъ женскихъ училищахъ, ученицы должны пробыть одинъ годъ въ общинѣ съ цѣлью ознакомленія съ правилами ухода за больными, подачи первоначальной помощи, правилами санитаріи, гигіены, дезинфекціи, и тогда

только получаютъ дипломъ. Нужно ли говорить о томъ, что такая воспитанница будетъ истиннымъ сокровищемъ во всякомъ положеніи, какое бы не пришлось ей занять въ жизни? Для сельскихъ общинъ сестеръ милосердія питомицы епархіальныхъ училищъ явятся лицами, которымъ община съ полнымъ довѣріемъ можетъ поручить завѣдываніе тою или другою отраслью своей благотворительности.

Дай Богъ, чтобы нашъ взглядъ на призваніе женщины въ дѣлѣ улучшенія быта крестьянской семьи встрѣтилъ сочувствіе въ печати и въ обществѣ. Питаемъ надежду, что нашъ призывъ не останется вотще.

Въ настоящее время открыли двери для закамскихъ крестьянскихъ дѣвушекъ слѣдующія общины „Краснаго Креста“ сестеръ милосердія: Иверская, Александровская, Христіанская помощь — въ Москвѣ. Въ С.-Петербургѣ: Евгеніевская, Георгіевская, Елисаветинская, Покровская, Христа Спасителя и школа сидѣлокъ. Вездѣ полный интернатъ.

Интервью.

Образованіе и воспитаніе юношества—это одна изъ самыхъ благодарныхъ областей примѣненія частной иниціативы, частнаго труда, личнаго таланта.

Я имѣлъ нѣсколько оригинальное интервью съ мальчиками-пермяками.

Ѣхали они въ числѣ 5 человѣкъ изъ иньвенскаго инородческаго края въ красноуфимское сельскохозяйственное училище и въ казанскую учительскую семинарію. Завѣдующій ихъ отправкой, нѣкто Х., оказался моимъ добрымъ знакомымъ, и вотъ въ одинъ прекрасный день, послѣ обѣда, мальчики-инородцы на отправленномъ спеціально за ними извозчикѣ прибыли ко мнѣ.

Они, казалось, были очень мало изумлены тѣмъ, что Х. неожиданно ихъ вытребовалъ изъ квартиры, на которой они пока остановились.

Вошли, поздоровались и, по моему приглашенію, усѣлись всѣ рядомъ, прижавшись одинъ къ другому.

Четверо изъ нихъ оказались типичными инородцами-пермяками: широкія скулы, узко и немного вкось прорѣзанные глаза... Пятый почти совсѣмъ русскаго типа. Одѣты, какъ вообще теперь одѣваются крестьянскіе мальчики изъ болѣе или менѣе зажиточныхъ семей, въ нѣчто, имѣющее отдаленное сходство съ пиджакомъ, старые сапоги и т. д. Только у двухъ верхнее одѣяніе было бѣднѣе и характернѣе: на нихъ висѣли балахоны изъ

„синенаго“ холста, именуемые на пермяцкомъ нарѣчіи „шабурами“. А ноги у одного ихъ этихъ двухъ были обуты въ „форменныя“ онучи и не совсѣмъ новые лапти.

Смущенія дѣти никакого не обнаружили.

Впрочемъ, маленькая оговорка.

Этимъ дѣтямъ отъ 14 до $15^1/_2$ лѣтъ — возрастъ для деревни уже довольно солидный. Молодежь этихъ лѣтъ въ мѣстностяхъ, поставленныхъ въ болѣе благопріятныя условія существованія, выглядитъ взрослой, здоровой и сильной. Пермяки, однако, произвели на меня впечатлѣніе совсѣмъ юныхъ мальчиковъ,—низкорослыхъ, слабенькихъ.

Сѣроватыя, хотя отнюдь не изнуренныя фигуры. Трое смотрятъ совершенными буками, нѣсколько угрюмыми и какъ бы подавленными чѣмъ-то. Изъ нихъ одинъ совершенно сонливое существо, другой сосредоточеннѣе и серьезнѣе. Два побойчѣе: одинъ, съ наиболѣе характернымъ пермяцкимъ лицомъ, обнаруживаетъ нѣкоторую выдержку; другой, съ русскимъ складомъ лица,—смѣшливый и „остроглазый“, очевидно, отъявленный шалунъ.

Х. приступилъ къ разспросамъ.

Мальчики, находящіеся подъ его руководствомъ и хорошо его знающіе, передъ каждымъ отвѣтомъ, какъ въ школѣ, вставали съ мѣста и переминались съ ноги на ногу. Лучшіе ученики—кудымкорской школы, — никакой смѣтливости въ отвѣтахъ они ни разу не показали. При этомъ надо замѣтить, что положеніе, въ которомъ они неожиданно оказались, очевидно, ни мало ихъ не смущало въ продолженіе всего разговора, такъ какъ смѣшливый мальчуганъ, напр., все время, прячась за спину товарища, немилосердно хихикалъ послѣ каждаго вопроса Х. и послѣ каждаго отвѣта спрошенныхъ. Да и другіе бойко перешептывались и „фыркали“.

Тѣмъ не менѣе связныхъ отвѣтовъ мы съ Х. такъ и не получили отъ нихъ.

Разговорились сперва о томъ, зачѣмъ, съ какою цѣлью ѣдутъ учиться.

— Вѣдь вы ужъ грамоту знаете. Чего же еще вы хотите? Для чего вамъ еще учиться?—спрашиваетъ Х.

Молчаніе.

— Или просто вы и сами не знаете, чего вамъ надо: везутъ такъ и ладно?

Наконецъ, выискивается одинъ и несмѣло заявляетъ:

— Чтобы лучше было.

— Кому же лучше?

— Намъ...

— И больше никому, только вамъ?

Ребятишки этого вопроса никакъ не понимаютъ и молчатъ.

— Ну, хорошо,—продолжаетъ Х.—А вамъ-то для чего же лучше? Какъ лучше?

Мальчуганы нѣкоторое время мнутся.

— Жрать,—сосредоточенно глядя въ полъ, произноситъ одинъ.

— А сейчасъ вамъ нечего, что ли, жрать?

Опрошенный оторопѣлъ. Остальные смѣются непринужденно и весело, довольные смущеніемъ товарища...

— Мало...—отвѣчаетъ, наконецъ, тотъ.—Пашни мало...

О пашнѣ заговорили и другіе. Невзгоды безземелья, повидимому, оказались хорошо знакомыми этимъ „дѣтямъ природы“. Въ иньвенскомъ краѣ, какъ извѣстно, этотъ вопросъ, въ самомъ дѣлѣ, составляетъ одну изъ первыхъ насущныхъ нуждъ для инородцевъ. Мало земли,—работаютъ кое-какъ на рудникахъ, возятъ чугунъ, рубятъ лѣсъ...

А пашни мало.

Но мой слухъ рѣзко поразило произнесенное однимъ и повторенное другими мальчиками слово: „жрать“, и я сдѣлалъ также невольное сопоставленіе между этими двумя дикими „жрать“.

Разумѣется, когда „пашни мало“, подсобныхъ промысловъ въ родѣ упомянутыхъ—на грошъ, ремеслъ и кустарныхъ производствъ вообще—„абсолютное отсутствіе“, а

семьи, какъ у одного изъ мальчиковъ, десять человѣкъ,— разумѣется, тутъ прежде всего, приходится говорить о возможности „жрать“.

Ни одинъ изъ мальчиковъ не сумѣлъ отвѣтить на вопросъ, что они будутъ дѣлать потомъ, поучившись еще. Х. указалъ имъ на примѣръ ихъ же сородичей, окончившихъ въ послѣдніе годы курсъ учительской семинаріи и занимающихъ теперь мѣста учителей въ народныхъ школахъ иньвенскаго края.

— Учить будемъ,—повторили мальчики.

— Чему?

Мальчики опять втупикъ стали.

— Добру,—нашелся одинъ.

— Хорошо; пользу, значитъ, приносить будете. Кому-же пользу-то?

— Себѣ,—снова заговорили ребятишки.

— Вотъ всегда такой отвѣтъ,—обратился ко мнѣ Х., прекрасно освѣдомленный вообще объ инородческой жизни въ иньвенскомъ краѣ,—и вы не думайте, что это у нихъ просто отсутствіе смѣтки, ненаходчивость, что ли. Нѣтъ, эгоистична эта народность страшно... Инородка Параскева Лихачева, окончившая Владимірскую учительскую семинарію въ С.-Петербургѣ, на просьбу увезти еще инородку съ гономъ заявила: „Не желаю“. Вотъ тѣ, тоже кончившіе уже семинарію и институтъ. У нихъ нѣтъ стремленія внести извѣстную сумму добра въ ту среду, откуда они вышли. Такъ В. Д. Конинъ, священникъ благочинный Нижне-Тагильскаго завода, не пожелалъ быть членомъ общества вспомоществованія бѣднымъ учащимся Чердынскаго уѣзда, хотя самъ онъ родомъ изъ этого уѣзда и выведенъ въ люди священникомъ Бабинымъ. Учительствуетъ ихъ у насъ человѣкъ восемь. Заработокъ, только одинъ заработокъ ихъ привлекаетъ: все-таки получаютъ больше, чѣмъ въ крестьянствѣ. Школьное дѣло идетъ черезъ пень-колоду. Имъ все равно! Приходитъ онъ въ школу въ положенное время и въ положенное

же время уходитъ изъ нея. До внѣшкольныхъ занятій имъ положительно нѣтъ дѣла. До просвѣщенія своихъ сородичей—тоже. Многіе изъ этихъ оканчивающихъ казанскую семинарію или красноуфимскую сельскохозяйственную школу уходятъ на сторону подальше отъ родныхъ Подлиповокъ.

Коснулась рѣчь вообще уровня умственнаго развитія этихъ инородческихъ „піонеровъ культуры“, призванныхъ насаждать народное образованіе среди инородцевъ.

— На этотъ счетъ и совсѣмъ плохо. Въ большинствѣ, всѣ ихъ педагогическія старанія сводятся почти исключительно къ обученію грамотѣ. Инородецъ такъ и остается инородцемъ, только костюмъ развѣ дѣлается у него болѣе благообразнымъ... А то, ни-ни! Иного учителя церковной школы отъ мужика съ трудомъ отличишь... Вотъ и на этихъ,—продолжалъ Х, указывая на присмирѣвшихъ мальчугановъ,—смотрю я съ горечью: видите, какъ мало развиты они. А тѣ училища, въ которыя я ихъ везу, мало, повидимому, прибавляютъ къ такому развитію. Учительскія семинаріи только учатъ, а на воспитаніе вниманія совсѣмъ мало удѣляется. Не то было при Николаѣ Ивановичѣ Ильминскомъ, а теперь только однѣ формальности, духа жива нѣтъ. Что дѣлать! И опять, пожалуй, блинъ комомъ. А между тѣмъ край-то, край какой дикій! Какъ ему свѣта необходимо!..

И Х. разсказалъ мнѣ кое-что изъ своихъ наблюденій надъ жизнью пермяковъ.

Мало отраднаго было въ этихъ разсказахъ. Дикія суевѣрія, циничные обряды, пѣсни и игры, въ родѣ „бѣляны съ колоколомъ“, и надо всѣмъ этимъ зловѣщее, бѣдностью порожденное „жрать“.

Пашни мало.

Да, но и свѣта, свѣта мало!

Во время разсказовъ Х. одна мысль не покидала меня: вотъ мы, обитатели богоспасаемаго града Перми, живемъ такъ недалеко — рукой подать отъ этого Богомъ

обиженнаго края, отъ этихъ современныхъ Пилъ и Сысоекъ, а что мы знаемъ о нихъ?

Да и хотимъ ли мы знать о нихъ что-нибудь? Что, кромѣ праздныхъ разговоровъ, вызвало у насъ недавнее еще чествованіе памяти Ѳ. М. Рѣшетникова — горькаго пѣвца горькихъ людей?

Часто мы сидимъ на берегу Камы „въ козьемъ загонѣ“ и смотримъ на темные лѣса, въ которыхъ проживаютъ современные подлиповцы.

Они живы, всѣ эти Пилы и Сысойки...

Намъ все равно, — и потому, что мы не хотимъ „настоящаго дѣла“, о которомъ кричимъ на всѣхъ перекресткахъ, и потому что не видимъ ничего дальше своего носа...

„А тамъ, во глубинѣ Россіи,
Тамъ—вѣковая тишина!..“

И мы все таки глухи и слѣпы. Намъ, можетъ-быть, и сильно

„Жаль разумное Божье созданье,
Человѣка въ грязи и съ сумой...“,—
Но нѣтъ въ насъ жалости активной...

. . . . . .

Интервью закончилось неудачно. Связныхъ и сколько-нибудь толковыхъ отвѣтовъ отъ мальчиковъ было невозможно добиться...

Въ настоящее время для инородцевъ-пермяковъ закамскаго края предоставлена возможность учиться на всемъ готовомъ въ слѣдующихъ учебно-воспитательныхъ заведеніяхъ:

Мужскія учительскія семинаріи:

1. Учительская семинарія, въ г. Казани.
2. Благовѣщенская семинарія, въ заводѣ Благовѣщенскомъ, Уфимской губерніи.
3. Кукаркская, въ слободѣ Кукаркѣ, Вятской губерніи.
4. Бирская, въ г. Бирскѣ, Уфимской губ.

Женскія учительскія семинаріи и спеціальныя школы.

5. Симбирская инородческая школа.
6. Владимірская, съ С.-Петербургѣ.
7. Леушинская, при Леушинскомъ монастырѣ, Новгородской губерніи.
8. Лѣснинская, Сѣдлецкой губ.
9. Ремесленно-техническое училище Прохоровской мануфактуры, въ Москвѣ.
10. Военно-фельдшерская школа, въ С.-Петербургѣ.
11. Кукаркская лѣсная школа.
12. Пермскій пріютской оркестръ.
13. Школа тюремныхъ надзирательницъ, въ Москвѣ.
14. Маріинская школа кружевницъ, въ С.-Петербургѣ, Невск. просп., близъ Алекс.-Невск. лавры.
15. Панаевская, въ г. Павловскѣ, близъ С.-Петербурга, и въ г. С.-Петербургѣ, Человѣколюбиваго Общества.
16. Красноуфимская сельскохоз. муж. школа.
17. Ремесленное училище Цесаревича Николая, въ С.-Петербургѣ.
18. Школа пчеловодства имени Ляховой, имѣніе Бубовязы Уфимской губ.
19. Талицкая лѣсная школа, Камышловскаго у.
20. Лѣсная школа вблизи города Елабуги отъ 1896 г.

По сѣверу Чердынскаго уѣзда.

Осенью 1891 года по служебнымъ обязанностямъ я долженъ былъ посѣтить одну изъ глухихъ мѣстностей Пермской губерніи—Кутымскій заводъ, лежащій въ сѣверо-восточномъ углу Чердынскаго уѣзда, въ долинѣ хребтовъ Уральскаго и Кваркуша. Путь на этотъ заводъ лежитъ до г. Чердыни пароходомъ, а оттуда 69 верстъ до деревни Бахарей на лошадяхъ, отъ деревни Бахарей до Усть-Улса 178 верстъ лодкою вверхъ по рѣкѣ Вишерѣ, 8 верстъ по рѣкѣ Улсу и, наконецъ, 23 версты по конно-желѣзной дорогѣ.

Пароходный путь до Чердыни особенно интереснаго ничего не представлялъ. По обѣ стороны рѣки Камы тянется темный хвойный лѣсъ, мѣстность угрюмая, въ большинствѣ холмистая. Вниманіе путника останавливается лишь на громадномъ содовомъ заводѣ Любимова, Сольвэ и К°, лежащемъ на лѣвомъ берегу Камы, близи желѣзнодорожной станціи Луньевской вѣтви Уральской дороги „Березняки“, противъ торговаго села Усолья, которое извѣстно своимъ солеваренiемъ. Содовый заводъ, едва ли не единственный въ Россіи, годъ отъ году увеличиваетъ свое производство, самое зданіе завода замѣтно растетъ.

Въ г. Чердыни мы остановились: нужно было запастись земскимъ билетомъ на пользованье лошадьми, теплою обувью и необходимой пищей. Г. Чердынь сто-

итъ на высокомъ правомъ берегу рѣки Колвы, въ 5 верстахъ отъ сліянія ея съ Вишерой, впадающей въ рѣку Каму. Г. Чердынь производитъ пріятное впечатлѣніе своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ и правильной постройкой; украшеньемъ города служатъ прекрасныя зданія городскихъ училищъ. Жителей въ Чердыни около 3000 человѣкъ, которые вмѣстѣ съ жителями ближайшихъ селъ Покчи, Вильгорта и Камгорта, занимаются торговлей съ большимъ оборотомъ. Купцовъ и торговыхъ людей вообще здѣсь очень много; главный предметъ торговли ихъ—семга и сиги съ Печоры и пушные товары изъ с. Ижмы Архангельской губерніи, сбываемые на Нижегородской и Ирбитской ярмаркахъ. Иные скупаютъ хлѣбъ въ г. Сарапулѣ и отправляютъ его черезъ Чердынь на Печору; сильнымъ конкурентомъ въ этомъ выгодномъ для нихъ торговомъ дѣлѣ явился извѣстный сибирскій дѣятель Сибиряковъ. Общественная жизнь въ этомъ городѣ мало развита, благодаря тому, что преобладающій элементъ жителей, купцы, стоятъ на невысокой ступени умственнаго развитія. При оцѣнкѣ личности у чердаковъ есть ходячая поговорка: „тятенька нашъ былъ не кто-нибудь—капиталы нажилъ“. Этотъ городъ едва ли не единственный въ Россіи, гдѣ молодое поколѣніе не стремится получить не только высшее, но и среднее образованіе. Намъ извѣстно, что въ настоящее время въ высшемъ учебномъ заведеніи нѣтъ ни одного учащагося изъ мѣстныхъ жителей г. Чердыни. Городъ имѣетъ хорошо поставленную публичную библіотеку, съ кабинетомъ для чтенія, къ сожалѣнію, мало посѣщаемую. Для иллюстраціи изумительной некультурности мѣстныхъ обывателей укажемъ на существованіе организованнаго родителями ежегоднаго сбыта мальчиковъ на Ирбитскую ярмарку, гдѣ возчикъ продаетъ ихъ сибирскимъ купцамъ. Изъ Чердыни открывается прекрасный видъ на величественную гору „Полюдовъ камень“. Камень этотъ представляетъ высокую скалу (203 сажени), формою напоми-

нающую пьедесталъ памятника Петру Великому въ С.-Петербургѣ. Камень находится по прямому направленію въ 40 верстахъ за рѣкою Колвою, къ востоку отъ г. Чердыни; онъ служитъ барометромъ для окрестныхъ жителей: предъ дурной погодой онъ окутывается туманомъ, а бѣлизна его предвѣщаетъ хорошую погоду. Не провѣривши на опытѣ разстоянія этого камня отъ города, не вѣрится, что онъ стоитъ такъ далеко: обманъ зрѣнія настолько великъ, что зритель не согласится, чтобы этотъ камень отстоялъ отъ города на такомъ почтительномъ разстояніи; кажется, что до него не болѣе 3—4 верстъ.

Изъ Чердыни мы двинулись, воспользовавшись случайно отходившимъ пароходомъ, не обычнымъ почтовымъ путемъ черезъ села Покчу, Вильгортъ, Камгортъ и Искоръ, а обратно, сначала по рѣкѣ Колвѣ до впаденія въ Вишеру и вверхъ по Вишерѣ до деревни Бахарей. Пароходъ „Труженикъ“ быстро несъ насъ. Вотъ мелькнуло село Серегово съ его красивою церковью. Чердынь видна какъ на ладони. На горизонтѣ все время замѣтенъ синѣющій Полюдовъ камень; по обоимъ берегамъ Вишеры тянутся луга и мелкій кустарникъ. Черезъ сутки по пріѣздѣ въ деревню Бахари, лежащую у подножія великана-Полюда, мы, доставъ верховыхъ лошадей и проводника, пустились осмотрѣть самый Полюдовъ камень и полюбоваться красивымъ съ него видомъ. Подъемъ мѣстами очень крутъ, и только привычныя малорослыя лошадки спокойно могли на него взобраться. Не доѣзжая нѣсколько саженъ до вершины горы, мы слѣзли съ лошадей и черезъ нѣсколько минутъ были на вершинѣ Полюда. Видъ съ горы превосходный. День былъ ясный. Передъ глазами сплошная масса лѣсу, среди котораго живописно извивается рѣка Вишера; вдали раскинулись прямо г. Чердынь, вправо села Покча, Вильгортъ, Камгортъ, Искоръ, влѣво Серегово и Редикоръ съ ихъ бѣлѣющими церквами. Вооруженнымъ глазамъ вдали виденъ дымъ отъ соляныхъ варницъ села

Боровой, что въ 12 вер. отъ г. Соликамска. На грудѣ камней, вѣнчающихъ Полюдъ, высѣчено много надписей случайныхъ туристовъ. Среди этихъ же камней поставленъ деревянный крестъ простой работы. Хорошо было бы замѣнить этотъ ветхій крестъ большимъ зеркальнымъ крестомъ, который приковывалъ бы взоры набожнаго богомольца, плетущагося за сотни верстъ въ село Ныробъ для поклоненія святителю Николаю, и бѣднаго труженика пахаря, и отважнаго вишерскаго рыболова, и неутомимаго вишерскаго охотника. Величіе такого креста на высотѣ, по временамъ откутываемаго облаками, производило бы глубокое впечатлѣніе на душу инородца и напоминало бы ему тотъ свѣтъ, который возсіялъ съ востока. Камень этотъ даетъ надежду на оживленіе безлюднаго чердынскаго края, такъ какъ предполагаются въ немъ залежи каменнаго угля, что, въ связи съ имѣющимися богатыми желѣзными рудами, развило бы въ этомъ краѣ горнозаводскую промышленность. Изъ деревни Бахарей путь по рѣкѣ Вишерѣ начинается въ такъ называемыхъ „душегубкахъ“. „Душегубка“ — это родъ мѣстной длинной, узкой долбленой лодки, которая очень мелко сидитъ въ водѣ и передвиженіе которой производится шестами, такъ какъ теченіе рѣки Вишеры настолько быстро, что весла здѣсь совершенно не пригодны. Обыкновенно въ такую „душегубку“ становятся два человѣка, при чемъ болѣе сильный становится на корму, а другой на носъ и, единовременно упираясь въ дно рѣки, ведутъ отъ станціи до станціи за ту же плату, что за пару почтовыхъ лошадей. Трудъ этотъ очень утомителенъ, такъ какъ требуетъ постояннаго напряженія, чтобы преодолѣть чрезвычайно быстрое теченіе рѣки Вишеры. Самое большее можно проплыть противъ теченія 4 — 5 верстъ въ часъ. Нельзя не обратить вниманія на типъ вишерца. Онъ сухощавъ, низкорослъ, растительность усовъ и бороды очень жидка. Костюмъ вишерца напоминаетъ собою смѣсь костюма вогула.

Голова покрыта войлочной шляпой, поверхъ рубахи надѣвается „лызанъ“, похожій на жилетъ съ разрѣзами по бокамъ, служащій для тепла и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣшкомъ для рябчиковъ; передъ его сдѣланъ изъ двухъ полосъ, между которыми и кладутся рябчики. Отсутствіе рукавовъ даетъ свободу движеніямъ, которыя такъ необходимы при охотѣ и ѣздѣ на лодкѣ. Къ характернымъ частямъ одежды вишерца можетъ быть отнесена обувь, представляющая видъ бахилъ, употребляемыхъ въ Пермской губерніи, съ разрѣзанными голенищами. Главный промыселъ вишерцевъ—рыбная ловля и охота, которая, къ сожалѣнію, не приноситъ имъ хорошаго дохода, вслѣдствіе того, что вишерецъ весьма мало продаетъ за наличныя деньги, а по большей части мѣняетъ на товары, которые поставляются ему за двойную цѣну. Земледѣліе здѣсь, вслѣдствіе каменистой почвы, недостатка удобренія и суровости климата, находится на низкой степени развитія. За послѣднее время положеніе вишерца нѣсколько улучшилось, благодаря вновь устроенному Кутимскому чугунно - плавильному заводу; они лѣтомъ сплавляютъ чугунъ, а зимою везутъ на этотъ заводъ припасы и матеріалы. Сплавъ по рѣкѣ Вишерѣ возможенъ раннею весною и только на небольшихъ судахъ, которыя нерѣдко разбиваются о скалы или садятся на мель. Половодье весеннее продолжается очень недолго, поэтому приходится дорожить временемъ, чтобы благополучно сплавить чугунъ.

Рѣка Вишера беретъ свое начало изъ западнаго склона Уральскаго хребта, изъ горы „Потимонъ-Гитъ-Урръ“, течетъ сначала почти параллельно ему, нѣсколько отклоняясь на западъ, при впаденіи въ нее рѣки Улса круто поворачиваетъ на западъ. Какъ горная рѣка, Вишера имѣетъ большой уклонъ и, вслѣдствіе этого, очень быстрое теченіе, грунтъ ея каменистый, много острововъ и мелей, которые увеличиваютъ опасность плаванія по этой рѣкѣ. Нужно имѣть привычку съ дѣтства, чтобы

безопасно плавать по ней. Вода въ ней замѣчательно прозрачная, очень пріятная на вкусъ. Рыбы въ ней водится довольно много, самая лучшая рыба—харюсъ и лень. Берега Вишеры въ большинствѣ скалисты, скалы достигаютъ значительной высоты, отдѣльно стоящія изъ нихъ носятъ названіе „чурокъ“, а имѣющія большее протяженіе—„камня“. Изъ такихъ камней замѣчательны Ветлянъ, Говорливый, Писанный и Золотые. Ветлянъ примыкаетъ съ лѣвой стороны къ самой рѣкѣ удивительно гладкою бѣлою стѣною, стоящею совершенно отвѣсно надъ водою почти на 20 саженъ; этотъ камень простирается версты на полторы по Вишерѣ сплошными скалами до рѣки Ветлянки. Самая же замѣчательная возвышенность по всей Вишерѣ — Говорливый камень. Эта каменная стѣна отъ села Говорливо, постепенно возвышающаяся отвѣсно изъ воды до 30 саженъ, простирается вдоль праваго берега рѣки сплошною массою высокихъ скалъ болѣе 2 верстъ, до деревни Говорухи. Дикое очертаніе ея сверху, съ выставляющимися изъ разлоговъ большими наклонными лѣсинами и гнѣздящимися кустами въ разсѣлинахъ ея, величественно отражаются въ чистомъ руслѣ рѣки Вишеры, которая, протекая въ этомъ мѣстѣ по прямому направленію, омываетъ главное основаніе этой громадной стѣны. Кромѣ вида и величины, Говорливый камень обращаетъ на себя особенное вниманіе по удивительному эхо, которымъ повторяется явственно и даже звучнѣе не только каждое сказанное на рѣкѣ слово, но и малѣйшіе переливы звука, такъ что забываешься, что это эхо, а не искусное подражаніе человѣка. Есть даже такіе пункты на рѣкѣ, откуда эхо повторяется нѣсколько разъ постепенно ослабѣвающими и удаляющимися звуками. На самой вершинѣ этого камня ютится маленькое село Говорливо съ бѣлою маленькою церковью и школой грамоты, единственными по всей Вишерѣ. Писанный камень находится въ верстѣ отъ деревни Писанной, на правомъ горномъ берегу рѣки Ви-

шеры. Примѣтно, что этотъ камень какъ будто исцарапанъ какими-то довольно крупными красными чертами и углубленіями, что-то въ родѣ славянскихъ буквъ, въ которыхъ, однако, ничего разобрать нельзя. Надпись эту приписываютъ путешественникамъ. Въ старину черезъ городъ Чердынь и эти не заселенныя мѣста пролегалъ большой зимній путь въ сѣверные Уральскіе заводы и въ Сибирь. Весьма возможно, что останавливающіеся здѣсь проѣзжіе дѣлали на камнѣ разныя надписи, которыя теперь искажены и стерты рукою времени. Золотые камни, думаемъ, получили свое названіе отъ окраски, которую они получаютъ при закатѣ солнца. Виды Вишеры очень напоминаютъ виды Крыма, съ той только разницей, что по Вишерѣ скалы и камни унизаны хвойнымъ лѣсомъ и кустарниками, а на югѣ виноградниками, нерѣдко съ причудливыми башенками на скалахъ; тѣ же скалы, въ основаніи омывающіяся шумящею водою, тѣ же одиноко стоящіе столбы-великаны. Отъ деревни Усть-Улса до деревни Акчима Вишера болѣе 40 верстъ течетъ тремя главными и рѣзкими колѣнами, между крутыми и горными берегами, почти всюду закрытыми густыми лѣсами; мѣстами горы значительно уклоняются отъ рѣки, образуя широкія луговыя низменности, мѣстами же горы выдвигаются къ самой рѣкѣ большими открытыми скалами. На пути отъ деревни Усть-Улса до деревни Акчима, на протяженіи 40 верстъ, не встрѣчается ни одного жилого дома; этотъ путь насъ больше страшилъ, чѣмъ ѣзда по морю: здѣсь встрѣчается много подводныхъ камней и мелей. Не достигнувъ деревни Акчима засвѣтло, мы принуждены были ночевать подъ открытымъ небомъ. Пробовали было плыть ночью, но опасность ежеминутно наплыть на подводный камень, расщепить лодку и пойти ко дну усиливала непріятное ощущеніе. Слухъ объ утонувшихъ наканунѣ татарахъ, рискнувшихъ плыть безъ проводника, наводилъ на невеселыя мысли. И только съ

разсвѣтомъ оказалось, что мы не доплыли около 5 верстъ до деревни Акчима.

Послѣдней деревней къ мѣсту слѣдованія по рѣкѣ Вишерѣ была деревня Усть-Улсъ въ 10 домовъ съ небольшою деревянною часовней и необходимыми атрибутами современной цивилизаціи: трактиромъ и винною лавкою. Немного выше деревни слѣва впадаетъ въ Вишеру рѣка Улсъ, по которой еще пришлось проплыть 12 верстъ до Курьи, откуда и начинается конножелѣзная дорога и гдѣ складывается чугунъ, привозимый по конножелѣзной дорогѣ съ Кутымскаго завода. Вагончики по конножелѣзной дорогѣ идутъ довольно медленно, такъ какъ дорога еще новая и часто размывается. Дорога идетъ очень живописными мѣстами по берегамъ рѣкъ Улсы и Кутыма. Самый Кутымскій заводъ расположенъ на лѣвомъ берегу рѣки Кутыма, имѣетъ уже порядочное осѣдлое населеніе. Но главный контингентъ рабочихъ—пришлый. Вишерцы на самомъ заводѣ и рудникѣ совсѣмъ не работаютъ: эта работа имъ не по плечу. Преимущественно работаютъ казанскіе татары, вятчане и нижегородцы, которые считаются лучшими работниками Въ заводѣ имѣется училище, больница съ врачомъ, въ послѣднее время устроена церковь. Съ основаніемъ Кутымскаго завода быстро стала развиваться золотопромышленность на пріискахъ, которые расположены по рѣкамъ, впадающимъ въ Кутымъ. Въ послѣднее время сдѣлано много новыхъ заявокъ. Изъ Кутымскаго завода открывается роскошный видъ на хребетъ Кваркушъ, тянущійся почти подъ прямымъ угломъ къ Уралу. Хребетъ Кваркушъ довольно значительной высоты, такъ что иногда въ іюлѣ вершины его бываютъ покрыты снѣгомъ, чѣмъ и пользуются кочевые вогулы, пріѣзжая въ заводъ продавать оленьи рога и шкуры. Очень эффектное зрѣлище представляетъ Кваркушъ во время грозы. Свинцовыя облака, прорѣзываемыя по временамъ молніей, окутываютъ его вершины. Кутымскому заводу, по словамъ

горнаго инженера г. Бѣлоусова, предстоитъ блестящая будущность *): „Кутымское мѣсторожденіе желѣзнаго блеска, безспорно, принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ и богатымъ по чистотѣ и мощности мѣстопорожденіямъ рудъ, и основаніе на немъ солиднаго и серьезнаго чугунно-плавильнаго дѣла должно вполнѣ окупить и вознаградить тѣ усилія и затраты, которыя вызываются исключительными неблагопріятными условіями нахожденія этихъ рудъ среди безлюдныхъ и малодоступныхъ лѣсныхъ дебрей Чердынскаго уѣзда“.

*) См. его статью „Кутымское мѣсторожденіе желѣзнаго блеска“. „Горный журналъ“, 1891 годъ.

По Иньвѣ и Косѣ.

I.

Области небольшихъ притоковъ Камы — Иньвы и Косы, населенныя пермяками, интересны во многихъ отношеніяхъ. Проѣзжая съ Усть-Пожвы до Верхъ-Иньвы (160 верстъ, во всю длину р. Иньвы), можно видѣть характерныя особенности жизни на малой рѣкѣ, населенной финскими инородцами, которые имѣютъ свои порядки, свою исторію.

Переходя отъ большой рѣки (Камы,) оживляемой пароходами и огромными плотами деревьевъ, сплавляемыхъ къ морю, на небольшую рѣку, гдѣ можно встрѣтить небольшіе плоты, и далѣе углубляясь въ малую рѣчку, вы видите на ней уже отдѣльныя сосны, сплавляемыя отъ верховьевъ къ устью. Такой рѣчкой является Иньва. По ней сплавляется лѣсъ двойниками, тройниками, десятками и даже поодиночкѣ. Бревна тянутся на протяженіи многихъ верстъ, а позади ихъ ѣдетъ кошевой въ двухскатной избушкѣ.

Невелико, должно-быть, торговое и промышленное движеніе въ области такой рѣки, какъ Иньва, гдѣ нѣтъ ни желѣзныхъ, ни шоссейныхъ дорогъ, а земская только еще строится. Печать пассивности, неподвижности лежитъ здѣсь на всемъ, отражаясь въ подробностяхъ быта народа и на характерѣ пермяка и на всемъ его міровоззрѣніи.

Второе, что бросается въ глаза въ этой мѣстности при общемъ обзорѣ, это—большія села и еще большія волости.

Переѣзжая съ Усть-Пожвы (деревня на берегу Камы, при впаденіи въ нее р. Пожвы) въ Майкоръ, въ первое селеніе по Иньвѣ, вы видите передъ собою огромное село, разбросанное по холмамъ *); оно населено русскими; по окрестнымъ деревнямъ живутъ пермяки. Безпорядочность строеній, отсутствіе всякаго плана въ ихъ расположеніи, рѣдко прорубленныя окна въ избахъ — все это придаетъ селу Майкоръ мрачный, непривѣтливый видъ. Рѣдкія окна въ домахъ—явленіе характерное для Иньвы. На пространствѣ, гдѣ въ домѣ бойкаго села по р. Ветлугѣ найдется 10 оконъ, въ Майкорѣ — два, три окна. Не останавливаясь на буйныхъ нравахъ жителей этого села, нужно замѣтить однако, что майкорцы совсѣмъ утратили патріархальные деревенскіе порядки, не выработавъ взамѣнъ ничего иного, кромѣ полной распущенности, дикаго разгула и повальнаго пьянства.

Говоря вообще о селахъ и деревняхъ на Иньвѣ, нельзя, однако, не замѣтить очень неравномѣрнаго распредѣленія благъ культуры между тѣми и другими. Села благоустроены: въ нихъ двухклассныя школы, врачи, фельдшера, потребительскіе магазины, красивыя, богатыя церкви, а въ окружности ихъ (не менѣе 30 верстъ радіусомъ) — крайняя бѣднота, курныя избы, безлѣсица, отсутствіе всякой медицины; тамъ—всякія болѣзни и сплошная безграмотность. При чрезвычайной неподвижности здѣшней жизни ничто благотворное не распространяется на деревню.

Еще три явленія поражаютъ наблюдателя въ этой мѣстности при первомъ его знакомствѣ съ нею. У иньвенскихъ пермяковъ отсутствуютъ передѣлы земель, между тѣмъ надѣлы распредѣлены очень неравномѣрно. Такъ, въ дер. Федоровѣ приходится зачастую на одну душу 30 десятинъ, а у другого крестьянина на 4 души—5 десятинъ. Земскіе начальники и богатые мужики стоятъ за старые

*) Здѣсь находится желѣзодѣлательный заводъ Демидова.

порядки. Какъ были надѣлены крестьяне при ихъ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, такъ это и остается до сихъ поръ, невзирая на то, что семейное положеніе каждаго сильно измѣнилось.

Второе, интересное для наблюденія явленіе, это — отношеніе къ пермякамъ интеллигенціи. Прежде всего, еще на пути къ пермякамъ, когда спрашиваешь о нихъ кого-либо изъ мѣстныхъ интеллигентовъ, то встрѣчаемъ неизмѣнно такой отвѣтъ: „Пермяковъ въ селахъ вовсе нѣтъ, они живутъ только по деревнямъ“. Это, оказывается, совершенно невѣрно. Невѣрны также и другія свѣдѣнія о пермякахъ. Такъ, одинъ изъ мѣстныхъ интеллигентовъ передаетъ вамъ мнѣніе о пермякахъ дорожнаго инженера, съ которымъ онъ, конечно, вполнѣ согласенъ: „Пермяки— идіоты, просили за возку куб. сажени земли 6 руб., а послѣ, когда на работы были приглашены нижегородцы, тѣ же пермяки стали работать у нихъ за 1 р. 50 к.“. Однако причина нежеланія крестьянъ-пермяковъ взяться за перевозку земли оказалась не въ идіотизмѣ ихъ, а въ устройствѣ телѣгъ, неудобныхъ для земляныхъ работъ (въ отсутствіи всякихъ телѣгъ), а съ другой стороны, продолженіе работъ совпало съ близостью страдной поры, которая для пермяка, живущаго только земледѣліемъ, важнѣе, чѣмъ, напр., для нижегородца.

Единственно, что нѣсколько оживляетъ этотъ печальный край, богатый лѣсами, которые, впрочемъ, не принадлежатъ крестьянамъ,—это заводы Пожевской, Майкорскій и Кувинскій. Въ какой степени эти заводы помогаютъ экономическому состоянію края, скажемъ позднѣе. Пока отмѣтимъ еще одно явленіе, именно обрусѣніе края.

Обрусѣніе идетъ отъ административныхъ центровъ, отъ селъ, и распространяется въ окружности; отъ села оно передается селу, однако деревни остаются мало тронутыми новыми вѣяніями. Школы, солдатчина, промыслы — вотъ факторы обрусѣнія, но они встрѣчаютъ реакціонное движеніе въ лицѣ пермяцкихъ женщинъ, которыя по-русски

не говорятъ и дѣтей своихъ учатъ говорить только по-пермяцки; онѣ и въ обрусѣвшія села переносятъ свой языкъ и тамъ распространяютъ и сохраняютъ его.

Нужно замѣтить, однако, что въ пермяцкомъ языкѣ гораздо больше русскихъ словъ и оборотовъ, чѣмъ, напр., въ родственномъ ему зырянскомъ. Не мало пермяковъ, говорящихъ смѣшанною рѣчью. Поэтому говоръ пермяковъ и вообще язычныя явленія въ этой мѣстности могутъ представлять большой интересъ для лингвиста.

II.

Когда ѣдешь по большой дорогѣ отъ села къ селу по берегу Иньвы, встрѣчаешь много печальнаго; если отъѣхать въ сторону отъ дороги, углубиться въ деревни, тамъ лѣса еще болѣе дремучи и жизнь еще болѣе унила и бѣдна. Такъ же точно, чѣмъ въ большія подробности мы будемъ входить, рисуя жизнь пермяка, тѣмъ больше увидимъ и первобытной наивности и, рядомъ съ тѣмъ, черты печальной его обстановки. Гдѣ живетъ пермякъ? Чѣмъ онъ занимается? Пермяцкія деревни окружены лѣсами. Однако избы ихъ не отличаются ни величиной, ни чистотой. Даже въ селахъ сохранились курныя избы. Въ деревняхъ полуразвалившихся избъ больше, чѣмъ благоустроенныхъ. Дворы ихъ нечего и сравнивать, напр., съ вотяцкими. У вотяковъ—ихъ соплеменниковъ—въ хозяйствѣ — полная чаша, у пермяковъ все бѣдно и убого. У пермяковъ нѣтъ такихъ старыхъ остатковъ, какъ „куала“, существуетъ лишь какой-то намекъ на это. Около избы строится обыкновенно еще маленькая избушка (такъ называемая русская „зимница“); въ ней сами хозяева живутъ по зимамъ и ее отдаютъ подъ квартиру во время ярмарокъ. Вмѣсто погреба (ледника) устраивается простая яма для харчей. Свою избу пермякъ называетъ керку; у зырянъ керка. Это слово невольно наводитъ на сопоставленіе. Куа или куала—древне-вотяцкое слово,

обозначающее постройку, керку; постройка изъ бревенъ (кер-бревно; быть-можетъ, отъ кер-куа произошло керку). Другія пристройки, какъ бани, овины и т. п., какъ и у русскихъ. Овины безъ каменки. Огонь раскладывается прямо на землѣ. У зырянъ то и другое архаичнѣе (печка сложена изъ крупныхъ камней полусферой). Изъ двухъ родовъ мельницъ (наливныхъ и почвенныхъ) здѣсь почвенныя, что объясняется маловодностью рѣчекъ.

У пермяковъ по деревнямъ нѣтъ телѣгъ (не умѣютъ дѣлать ихъ); они во всякую пору ѣздятъ и все возятъ на саняхъ или верхомъ; только въ послѣднее время заводятся одноколки. Дорогъ устроенныхъ тоже нѣтъ. Соху везутъ, положивши на няридзь (срубленную съ корнемъ жердь съ кривулиною). Было бы слишкомъ односторонне и несправедливо объяснить все это бездарностью пермяка; причина такой отсталости его въ хозяйственномъ отношеніи лежитъ въ условіяхъ экономическихъ, историческихъ. Телѣги въ селахъ выписываются съ Воткинскаго завода; поставляются онѣ въ богатое село Кудымкоръ, Соликамскаго уѣзда, которое служитъ центральнымъ пунктомъ этой мѣстности, гдѣ жили и теперь живутъ лѣсничіе имѣній гр. Строгановыхъ.

Главное занятіе пермяковъ—земледѣліе. Бывшіе крѣпостные гр. Строгановыхъ ничего иного дѣлать не умѣютъ, какъ только обрабатывать землю. Правда, неискусны они и въ земледѣліи, но и земля ихъ не балуетъ. Почва здѣсь глинистая, урожай бываетъ самъ-пятъ. Въ трехпольномъ хозяйствѣ сѣются рожь, ячмень, овесъ, горохъ. У иньвенскихъ пермяковъ мало хлѣба, но чердынскіе молотятъ свой хлѣбъ до ноября. Пожни у нихъ, при малости рѣкъ, очень плохія. Трава скашивается горбушами, какъ у зырянъ и у сибирскихъ инородцевъ (якутовъ), а не косой (литовкой). Домашній скотъ комолый, мелкій и малочисленный.

Рубка дровъ въ куреняхъ для заводовъ — главный промыселъ пермяка. Курени имѣются по рр. Пожвѣ

(Талича), Исылу, Вакина, по Быстрой и Вежай. Всю зиму, стоя чуть не по колѣна въ глубокомъ снѣгу, рубятъ пермяки лѣсъ изъ „баронской“ чащи для „графскаго“ завода. Ночи проводятъ въ землянкахъ изъ еловой коры. Изъ куреней вырубленный лѣсъ сплавляется по рѣчкамъ на заводъ. Вотъ промыселъ пермяка, получающаго за свою работу 50 коп. въ день. Мужики и подростки поступаютъ на заводъ чернорабочими. За работы въ рудникахъ имъ платятъ 30 коп., за дрова—40 коп. съ сажени. Экономическія слѣдствія такихъ работъ видны уже по заработной платѣ, а на другія указываютъ сами пермяки, говоря о себѣ: „Народъ въ Бѣлоевѣ ослабѣлъ—то въ рудникахъ работаютъ, то въ куреняхъ съ малыхъ лѣтъ, ушибаются, простужаются“.

Антигигіеническія условія помѣщеній рудниковъ и кардоновъ служатъ причиною распространенной между пермяками болѣзни „трахома“. Постоянный дымъ въ казармахъ рудниковъ, сажа и грязь пропитываютъ рубахи, рукавами которыхъ они трутъ себѣ глаза. Такія помѣщенія остались еще отъ крѣпостного права и не улучшаются донынѣ.

Относительно другихъ занятій нужно сказать, что рыболовства, напр., нѣтъ по Иньвѣ; другое дѣло по Косѣ (Ветель, Сакъ, Кулемъ). Кое-кто занимается извозомъ; возятъ кладь съ Кувинскаго завода черезъ Нёрдву, Ильинское въ заводъ Добрянскій (Верхъ-Иньва).

Хотя въ Майкорѣ можно замѣтить плотниковъ, пильщиковъ и другихъ рабочихъ изъ пермяковъ, все же, въ общемъ, среди нихъ (особенно у иньвенскихъ пермяковъ) ремеслъ мало. Косы, серпы и т. п.—все покупается; нѣтъ между ними ни хорошихъ кузнецовъ, ни хорошихъ плотниковъ. Зимнюю обувь (пимы безъ голенищъ), валенки (съ голенищами) дѣлаютъ для чердынскихъ пермяковъ по р. Косѣ зыряне. Эти послѣдніе являются здѣсь и шерстобитами, и коновалами, и портными.

На Косѣ пермяки охотничаютъ на бѣлокъ, на лося. Между пермяками изрѣдка встрѣчаются и умѣющіе „заговаривать“ ружье и собаку. Въ стоверстномъ волоку около Кайгорода водятся еще олени. Иньвенскій пермякъ охотой не занимается. Ружье его заржавѣло на гвоздѣ. Соплеменникъ поэту лѣса—зырянину, пермякъ въ этомъ отношеніи неузнаваемъ. Вы будете удивлены, слушая жалобы пермяка на медвѣдя, на его проказы. Медвѣди затравляли коровъ по нѣскольку штукъ въ годъ; крестьяне плачутъ, а медвѣдь гуляетъ въ лѣсу, довольный положеніемъ вещей. Это весьма характерный фактъ, показывающій, какъ велико вліяніе исторіи и условій мѣстности на человѣка. Лѣса и люди принадлежали гр. Строгановымъ. Нужно думать, что они цѣнили въ пермякахъ не отважныхъ охотниковъ, а мирныхъ работниковъ земли, куреней и заводовъ. Другая причина, которая не даетъ здѣсь развиться отважности человѣка,—малыя рѣчки, небольшіе лѣса.

Нѣтъ охоты у пермяковъ, нѣтъ и охотничьей поэзіи, что украшаетъ нѣсколько сумрачную жизнь зырянъ. Конечно, въ иньвенскомъ краѣ очень мало и торговаго движенія. Ярмарки—признакъ неподвижности жизни *). Совершенно не то наблюдаемъ мы, напр., по Ветлугѣ. Въ с. Бакахъ каждую пятницу собирается народъ со всѣхъ деревень для торговыхъ оборотовъ.

Выше было сказано, что деревни пермяцкія окружены лѣсами. Что же извлекается крестьянами изъ этихъ лѣ-

*) Относительно ярмарокъ „благодѣтели“ пермяковъ разсуждаютъ такъ: „Вы, пермяки, сидите дома, а товаръ для васъ мы сами привеземъ и „обставимъ“ васъ, какъ намъ нужно“. Вотъ почему эти „благодѣтели“, нажившіе каменные дома, не любятъ строить храмы и школы по деревнямъ, боясь развитія народа. Расчетъ ихъ вѣренъ: чѣмъ дальше отъ народа храмы и школы, тѣмъ дольше продержится темнота народная. При постройкѣ храма въ д. Мплюхинѣ, Юсвинской волости, пришлось много преодолѣть препятствій, прежде чѣмъ выдѣлить этотъ приходъ въ самостоятельную единицу. Централизація здѣсь выражается и въ томъ, что въ деревняхъ не хотятъ строить церквей и школъ, несмотря на неотложную нужду (въ дер. Ыку),—все это дѣлается изъ боязни потерять лишнихъ покупателей.

совъ? Здѣсь ахиллесова пята иньвенской жизни. Всѣ лѣса—графа Строганова; крестьянамъ не принадлежитъ ни одинъ кустъ, ни одна вѣточка. Управленіе лѣсами, простирающимися на сотни верстъ въ длину и ширину, ввѣрено сложной организаціи чиновниковъ, получающихъ большое жалованье и пользующихся пенсіей. Отношенія между графскимъ лѣсничествомъ и народомъ далеко не нормальныя. Начиная съ устьевъ Иньвы и кончая ея верховьями, также и по ея притокамъ, всюду раздается недовольство и ропотъ народа на состояніе лѣсного вопроса. Со стороны крестьянъ раздаются жалобы: „За скотскій выгонъ 30 коп. съ души, 50 к. охотничій билетъ“... Раньше урожаи были, лѣсъ былъ дешевле, теперь житье невозможное (въ дер. Федоровѣ). Цѣна деревьямъ 5 вершк. въ діаметрѣ 3 саж. длины—26 к., кубич. саж. дровъ 2 р. 16 к. (въ с. Купросѣ). За право пойти въ лѣсъ съ топоромъ 10 к., если его отнимутъ—20 коп. „выкупа“,—вотъ рѣчи, которыя слышатся повсюду. Помощникъ лѣсного смотрителя села Захарова Тарасовъ разсказываетъ самъ, какихъ правилъ держится онъ и сторожа господскаго лѣса. „Если кто дрова возитъ тайно или грибы собираетъ безъ билета, подкрадешься къ нему, поставишь къ груди револьверъ и отнимаешь топоръ, потомъ ударишь его въ грудь... легко справляюсь“.

„Это же вѣдь не по-евангельски, это не хорошо“, замѣчаешь ему. „Ой, иначе нельзя; и жаль, да бьешь. Велѣно всякому билетъ брать. Я нарочно живу около самаго лѣса, слѣжу ежесекундно и доношу. У меня сучокъ не пропадетъ“ *).

„Мы живемъ въ кулигѣ, ограненные кругомъ, какъ евреи въ Египтѣ“, говорятъ вамъ крестьяне, живущіе въ жалкихъ лачужкахъ около этихъ помощниковъ лѣсныхъ

*) Пятивершковое дерево 24 к. (въ с. Бѣлоевѣ); въ Кудымкорской волости вдвое дороже; 1 р. 8 к.—лежникъ. Въ Верхъ-Иньвенск. волости ва ежникъ 2 р., жердь 5 к., десят. аренд. 4 р., десятина пара—2 р. Въ Тимшѣ за право собиранія грибовъ 10 к., за вѣники 20 коп.

смотрителей, обитающихъ въ чистенькихъ, уютныхъ домикахъ. Возражаютъ, что крестьяне, напр., Баковской волости (Костромской губ.), находясь въ такомъ же отношеніи къ лѣсу, однако, не такъ бѣдны и даже удивятъ васъ чистотою и обширностью своихъ построекъ. Причина ясна: въ Баковской волости народъ живетъ на большой рѣкѣ Ветлугѣ, гдѣ много казенныхъ лѣсовъ по среднему теченію и у верховьевъ, потому что эта волость недалеко отъ Нижняго-Новгорода. Иньва же въ совершенно другихъ условіяхъ. Здѣсь ни торговли, ни промысловъ, ни чернозема. Удрученное состояніе духа здѣшняго поселянина — естественное слѣдствіе подобнаго порядка вещей. Взимаются штрафы и происходятъ постоянныя тяжбы; нелюбовь графскаго начальства къ народу и недовѣріе къ нему народа—явленіе обычное. То тамъ, то тутъ возникаютъ ложные слухи, что лѣса будутъ казенные и что сдѣлаютъ вырѣзки для крестьянъ. Отсюда новыя непріятности, недоумѣнія и преслѣдованія. Иное положеніе вещей у чердынскихъ пермяковъ, которые хлѣбъ молотятъ до ноября, съ лѣсами держатся вольнѣй (лѣса казенные), рыба, водящаяся въ рѣчкахъ, принадлежитъ имъ, и, конечно, народъ живетъ и чувствуетъ себя несравненно спокойнѣе и благодушнѣе.

Такимъ образомъ, всѣ эти причины—малыя рѣчки, стѣсненная жизнь, бывшее крѣпостное состояніе у помѣщиковъ, теперешнеее состояніе лѣсныхъ отношеній—создали то, что пермякъ такъ глубоко отличается отъ зырянина, что онъ, любя лѣсъ, давая ему разныя названія (дзиб—ельникъ, шойна-керос—грива, ляг-бадья—водянистое мѣсто, рас—мелкій лѣсъ, грись—длинный, высокій лѣсъ, райна—зыбкое мѣсто, ягъ — высокое мѣсто, покрытое лѣсомъ, яушникъ—маленькій лѣсокъ и т. д.), повѣсилъ, однако, на гвоздь свое старое ружье и сталъ трусомъ*).

*) Названія птицъ и звѣрей у пермяковъ свои, пермяцкія, а названія грибовъ—русскія (клестъ—жонь, рябчикъ—сева, тетеревъ—таръ, лебедь—юсъ, гусь—дзо дзегъ, воробей—сырчикъ и т. д.).

III.

Жизнь кипитъ около морей; по большимъ рѣкамъ она течетъ широкими волнами; по малымъ рѣчкамъ и ручьямъ—тишь и глушь непроходимая. Эта мысль врѣзывается въ воображеніе того, кто побывалъ на рѣчкахъ, подобныхъ Иньвѣ и ея притокамъ. И малосложно здѣсь колесо жизни и медленно оно движется. Какого человѣка создала эта обстановка? Каковъ типъ пермяка, каковы его антропологическія особенности?

Зыряне, живя на большихъ рѣкахъ, среди дремучихъ, почти безпредѣльныхъ лѣсовъ, не зная крѣпостного права, развили въ себѣ предпріимчивость, удальство, энергію *). Вотяки, хотя оттѣснены на мелкія рѣчки, все же имѣютъ свои лѣса, свою свободу, въ дебряхъ своихъ сохранили свою религію и стали образцовыми земледѣльцами. Пермяки не выразили своихъ индивидуальныхъ чертъ такъ свободно, какъ ихъ одноплеменники. Недовѣріе, упрямство, пессимизмъ—вотъ что характеризуетъ пермяка. Видъ у него унылый, черты лица выражаютъ мрачность и неподвижность. Среди нихъ нѣтъ интеллигенціи, имъ сочувствующей; начальство, какъ бы оно ни было многочисленно, настроено не въ пользу пермяка. Онъ слышитъ, что надъ нимъ и надъ его рѣчью смѣются, учителя изъпермяковъ, подъ вліяніемъ общаго настроенія интеллигенціи, убѣждены, что цѣль школы — уничтожать пермяцкій языкъ. Они не понимаютъ того соображенія, что книги на языкѣ инородцевъ служатъ средствомъ сознательнаго усвоенія знаній.

Такого взгляда держатся даже завѣдующіе школами, въ селѣ Егвѣ учитель Логичевъ, состоя членомъ земской

---

*) Условія эти у зырянъ теперь, конечно, значительно ухудшились; въ настоящее время и они стѣснены лѣсами, но воспоминаніе о лучшемъ прошломъ все же сохранилось въ ихъ сказкахъ и пѣсняхъ.

управы, даже тормозилъ распространеніе книгъ на пермяцкомъ языкѣ. Пермякъ такъ грустенъ и угрюмъ, что почти совсѣмъ не поетъ: у него нѣтъ своихъ пѣсенъ (онъ ихъ забылъ) и заимствованныхъ русскихъ мало. Даже сказокъ нѣтъ у иньвенскихъ пермяковъ; это указываетъ, въ свою очередь, на то, что у него совсѣмъ нѣтъ времени и веселаго досуга ни зимой, ни лѣтомъ для бесѣдъ. У чердынскихъ пермяковъ существуетъ хотя небогатый сказочный матеріалъ. Кое-какіе языческіе остатки сохранились въ жизни пермяка и въ его міровоззрѣніи, но эти пережитки очень скудны, и пермяки теперь усердные христіане. Когда подъѣзжаете къ пермяцкой деревнѣ, вы видите среди убогихъ, почернѣлыхъ лачужекъ съ рѣдкими окнами большую, тщательно устроенную часовню, которая издали похожа на церковь. Вообще къ церкви и вѣрѣ пермякъ очень усерденъ; должно-быть, религія—его единственное утѣшеніе въ горестной и скудной жизни. Но и этого законнаго права „благодѣтели“ ихъ стараются лишить.

Что касается физическаго типа пермяка, то ростомъ онъ ниже русскаго и ниже зырянина. Между пермяками меньше разнообразія въ типахъ, чѣмъ между зырянами и, тѣмъ болѣе, русскими. Это, конечно, признакъ меньшаго развитія народа, и это также есть слѣдствіе историческихъ и географическихъ условій. Измѣренія показываютъ, что у пермяцкихъ женщинъ ростъ ниже, чѣмъ у русскихъ. Размѣры головы въ общемъ меньше, лбы небольшіе. Бросаются въ глаза роскошные волосы у женщинъ, мало сѣдѣющіе. Здоровыхъ и сильныхъ между пермяками мало; много истощенныхъ и малокровныхъ, потому что они питаются кыдз'ва-пиканою, шома-турунъ, много больныхъ глазами, по причинѣ скудости жилищнаго свѣта. Чаще всего повторяющійся типъ пермяка имѣетъ такія черты: широкія скулы (шире, чѣмъ у русскихъ), рыжая бородка, каріе или сѣрые глаза, лицо короткое. Выраженіе лица болѣе тупое и неподвижное, чѣмъ у русскаго. Чувствуется, да это можно и доказать

что русскіе несравненно подвижнѣе, быстрѣе, а пермяки настойчивѣе. Эти черты нужно, конечно, объяснять вліяніемъ условій историческихъ и географическихъ. Понятіе расы—понятіе ускользающее, трудно опредѣлимое.

Для иллюстраціи приведемъ нѣсколько цифръ изъ таблицъ.

Ростъ мужчинъ с. Юма (Чердынскаго уѣзда):

177—175 сант. 37%
172 „ . . . . . 12% } русскіе.
162 „ 50%

Ростъ мужчинъ с. Кочева (того же уѣзда):

176—171 сант. 12%
169—164 „ . . . . . 50% } пермяки.
161—156 „ 38%

Ростъ женщинъ с. Юма:

175 сант. . . . 8%
166 „ 16%
163 „ . . . . 16% } русскія.
152 „ 32%
147 „ 24%

Ростъ женщинъ с. Кочева:

162 . . . . 5%
158—155 . 30% } пермячки.
153—151 . 33%
149—145 . 25%

Сравнимъ цифры роста зырянъ с. Вишеры (Усть-Сысольскаго уѣзда):

173, 171, 173, 174, 170, 165, 181.

Цифры роста пермяковъ въ с. Тиминѣ (Соликамскаго уѣзда):

161, 172, 162, 149, 160, 161, 155½, 155.

Ростъ пермяковъ въ с. Захаровѣ (Соликамскаго уѣзда):

162, 174, 170, 171, 165, 164, 172.

Ширина скулъ жителей с. Юма (русскіе):		Ширина скулъ жителей с. Кочева (пермяки):	
130 миллим.	1 (12%)	149	1 (10%)
138 „	2 (24%)	144	1 (10%)
142 „	3 (36%)	140	4 (40%)
127 „	2 (24%)	131	1 (17%)
		137	1 (10%)
		126	1 (10%)

Ясно изъ этихъ данныхъ, что пермякъ ниже зырянина и, тѣмъ болѣе, ниже русскаго.

IV.

Жизнь пермяковъ приходится описывать мелкими штрихами, потому что и самая здѣшняя природа ничего крупнаго въ себѣ не заключаетъ, кромѣ грусти пермяка, которая неисчерпаема. На существованіе кое-какихъ пережитковъ старины, остатковъ былого національнаго можно еще указать у чердынскихъ пермяковъ; иньвенскіе, повидимому, ничего не сумѣли сохранить изъ минувшаго прошлаго. Такъ, въ д. Кочѣ (Черд. у.) 18 августа, въ день Флора и Лавра, около часовни ежегодно собираются пермяки. Передъ праздникомъ убиваютъ быковъ. Въ самый праздникъ при огромномъ стеченіи народа мясо варится и съѣдается. Въ послѣднее время это народное торжество уменьшается въ своихъ размѣрахъ подъ вліяніемъ преслѣдованія его, съ одной стороны, и укрѣпляющихся христіанскихъ обычаевъ—съ другой. Въ сс. Купроссѣ и Майкорѣ на день св. Власія приносятъ въ часовню телячьи головы и ноги (у зырянъ Ильинъ день). Нѣкоторые пережитки сохраняются, благодаря самой инертности жизни. Такъ, напр., у пермяковъ нѣтъ телѣгъ во многихъ деревняхъ (потому что дорогъ не было до послѣдняго времени), и вотъ они возятъ покойниковъ въ саняхъ. Эти сани иногда оставляютъ на кладбищѣ, такъ что, проѣзжая мимо сельскаго кладбища, вы видите своеобраз-

ную картину: рядомъ съ могильнымъ крестомъ лежатъ полозьями кверху сани или даже воткнуты рядомъ съ крестомъ. Несомнѣнно, сани имѣютъ какую-то тайную связь съ прежнимъ религіознымъ культомъ пермяковъ, но удержались сани до сихъ поръ среди ихъ христіанскихъ обычаевъ, кажется, въ значительной мѣрѣ именно благодаря инертности жизни. Нужно упомянуть, что въ селахъ льютъ брагу на могилы и поминаютъ покойниковъ празднествомъ въ родѣ тризны (напр., въ сс. Юмъ, Кочево). Къ этому же нужно отнести обычай молиться разнымъ покойникамъ и наблюдать, при какой молитвѣ пройдетъ болѣзнь; вѣшаютъ еще топоръ къ кресту и перечисляютъ всѣхъ святыхъ, и при имени котораго изъ святыхъ покачнется топоръ, тому служатъ молебенъ. Въ общемъ все же нужно сказать, что среди пермяковъ замѣчается языческихъ остатковъ мало и не больше, чѣмъ среди русскихъ. Мало сохранилось у нихъ и національнаго. Женскіе *головные уборы* болѣе или менѣе характерны: такъ называемыя шамшуры у иньвенскихъ пермячекъ и кокошники у чердынскихъ. Шамшуры покроемъ своимъ напоминаютъ русскій повойникъ, съ тою разницею, что задняя его половина дѣлается изъ тугой толстой ткани въ видѣ прямоугольника, при чемъ сверху два прямыхъ угла оставляютъ рѣзко торчащими, а въ основаніи стягиваютъ (какъ у повойника) тесемками. Шамшура всегда дѣлается изъ краснаго кумача и часть его, покрывающая затылокъ, вышивается бѣлыми нитками. Кокошникъ почти то же самое, что великорусская старинная кичка.

Обыкновенно этнографы интересуются пермяцкими *вышивками и узорами* на полотенцахъ и рубашкахъ, и, наблюдая рисунки этихъ узоровъ въ видѣ геометрическихъ фигуръ, иногда утверждаютъ, что геометрическія фигуры—особенность финскихъ племенъ, а круглыя—славянъ. Но очень легко увлечься понятіемъ расы въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ случаяхъ. Можно думать, что геометрическая фигура на узорахъ есть просто слѣдствіе

степени культуры. Прямолинейныя фигуры можно объяснить тѣмъ, что узоры пермяцкіе ткутся, а не вышиваются, тогда какъ у русскихъ распространено въ значительной мѣрѣ вышиваніе.

Суевѣрія, сохранившіяся въ жизни коми (зырянъ и пермяковъ), даютъ намеки на прежнее поэтическое и величавое язычество. Вуншериха (Луншериха) ходитъ по ржи (до сихъ поръ) и раститъ колосъ (Вуншеръ—полдень). Дѣтей пугаютъ: „Вуншериха тебя съѣстъ“. Енӧшка ва јувӧ (радуга воду пьетъ)—повѣрье общее восточно-финское. Каленикъ раздѣляетъ птенцовъ рябчика, тетерева, чтобы они жили по парѣ. Ящерица имѣетъ удивительныя свойства. Слѣпая дѣвушка взяла, сварила ящерицу вмѣсто рыбы, плеснула той водой себѣ въ глаза и стала видѣть. Зыряне изъ головы ящерицы дѣлаютъ „шеву“ (порчу). Въ рѣкахъ до сихъ поръ живутъ куль — пијанјас (дѣти Куля), которые хватаютъ людей. У древнихъ зырянъ Куль — подземный богъ (Кальма финское). Ойпель—часть животнаго, которая не съѣдается. Ойпелемъ или Войпелемъ зыряне называли одного изъ своихъ боговъ, вѣроятно, бога лѣса — лѣсного вихря, сына сѣвера. Какое отношеніе имѣетъ несъѣдаемая часть животнаго (ойпель) съ богомъ Ойпелемъ, остается тайною для современной финской миѳологіи... Млечный путь — гусиная дорога. Глядя на него, птицы летятъ въ дальній саридзь (море). Летучая мышь (кушборд) вредитъ овцамъ. Дождь по-пермяцки Ен зерӧ—богъ дождитъ. Такіе боги, какъ богъ воды и богъ лѣса, не могутъ быть забыты племенами, живущими по берегамъ рѣкъ въ дремучихъ лѣсахъ. Пермяки помнятъ водяного и лѣсного; но здѣсь рѣка маленькая и водяному негдѣ было развернуть свои силы. Говорится въ народѣ, что онъ съ бѣлыми волосами, иногда показывается изъ воды и смѣется, глядя на молнію, смѣется надъ новымъ богомъ. Иногда онъ сидитъ на берегу въ видѣ ребенка съ длинными волосами и при приближеніи къ нему человѣка падаетъ обратно въ глубину

рѣки. Богъ лѣса до сихъ поръ мститъ пермякамъ за перемѣну ихъ вѣры (хотя христіанство они приняли еще въ началѣ XV в.). Онъ особенно любитъ держать въ лѣсныхъ дебряхъ пермяцкій скотъ—коровъ и лошадей. Выручить скотъ изъ его плѣна можно, только написавъ прошеніе лѣсному царю въ извѣстной формѣ. Въ Ошибской волости еще встрѣчаются люди, умѣющіе писать прошеніе лѣсному. „Кабала“, или прошеніе, всегда пишется особыми знахарями, которые на кускѣ бересты чертятъ лѣсныя дороги и слова, имѣющія значеніе заговора.

Прежнее имя лѣсного Вихоръ Вихоревичъ и означаетъ то, что онъ былъ богъ лѣсного вихря, вѣтра. „Кабалу“ нужно писать умѣючи (только въ Ошибской волости умѣютъ); если напишутъ неумѣло, лѣсной жестоко наказываетъ. Обиліе въ лѣсу волковъ, медвѣдей, бѣлокъ, зайцевъ зависитъ отъ того, что лѣсной гонитъ свои стада; иные годы совсѣмъ мало звѣрей, и все это — дѣло лѣсного. Видали его и въ деревнѣ; захаживаетъ иногда въ корчму и пьетъ сразу по ведру водки. Онъ живетъ въ лѣсу въ своей избушкѣ. Говорятъ, что у него есть и дѣти. (Разсказы мужиковъ с. Кочева.)

V.

Рочь (русскіе) даровитѣе пермяковъ; первые были организованнѣе, лучше вооружены, когда пришли и оттѣснили племя коми за Косу-рѣку, за болота. Чердынскихъ пермяковъ покорили (при Иванѣ III, когда еще были пермскіе князья), часть ихъ осталась доселѣ по Вильвѣ у Пармы; иньвенскихъ пермяковъ закрѣпостили гр. Строгановы. Такова коротенькая историческая страница этой малой страны. Отъ покоренія спаслась одна небольшая часть ихъ у верховьевъ Камы. Сохранились ли какія-либо легенды или историческія сказанія о далекомъ прошломъ этого народца?

Рѣка Коса (притокъ Камы) является границей между чердынскими пермяками и русскими. Многоверстныя, труднопроходимыя болота раздѣляютъ однихъ отъ другихъ (если ѣхать, напр., отъ Юма до Кочева). Въ углу Пермской губ. между верховьями Камы и Косы чердынскіе пермяки укрылись отъ русскихъ, отъ которыхъ отдѣлены болотами и лѣсами непроходимыми. Народъ создалъ по поводу этихъ границъ маленькій суевѣрный разсказъ. „Рѣка Коса,—разсказываютъ въ народѣ,—есть граница змѣй. По эту сторону, гдѣ пермяки, змѣи водятся, напр., по берегамъ р. Еншöра, по ту сторону Косы змѣй нѣтъ. Одинъ святой старецъ, который былъ здѣсь, воспретилъ имъ переплывать рѣку Косу. И дѣйствительно, какъ только змѣя доплыветъ до середины (рѣчка не широка), сейчасъ же околѣваетъ“.

Подобный же разсказъ существуетъ и у зырянъ. Только у послѣднихъ онъ имѣетъ обратное значеніе, что рѣчка не пускаетъ змѣй въ мѣстность, населенную зырянами, потому что Стефанъ Пермскій (объ Іонѣ нѣтъ преданій) воспретилъ имъ.

Сказаній о богатыряхъ мало у пермяковъ (меньше, чѣмъ у вотяковъ). Между прочимъ извѣстенъ одинъ пермскій герой, именно Пера-Богатырь. „Жилъ-былъ Пера-Богатырь въ д. Лупья (Юмской волости); онъ спорилъ съ лѣснымъ царемъ; на палкѣ они тянулись. Лѣсной сталъ Перу перетягивать, а Пера раньше привязалъ себя къ пню (къ дереву). Вотъ пень затрещалъ. Лѣсной спрашиваетъ: „Это что трещитъ?“—„Это у меня сила прибываетъ“, отвѣчаетъ Пера. „Если твоя сила прибываетъ, ты владѣй всѣмъ, и звѣремъ и птицей“, смирился лѣсной. Пера-Богатырь жилъ одинъ на берегу рѣки (Юдорынь). Разъ онъ взялъ семь паръ (семь саней) на себя и несъ. Усталъ очень и съѣлъ семь паръ рукавицъ, взявши со стола вмѣсто хлѣба. Онъ ходилъ на войну. Крестный отецъ его выхвасталъ царю, что онъ весьма силенъ. Была война. Одинъ богатырь на колесахъ вое-

валъ и нашихъ сильно билъ. Царь призвалъ Перу-Богатыря. Его дядя на лошадяхъ, а Пера на лыжахъ отправились къ царю. Пера раньше прибылъ и въ шалашѣ изъ ели на берегу остановился. Богатырь на колесахъ опять выѣхалъ. Пера бросился на него: трухъ-трахъ—разбилъ его колесо и его самого. Царь спрашиваетъ, какую дать ему награду. „Шелковыя тенета дай мнѣ“, говоритъ Пера. Тотъ далъ и отпустилъ его домой. И жилъ долго Пера-Богатырь, быстрѣе птицы на лыжахъ онъ ходилъ, ловилъ лисицъ и зайцевъ и рыбъ озерныхъ шелковыми тенетами.

Но если мало историческихъ преданій въ устахъ пермяковъ, зато въ ихъ краѣ имѣется обиліе остатковъ древней жизни: чудскихъ могилъ, городищъ. Въ этомъ отношеніи пермяцкій край—страна чудесъ. Народъ правильно относится къ своимъ такъ называемымъ городищамъ. Пермяки говорятъ: „Раньше въ городищахъ жили чудаки, они—первые жители, вторые—мы, третій народъ будетъ послѣ насъ“. Далѣе разсказываютъ, что когда родился Христосъ и сталъ крестить людей, жители сѣвера стали рыть ямы, спустились въ эти ямы, срубили столбы, на которыхъ были укрѣплены крыши, и погибли въ нѣдрахъ земли. Теперь дремучій лѣсъ растетъ надъ этими могилами (подобный разсказъ циркулируетъ по всему сѣверу и у зырянъ). Въ этихъ могилахъ находятъ серебряныя тарелки, фигуры въ видѣ человѣка, въ видѣ жеребца и т.п.

Относительно городища, находящагося въ трехъ верстахъ отъ Пыстогъ Курӧг-Карӧг, говорится, что въ немъ среброкованныя ворота; деньги въ сороковой бочкѣ на телѣгѣ лежатъ. Если кто разроетъ эти богатства, самъ будетъ не радъ,—произойдетъ великая драка: всякій пожелаетъ все взять себѣ.

Всѣ чудскія городища расположены около теперешнихъ пермяцкихъ селъ и деревень. Мѣстонахожденій чудскихъ вещей особенно много въ волостяхъ Юксѣевской, Косинской, Гаинской.

Могильники около чудскихъ городищъ не разъ бывали мѣстомъ археологическахъ изысканій. На Чаньвѣ имѣются пещеры. Тамъ найдены вещи вогульскія, очень похожія на чудскія, слѣд., угорскія.

Существуетъ масса названій рѣчекъ на сѣверѣ Россіи, пока еще совершенно не уясненныхъ изъ финскихъ корней; и можно предполагать, что они — угорскія (напр., Ижма, Вычегда, Вымь, Сысола; Ижма встрѣчается въ двухъ мѣстахъ: въ Архангельской губ. и другая, маленькая рѣчка того же имени, въ Костромской губ., Варнавинскаго уѣзда; Пижма—въ нѣсколькихъ, Вишера въ двухъ).

Надъ вопросомъ о чудскихъ городищахъ все еще пребываетъ какой-то мракъ. Несомнѣнно, что это остатки финно-угорской культуры; но финскія ли это городища или угорскія — до сего времени открытый вопросъ. Данныя, найденныя въ Чаньвенской пещерѣ *), повидимому, говорятъ, что городища принадлежатъ вогуламъ. Предметы Чаньвенской пещеры—вогульскіе, съ другой стороны они тождественны съ чудскими вещами, ergo—чудскія вещи, вогульскія (угорскія). При этомъ встрѣчаемъ еще удивительный фактъ: въ мѣстности, населенной теперь зырянами, сохранились угорскія названія на ряду съ зырянскими (Изва, Эжва, Емва—Ижма, Вычегда, Вымь). Между тѣмъ городищъ у нихъ очень мало (Кар-мылькъ—чуд. могила около Вишеры и деревни Эжолъ). Здѣсь мы имѣемъ дѣло вообще съ интереснымъ явленіемъ: именитые люди Строгановы и ихъ ставленникъ Кадаулъ утверждали, что мѣста эти, т.-е. берега Иньвы, Яйвы, Обвы, пустые, ненаселенные; теперешніе археологи стараются доказать, что городища всѣ угорскія. Спрашивается, откуда же Пермяцкія названія рѣкъ, распространенныя въ сѣв. половинѣ Пермской губ. (притокъ Чусовой—Вильва, сѣвернѣе—Яйва, и т. д.)?

*) Теплоуховъ, Ѳ. А., „Древности, найденныя въ Чаньвенской пещерѣ, Соликамскаго уѣзда“.

По Косѣ же и Иньвѣ масса городищъ и совсѣмъ почти нѣтъ угорскихъ названій (хотя бы въ устахъ русскихъ, а не пермяковъ). Всѣ названія рѣкъ и рѣчекъ половины пермской губ.—пермяцкія. Пермскую мѣстность зыряне зовутъ ком-му (земля коми). Съ другой стороны, городища обозначаются словомъ кар (городъ)—словомъ общепермскимъ. Села пермяковъ расположены всѣ около городищъ. Что это должно значить? Наконецъ, если чудскія городища всѣ угорскія въ губерніяхъ Вятской, Пермской, Вологодской, то гдѣ же остатки прапермяцкихъ поселеній? гдѣ же они жили? На слогъ „кор“ оканчиваются названія и теперешнихъ центровъ—Пыскоръ, Майкоръ, Кудымкоръ, Дойкоръ, Мечкоръ.

Затѣмъ, лингвистическія данныя проливаютъ кое-какой свѣтъ на этотъ вопросъ. Говоръ чердынскихъ пермяковъ сходенъ съ сысольскимъ и печерскимъ такъ же, какъ и старый верхиньвенскій говоръ. А потому можно думать, что эти пермяки пришли съ Сысолы; но говоръ иньвенскихъ пермяковъ совершенно отличенъ отъ извѣстныхъ зырянскихъ говоровъ. Это—особое нарѣчіе; на немъ, быть-можетъ, говорили тѣ пермяки, которые имѣли нѣкогда чердынскаго князя Михаила и князьковъ Бурморта, Мичмана. Такъ или иначе, а чаньвенскія находки говорятъ о родствѣ культуры пермской и угорской, относительно же происхожденія чудскихъ городищъ нужно подождать новыхъ данныхъ для окончательнаго рѣшенія.

Въ заключеніе нельзя не обратить вниманія на понятіе расы. Нѣкоторые изслѣдователи понимаютъ ее, какъ нѣчто опредѣленное. Такъ, проф. И. Н. Смирновъ говоритъ слѣдующее о пермякахъ: „Онъ (т.-е. пермякъ) остался рабомъ природы, и въ этомъ мѣрка его творческихъ силъ... Египтяне своими первыми идеями въ области архитектурнаго орнамента обязаны природѣ Нильскаго бассейна, но богатство ихъ творческихъ силъ сказалось... въ обиліи видоизмѣненій, въ разнообразіи сочетаній“. Сравнивается Пермь и Египетъ и различіе

объясняется различіемъ расъ. А культура? А положеніе географическое? Если теперь астрономія процвѣтаетъ въ Америкѣ и мало замѣтна въ Россіи, если нѣмцы создали философію, а у насъ нѣтъ философской школы, значитъ ли это, что русскіе и не астрономы и не философы? Разумѣется, не значитъ. Въ Америкѣ купцы, вообще богатые люди жертвуютъ милліоны на обсерваторіи—таково настроеніе умовъ, у насъ дѣло обстоитъ иначе.

Понятіе расы—понятіе, все болѣе и болѣе уступающее, суживающееся; все большее и большее количество фактовъ находитъ свое объясненіе въ причинахъ историческихъ, географическихъ, соціальныхъ.

Пермяки—почти исключительно земледѣльцы; у нихъ не развиты промыслы и ремесла, они не искусные охотники. Зыряне, ихъ соплеменники, ближайшіе по языку, не особенно отдаленные по мѣсту, прекрасные охотники, способные къ промысламъ и ремесламъ. Даже болѣе глубокія и общія свойства тѣхъ и другихъ, какъ, напр., упрямство, настойчивость и то приходится объяснять не расовыми, а историческими причинами. Вѣка созидаютъ расу, вѣка же и измѣняютъ ее. Если нѣтъ расы устойчивой, то потому, что нѣтъ и формъ жизни абсолютно устойчивыхъ.

Наблюдая жизнь нашихъ финскихъ инородцевъ (зырянъ, вотяковъ, пермяковъ), я полагалъ, что раса — ступень въ эволюціи человѣка, что малая измѣняемость нѣкоторыхъ свойствъ въ сравненіи съ другими (напр., настойчивость, упрямство, неподвижность вотяка) есть указаніе именно на расу. Но вмѣсто того, чтобы сказать: „расовыя особенности очень мало измѣняются“, можно выразиться и такъ: тѣ свойства, которыя связаны съ природой мѣстности и основными условіями данной среды тѣ, конечно, мало измѣнчивы. Общее положеніе должно быть таково: раса есть нѣчто производное, и свойства народа постольку оригинальны, поскольку оригинальна природа ихъ страны и условія ихъ культуры.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что пермскій край—страна чудесъ. Здѣсь много обильнаго матеріала для антрополога, лингвиста, археолога, историка и т. д. Этотъ край важенъ также для всякаго, интересующагося положеніемъ вещей въ Россіи. Музей въ г. Перми, архивная ученая комиссія, отношеніе къ нему мѣстной интеллигенціи—на всемъ видна печать какой-то семейственности и любви къ своему краю. *Если бы здѣсь существовала еще любовь къ иностранцамъ, тогда и желать болѣе, повидимому, было бы нечего.*

Языкъ — истинное выраженіе духа народа. Слушая рѣчи пермяковъ, записывая съ его словъ его мечты, его сказки, чувствуешь себя удрученнымъ. Слаба рѣчь пермяка, нѣтъ силы и красокъ въ его сказкахъ, нѣтъ здѣсь ни смѣлости, ни отваги, все говоритъ о томъ, что забита душа народа! Между тѣмъ, сколько красокъ должно бы быть въ языкѣ пермскомъ (зырянскомъ), картинности, близости къ природѣ (обиліе въ языкѣ зырянскомъ звукоподражательныхъ словъ)! Сколько красоты въ ихъ послѣположеніяхъ, выражающихъ пространственныя и прочія отношенія предметовъ, какая гармонія въ обиліи открытыхъ и глухихъ звуковъ (ö), краткость и сила предложеній, обиліе твердыхъ гласныхъ (музыка сѣвера)—вотъ какія особенности присущи финскимъ языкамъ пермской группы, вотъ что должно бы подмѣтить въ языкѣ пермяковъ, но все поблекло вмѣстѣ съ грустной душой народа.

К. Жаковъ.

Отецъ Ѳеодоръ.

Осенью 1890 года я познакомился въ селеніи Покровскомъ, Оханскаго уѣзда, съ мѣстнымъ волостнымъ писаремъ Аѳанасіемъ Григорьевичемъ Симоновымъ.

Аѳанасій Григорьевичъ былъ въ то время худой, болѣзненный старикъ и дышалъ, что называется, на ладанъ. Жилъ онъ одиноко, безъ семьи, безъ родныхъ, хотя приживальщики и приживалки у него въ домѣ никогда не переводились. Вся эта бродячая орава ѣла, пила у него, всегда сплетничала, ссорилась и иногда воровала.

— Зачѣмъ вы пускаете къ себѣ этихъ дармоѣдовъ?!— замѣтилъ я однажды Аѳанасію Григорьевичу.

— А почему бы ихъ не пускать!—возразилъ онъ. Вѣдь все это—люди бездомные, безродные, а хлѣбъ и тепло имъ нужно... Моя хата съ краю, я всѣхъ принимаю. У меня для меня всего довольно, такъ надо же и съ другими подѣлиться...

— Но вѣдь дармоѣдство разводите!

— Напрасно вы такъ судите!—замѣтилъ Аѳанасій Григорьевичъ: вспомните-ка по книгѣ жизни, по Евангелію-то: не всѣмъ ли голоднымъ, холоднымъ, нагимъ, больнымъ, арестованнымъ далъ Господь Христосъ доброе имя „меньшихъ братьевъ“ своихъ?! Всѣмъ вѣдь, всѣмъ, безъ разбора, безъ различія, безъ всякихъ ученыхъ оговорокъ. Вотъ извольте убѣдиться...

И съ этими словами онъ подалъ мнѣ Евангеліе, въ которомъ указалъ главу 25 отъ Матѳея съ заранѣе отмѣченными стихами 42—45.

— Подумайте хорошенько: кто сказалъ это и про кого?—спросилъ меня онъ.—Гдѣ тутъ исключенія не въ пользу притворщиковъ, лѣнтяевъ, воровъ уличенныхъ?! А развѣ Христосъ, говоря такъ, не зналъ, не предвидѣлъ что будутъ многіе и наги и больны и въ темницахъ по своей винѣ? Несомнѣнно, зналъ, но, однако, различія не положилъ, а всѣхъ объявилъ своимъ меньшими братьями. И какъ ясно объ этомъ сказано въ 45-мъ стихѣ! Какъ же быть послѣ этого намъ съ вами? Сказать, что Христосъ по своему чрезмѣрному милосердію подъ вліяніемъ безконечнаго сочувствія ошибся!? Но вѣдь ни умъ нашъ, ни сердце не соглашается назвать это ошибкой. Говорилъ это Богъ, давая примѣры и ученіе для всѣхъ временъ и народовъ. Слѣдовательно, слова эти выражены отъ такого опыта и пониманія жизни, который ни мы, дурни, ни наши умники ни провѣрить, ни постигнуть не въ состояніи. Такъ вотъ я понимаю! А почему такъ Христосъ поступилъ, давъ имя „меньшихъ своихъ братій“ всѣмъ безъ исключенія бѣдствующимъ, этого, думается мнѣ, мы не разумѣемъ или по гордости своей или по нежеланію проникнуться мыслью, что весь міръ во злѣ лежитъ и что, стало-быть, онъ-то, этотъ міръ, во многомъ виноватъ. Вотъ, напр., г. Некрасовъ сказалъ же:

Счастье умовъ благородныхъ—
Видѣть довольство вокругъ...

Слѣдовательно, онъ какъ будто нападалъ на вѣрный путь къ уразумѣнію этой милости Христа къ страждущимъ. Только, видно, вѣры у него не хватило или смѣлости крикнуть всѣмъ людямъ сытымъ, довольнымъ, порядочнымъ:

— Не пируйте, пока ближайшіе къ вамъ голодные не накормлены! Не радуйтесь, пока есть около васъ плачущіе! Не роскошничайте, пока есть вблизи васъ нагіе. Не развлекайтесь отъ праздности, пока есть въ вашихъ тюрьмахъ хоть одинъ человѣкъ! Не поступайте такъ,

чтобы поддерживать избытокъ зла и несчастій на землѣ! *Торопитесь дѣлать добро*, будьте осторожны съ душами ближнихъ и не раздражайте страстей ихъ, если желаете уменьшить преступленія, несчастія и нищету на землѣ — этихъ ближайшихъ, тайныхъ враговъ вашего благополучія...

— Позвольте, Аѳанасій Григорьевичъ, остановилъ его я,—Самъ же Христосъ сказалъ: „нищихъ всегда будете имѣть съ собою“...

— Онъ еще больше сказалъ: „Если вы, будучи лукавы, умѣете благотворить дѣтямъ вашимъ“... возразилъ Аѳанасій Григорьевичъ. Видите: Христосъ указалъ намъ одну общую черту въ человѣчествѣ всѣхъ временъ и племенъ. Всѣ мы, по Его словамъ, да и въ дѣйствительности, лукавы. А пока есть въ человѣчествѣ этотъ порокъ лукавства, до тѣхъ поръ есть и будутъ и всѣ неурядицы, снабжающія насъ всякими бѣдами: войнами, болѣзнями, преступленіями, нищенствомъ. Поэтому-то и сказано Христомъ, что нищіе всегда будутъ. Но это еще не значитъ, что на нищихъ надо махнуть рукой, какъ на неодолимое зло, съ которымъ ничего не подѣлаешь... Отвѣтьте мнѣ: когда вы замѣчали въ себѣ отсутствіе лукавства? За васъ отвѣчу: только когда дѣлали что-либо хорошее для другого безъ расчета въ свою пользу и безъ всякихъ самолюбивыхъ соображеній... Только поступаясь собой, своими прихотями, выгодами и не заглядываясь на послѣдствія своего добраго поступка, можно почувствовать и святость и сладость добродѣтели и красоту свою душевную. А въ такихъ случаяхъ человѣкъ хоть на мигъ отстаетъ отъ внутренняго лукавства... Скажу вамъ одно: жаль, что такой поганый порокъ не гонятъ изъ жизни вонъ ни науками, ни лѣкарствами и не только не гонятъ, а даже возвели его въ науку, ухаживаютъ за нимъ, развиваютъ его, какъ драгоцѣнную способность, безъ которой, будто бы, обойтись нельзя... Вотъ какъ оцѣнили лукавство!.. Оцѣнить-то оцѣнили, а все-таки

настоящее его, русское имя отняли у него и дали ему другое: „дипломатія“!.. Маска хорошая, но не русская, а кто ее знаетъ какая... Думается, нѣмецъ ее смастерилъ послѣ того, какъ обезьяну выдумалъ. Видно, послѣ обезьяны-то натужился, натужился: что бы еще похитрѣе выдумать? Да и выдумалъ дипломата!.. И пошли съ тѣхъ поръ дипломаты, дипломатія — красно и громко! А по-моему: проще было бы и понятнѣе называть по-русски: лукавецъ, да и все тутъ!..

— Аѳанасій Григорьевичъ! Батюшка Помилосердуйте!— взмолился я.—Да развѣ можно обойтись безъ лукавства, безъ хитрости вотъ хоть бы въ международной политикѣ?!.

— Можно и должно!—заявилъ рѣшительно онъ.—Вспомните слова Христа: „будьте мудры, какъ змѣи, и цѣлы, какъ голуби“. Вспомните, что святая Церковь молится: „ихъ же даруй святымъ Твоимъ церквамъ въ мирѣ цѣлыхъ, честныхъ, здравыхъ, долгоденствующихъ, право правящихъ“... Ужъ если религія внушаетъ намъ желать, чтобы была въ нашихъ начальникахъ цѣлость честности и неповрежденность разума и чувствъ, значитъ, должно это быть и должна во всѣхъ имѣться только мудрость, а не какая-то тамъ дипломатія—помѣсь мягкости съ ехидствомъ... Читалъ я какъ-то, что одинъ министръ какой-то сказалъ: „слово дано, говоритъ, намъ для того, чтобы мы могли скрывать свои мысли“. Значитъ, онъ, бѣдняга, говорилъ такъ, что языкъ болталъ, а голова не вѣдала. Про такихъ у насъ мужички говорятъ: „ангельскій голосокъ, да бѣсова думка“... И какъ-таки подобнымъ искусникамъ да честь и мѣсто даютъ?! Вѣдь небось и этотъ умникъ въ концѣ-концовъ и дѣло свое съ шумомъ провалилъ и самъ, мудрецъ, провалился, потому что нарвался на простоту... Есть же люди-псы и свиньи. Помните изъ Евангелія: „не давайте святыни псамъ и не бросайте бисера вашего предъ свиньями“. Вѣдь не псы и свиньи разумѣются въ этихъ словахъ

Господа, а люди, носящіе образъ и подобіе этихъ животныхъ... Есть, по слову Господа, еще и дѣти дьявола— отца лжи.

„Вы отца вашего діавола“, сказалъ Господь фарисеямъ, этимъ богатымъ, ученымъ и могущественнымъ людямъ того времени.

Значитъ, есть люди-псы, люди-свиньи, люди-дѣти дьявола. Всѣ эти люди—дѣти вѣка сего и отличаются догадливостью болѣе, чѣмъ сыны свѣта, какъ объяснилъ Господь въ притчѣ о неправедномъ домоправителѣ. И дѣйствительно, мы видимъ, что ихъ царство отъ міра сего, что они умѣютъ сойтись въ компанію, умѣютъ напасть, разгромить кого угодно и что угодно, а другъ друга поддерживаютъ и всѣмъ страшны своею многочисленностью. Видя такую армію практичныхъ дѣльцовъ, воодушевленныхъ однимъ сознаніемъ, что нужно и должно стремиться къ выгодамъ, къ завоеваніямъ, какъ же вы не желаете признать, что были и есть на свѣтѣ дипломатичные лиходѣи, изъ которыхъ развѣ тысячный иной разъ зарвется и попадется? А разъ есть эта живодерная армія, у которой всѣ интересы направлены къ добычѣ во что бы то ни стало, то, слѣдовательно, есть и обижаемые и гонимые ими. Опустошая достоянія другихъ, разоряя въ другихъ вѣру въ Бога и покой душевный, они-то, эти дѣти дьявола, псы, свиньи въ образѣ человѣческомъ, изощренные лукавцы и служатъ въ мірѣ сѣятелями всякихъ скорбей и отчаянныхъ обстояній. Пока эта армія плодится и множится, до тѣхъ поръ есть и будутъ жертвы ихъ господства и варварства всѣ эти бездомные, бѣдствующіе, алчущіе и жаждущіе правды, хлѣба, пріюта. Если для этихъ-то гонимыхъ арміей міра сего ни я, ни вы, ни кто другой не устроимъ пристанища въ своихъ домахъ, то куда же имъ, бѣднымъ, дѣваться?! Положимъ, не избыть намъ чаши вселенскаго горя! Положимъ, эта армія лиходѣевъ гонитъ все живое къ послѣднимъ, страшнымъ днямъ... И какіе же это дни будутъ?!

Будутъ въ дни тѣ „двое будутъ на полѣ: одинъ возьмется, а другой оставится и двое будутъ на постели: одинъ возьмется, а другой оставится“... О ужасъ! Значитъ, цѣлая половина человѣчества истреблена будетъ вихремъ всякихъ золъ и напастей. Но вѣдь не боимся же мы дорожить жизнью, невзирая на сознаніе, что смерть неизбѣжна для насъ?! Зачѣмъ же намъ малодушествовать въ обязанностяхъ къ ближнимъ, а тѣмъ болѣе къ такимъ ближнимъ, которыхъ Самъ Господь наименовалъ своими меньшими братьями, наименовалъ безъ различія, безъ изъятій, всѣхъ поголовно, кто отъ какой бы то ни было причины оказывается передъ глазами нашими нагой, голодный, больной, лишенный свободы!? Не лучше ли различать людей не по состоянію, не по могуществу, не по народности каждаго, а только по тому, къ какому лагерю онъ принадлежитъ!? Вѣдь и лагерей-то всего два на свѣтѣ: одинъ — христіанскій, а другой — антихристовъ. Переходъ изъ одного лагеря въ другой происходитъ просто перебѣжками. Но изъ антихристова лагеря выбрасываются только тѣ, у которыхъ всѣ расчеты лопнули и всѣ надежды на выгоды разбились. Когда человѣкъ добился до такого отчаяннаго состоянія, то въ антихристовомъ лагерѣ онъ уже не воинъ. Вотъ такой оскандаленный и бѣжитъ, куда глаза глядятъ. Видитъ: Христовъ лагерь и знаетъ по наслышкѣ, что лагерь этотъ гостепріименъ, а потому стучится въ него. Если его оттолкнули, то и готовъ либо пропащій, либо преступникъ. А если приняли, обогрѣли, отнеслись, какъ къ человѣку, которому требуется либо быть сытымъ, либо умереть, то, глядишь, въ немъ заговорило горькое чувство къ прежнему лагерю и затеплилось новое чувство къ пріютившей средѣ. Вотъ тутъ-то и торопись подобрать новичка подъ теплыя крылья... Надо не забывать, и пасхальный обычай намъ напоминаетъ, что птицы два раза рождаются: одинъ разъ въ видѣ яйца, а другой разъ отъ матери къ духу жизни уже подъ вліяніемъ тепла и заботливости матери. Такъ

и человѣкъ: родили, да не пригрѣли и останется, какъ невысиженное яйцо. А если пригрѣли, выкормили, душу и тѣло выхолили, то и будетъ человѣкомъ. Пусть онъ потомъ собьется, завязнетъ въ омутѣ жизни, но искра оставшагося въ немъ тепла заговоритъ въ черный день, когда онъ почувствуетъ на себѣ тихій свѣтъ другой души. При свѣтѣ чужой любви и совѣсти заговорятъ и въ немъ способности любви и совѣсти... Пустыхъ душъ нѣтъ на свѣтѣ! Не даромъ и Христосъ объявилъ повинным геенны огненной всякаго, кто рѣшится сказать про другого „рака“, т.-е. пустой. Вотъ почему я всегда глядѣлъ и гляжу на своихъ бездомныхъ и нищихъ гостей, какъ на людей, которымъ я не имѣю права отказывать въ томъ, что принялъ самъ отъ Бога даромъ. „Даромъ получили, сказано, даромъ и давайте“. А какъ я подойду къ загнанному или къ свихнувшемуся человѣку съ однѣми своими добрыми рѣчами или съ успокоительными каплями, если вижу, что ему прежде всего хлѣбъ нуженъ, одежда нужна. Поневолѣ приходится подѣлиться съ нимъ и вещественнымъ, чтобы между мной и имъ мостикъ установился. А дальше уже и одинъ духъ его для себя все сдѣлаетъ безъ моихъ душеспасительныхъ наставленій. Чувствуя, вѣдь понять легче, чѣмъ только видя и слыша. Не осуждайте же меня за мое разгильдяйство!.. Подумайте только: сколькіе къ сосѣду моему или ко мнѣ въ окно ночью не полѣзли оттого, что я ихъ во-время накормилъ, пригрѣлъ... А, можетъ-быть, были у меня и такіе, которымъ отъ унынія дорога въ Каму лежала, да, къ счастію, мое перепутье имъ встрѣтилось...

— А вотъ и я на ваше перепутье...—послышался голосъ изъ передней.

Аѳанасій Григорьевичъ при этомъ возгласѣ незнакомаго человѣка всталъ и задвигался своими больными ногами къ прихожей.

— Отецъ Ѳеодоръ! Батюшка! Милости просимъ!— заговорилъ Аѳанасій Григорьевичъ.

II.

Минуты черезъ двѣ вошелъ въ комнату коренастый, средняго роста человѣкъ въ нанковомъ, ватномъ кафтанѣ, у котораго весь подолъ чуть не по поясъ былъ въ грязи и при малѣйшемъ движеніи гулко шлепалъ по голенищамъ огромныхъ, грязныхъ сапогъ.

По первому привѣтствію, сказанному Аѳанасіемъ Григорьевичемъ, я догадался, что это былъ священникъ.

На видъ ему было не болѣе 35 лѣтъ. Лицо круглое, краснощекое. Борода большая, свѣтло-красноватая. Волосы свѣтлѣе бороды. Особую примѣту составляли: большіе голубые глаза, ясные, ласковые, глядѣвшіе настойчиво прямо въ мое лицо.

— Рекомендую,— обратился ко мнѣ Аѳанасій Григорьевичъ,—это—лузинскій священникъ о. Ѳеодоръ, нашъ Робинзонъ во Христѣ.

Я, по русскому обычаю, подошелъ подъ благословеніе.

— Благословитъ тя Господь Богъ нашъ,—сказалъ, благословляя меня, о. Ѳеодоръ, но руку поцѣловать не далъ:

— Грязна у меня десница-то,—сказалъ онъ, усаживаясь на стулъ.

Сѣли и мы.

— Я вамъ помѣшалъ?—спросилъ обоихъ насъ о. Ѳеодоръ.

— Нѣтъ, батюшка, не помѣшали,—отвѣтилъ я,—мы вотъ съ Аѳанасіемъ Григорьевичемъ человѣчество на лагери разбивали.

— Чего же его разбивать: оно и такъ разбито. Что ни голова, то разумъ! — замѣтилъ о. Ѳеодоръ.

— Это вѣрно. Всякъ человѣкъ ложь...—поддакнулъ я.

— Кончайте же,—предложилъ о. Ѳеодоръ,—разъ начали словами псалмопѣвца Давида, такъ его же словами и кончайте, а не выхватывайте такъ вотъ, только то, что вамъ любо...

Я смѣшался, потому что не зналъ, что сказанныя мной слова представляютъ только часть фразы.

— Всякъ человѣкъ ложь! Азъ рѣхъ во изступленіи моемъ... Чувствуете: во изступленіи,—пояснилъ о. Ѳеодоръ.—А вы развѣ во изступленіи? Кажется, нѣтъ, потому веселенькій, глазки горятъ и на щечкахъ кровка брызнуть хочетъ...

— А вы, о. Ѳеодоръ, пѣшкомъ изъ Лузина? Охота была въ такую погоду 16 верстъ грязь мѣсить,—замѣтилъ Аѳанасій Григорьевичъ.

— Что дѣлать, Аѳанасій Григорьевичъ? Вѣдь лошадка-то моя еще не родилась, а изъ села съ кѣмъ-нибудь случая не было. А какъ вы меня обозвали, какъ я вошелъ?—спросилъ о. Ѳеодоръ.

— Робинзономъ, о. Ѳеодоръ,—сказалъ Аѳанасій Григорьевичъ.

— Это за что жъ вы меня при незнакомомъ человѣкѣ въ нѣмцы пожаловали? — спросилъ его, шутя, о. Ѳеодоръ.

Меня удивила такая неосвѣдомленность священника о личности и націи Робинзона.

О. Ѳеодоръ точно угадалъ мою мысль.

— Я вѣдь единовѣрческій священникъ, изъ мужиковъ простыхъ,—замѣтилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.—Гдѣ мнѣ знать про Робинзоновъ, когда я и свое-то, что по іерейству полагается, едва маракую... Ну, такъ чѣмъ же я—Робинзонъ, Аѳанасій Григорьевичъ?

— А тѣмъ, о. Ѳеодоръ,—отвѣтилъ, смущаясь, Аѳанасій Григорьевичъ,—сколько вы на своей жизни похожденій имѣли. Видѣли и столицы и заграницы, а теперь вотъ насъ собой пожаловали да бѣдуете тутъ въ глуши, гдѣ только варнакамъ въ пору быть.

— Полно вамъ! Что за глушь тутъ?!—возразилъ о. Ѳеодоръ.—Правда, нѣтъ тутъ пестроты городской, не слышно звуковъ музикійскихъ и кимваловъ доброгласныхъ. Зато живемъ, какъ патріархи: земля и небо не

заказаны, къ ралу руки привычны, а Господь-то и отъ насъ не дальше, чѣмъ отъ Москвы.

— А нужда-то ваша, приходъ какой? Горе одно!—сказалъ, обращаясь ко мнѣ, Аѳанасій Григорьевичъ.—У меня вотъ помощникъ давно стихи сложилъ про приходъ о. Ѳеодора:

Село Лузно,
У попа въ избѣ отъ таракановъ грузно.
Откуда у него будутъ гроши,
Когда родившихся, брачущихся, умершихъ за годъ ни души,
Сорокъ семь хатъ
Да попъ Игнатъ.

— Это-то вѣрно, только въ одномъ ошибка, что я не Игнатъ, а Ѳеодоръ,—замѣтилъ онъ.—Ну, и что жъ за бѣда?! По кораблю и плаваніе. Слава Богу, что и это-то есть про мою честь, а не сгнилъ я гдѣ-нибудь въ скиту или въ острогѣ.

По послѣднимъ словамъ о. Ѳеодора я догадался, что онъ изъ „обращенныхъ“ начетчиковъ. Конечно, по привычкѣ, свойственной людямъ формальнаго образованія, сталкивающимся съ людьми, не получившими такого образованія, я подумалъ:

„Вотъ и еще одна ходячая скука. О чемъ съ нимъ станешь говорить?!“

— Продолжайте же рѣчь вашу,—предложилъ намъ о. Ѳеодоръ.—Вотъ вы, Аѳанасій Григорьевичъ, остановились на какомъ-то перепутьѣ, когда я вошелъ. Что это за перепутье? Ѣздили, что ль, куда?

— Нѣтъ, о. Ѳеодоръ, нашъ разговоръ былъ домашній, такъ, между собою,—объяснилъ Аѳанасій Григорьевичъ. Теперь вотъ лучше васъ мы послушаемъ...

— А знаете, какъ у о. Ѳеодора иной разъ служба въ церкви бываетъ,—обратился ко мнѣ Аѳанасій Григорьевичъ.—Обратится къ народу, чтобы сказать: „миръ всѣмъ“, а стоитъ одна попадья, онъ и скажетъ: „миръ

ти, Агафья", а она ему: „и духови твоему, Степанычъ". Больше и народа не бываетъ.

— Вѣрно, вѣрно, почти что такъ случалось, какъ я на приходъ поступилъ,—подтвердилъ о. Ѳеодоръ.—Только теперь будто къ лучшему все стало налаживаться.

— А какъ налаживали?—полюбопытствовалъ я.

— Простите Христа ради! Мой приходъ разстроенъ, какъ и всѣ поголовно единовѣрческіе приходы на Руси,—сказалъ о. Ѳеодоръ.—Чай изволите знать?—Единовѣріе образовалось при государынѣ Екатеринѣ Великой по правиламъ, которыя митрополитъ Платонъ и тогдашніе старообрядцы обоюдно положили. Въ правилахъ тѣхъ указано, что допускаетъ православное начальство въ церковныхъ обычаяхъ старообрядцевъ и чего старообрядцы и начальство обоюдно должны держаться, чтобы не возобновилось отпаденіе въ расколъ. Но священники, поставляемые отъ архіереевъ на единовѣрческіе приходы, отъ времени ли, или по нерадѣнію и небреженію къ духу пасомыхъ, позволили себѣ оступать отъ правилъ при отправленіи служеній. Начали мало-по-малу уклонять обычаи въ сторону православія, да и въ жизняхъ своихъ и въ своемъ обиходѣ перестали слѣдовать требованіямъ своей паствы. Завелись, на грѣхъ, пастыри и пьющіе, и табачники, и небрегущіе положенными въ начало и конецъ служеній поклонами. Стали вводить на православный манеръ многое такое, что пасомые не пріемлютъ по не обычаю. Сотворился соблазнъ великій отъ сихъ отступленій. Раскольники стали попрекать единовѣрцевъ, что они промахнулись и не церковь себѣ старообычную сотворили, а мостъ дырявый, по которому по тайному наказу ведутъ ихъ священники къ тѣмъ самымъ новшествамъ, отъ которыхъ ихъ отцы бѣжали.

— Предались вы къ той церкви, у которой у служителей слово не крѣпко и обѣщаніе царское творятъ въ пагубную перемѣнчивость и въ конечный раззоръ древлему благочестію. Двоеданы вы, а не единовѣрцы, твердили раскольники.

И стали единовѣрцы дичиться своихъ пастырей. Заподозрили ихъ въ духовномъ предательствѣ стародавнихъ святоотческихъ обычаевъ и въ приложеніи на отметаемыя новшества.

А на грѣхъ, когда это косненіе стало находить, было время лютое, задорное, своевольное. Надо бы тогда іереямъ то поразсудить въ себѣ да скорѣй опять стать на камень правилъ Платоновыхъ, а они нѣкоторые возьми, да и забей въ набатъ по консисторіямъ да по полиціямъ:

— Такъ и такъ-де: люди отъ Церкви отбились, у исповѣди и святаго причастія и десятина прихода въ годъ не бываетъ.

Разумѣется, и консисторіи и полиціи обрадовались, потому въ то время они расколъ лучше пріисковъ разрабатывали. Пошелъ правежъ вѣры черезъ мѣру. Іереи-доказчики тоже втянулись въ казусный оборотъ своихъ распрей съ пасомыми. Поднялось въ численности единовѣріе по исповѣднымъ росписямъ, значитъ, завелись записи за мзду. Начальство довольно осталось, что на бумагѣ дѣло поправилось, іереи-доказчики призамолкли, а единовѣрцы совсѣмъ головы повѣсили.

— Что взяли?—твердили имъ раскольники,—прямо бы лучше на дань просились, на оброкъ церковный. Вотъ видите: поповъ-то вашихъ ревность по дому не снѣдаетъ, а васъ ужъ совсѣмъ сгложетъ скорѣе насъ.

Вотъ такъ-то и рухнуло единовѣріе и наступило въ немъ двоеданство. Говорятъ, что въ этой травлѣ на единовѣріе не обошлось безъ вліянія богатѣевъ-раскольниковъ. Теперь какъ полегчали гонимыя времена, такъ все и обозначилось. Есть люди въ приходахъ, которые по 15—20 лѣтъ не пріобщались и не то, что десятая часть прихода, а въ иныхъ и сотая часть въ храмъ не ходитъ. Этому теперь ужъ не помочь и доносами. Завелись даже люди, которые ни въ расколѣ, ни въ единовѣріи не состоятъ, а такъ, какъ придется. На такихъ же на равнодушниковъ еще и миссіонерства не выдумано. Вотъ и у

меня, какъ я поступилъ, оказалось: что ни домъ, то толкъ, что ни семья, то вѣра. А кто виноватъ? Гдѣ Каинъ, котораго надо спросить?

— Какъ же вы, однако, живете, о. Ѳеодоръ,—спросилъ я.

— А такъ вотъ: явился на приходъ, подсчиталъ стадо и вижу: распудили наемники овецъ... И припомнилось мнѣ, зачѣмъ Христосъ рече про Себя: „Азъ есмъ Пастырь Добрый, Пастырь Добрый“... Для того это сказано, чтобы и народъ, да и сами пастыри знали и умѣли чувствовать, что есть пастыри добрые и есть пастыри не добрые. Добрый пастырь входитъ дверьми и знаетъ своя и знаютъ его свои. А недобрый пастырь не входитъ дверьми, а прелазяетъ индѣ... И рѣшился я итти дверьми, глашать овцы по имени, знать все свое, что мнѣ подобаетъ по правиламъ іерейства моего. Взыскалъ я царствія Божія въ себѣ самомъ и въ воспріятіи духовнаго единенія въ союзѣ мира съ пасомыми, вѣруя, что прочая вся приложатся. Вотъ завелъ у себя школку. Учу чѣмъ Богъ послалъ и что самъ знаю: читать по церковному, писать полуставомъ, считать мало-мало. Ребятенки набрались, за книги взялись, а двое уже въ крылошанахъ читаютъ, поютъ. Родители меня не забываютъ дровами, мукой, курочками, яичками... Мало всего, ну, да вѣдь мало и времени тому прошло: скоро ли мерзлый камень-то одной своей грудью прогрѣешь?!

— А развѣ вамъ миссіонеры не помогаютъ собесѣдованіями? — спросилъ я.

— Много ли у насъ миссіонеровъ!? Всего одинъ: отецъ Стефанъ Луканинъ. Занятъ онъ, бѣдный: мало ли по епархіи безпоповцевъ, липованъ, перекрещиванцевъ и иныхъ прочихъ?! Какихъ-какихъ только нѣтъ! Есть у него и помощникъ, мой тезка—о. Ѳедоръ, да вѣдь ему у единовѣрцевъ дѣлать нечего, а онъ больше любитъ съ раскольничьими начетчиками схватиться: разъ, что упражненіе памяти и языку, а другое: тамъ есть на что

переть. А у насъ въ единовѣріи если и есть какой начетчикъ, такъ онъ отъ миссіонера Платоновыми правилами прикроется, а самъ потихоньку норовитъ въ приходѣ возобладать, чтобы щедротами поучаемыхъ пользоваться. Разбито единовѣріе, расхищается стадо Христово и волками и соблазнами свободныхъ вѣръ по гражданскимъ книгамъ. Мало ли теперь во имя Христово пришло?! Многихъ прельстили прелестью самоправимаго духа. Вѣдь сказано же святымъ апостоломъ Павломъ во 2 посланіи къ коринѳянамъ, глава одиннадцатая, стихъ третій: „Боюсь, чтобы какъ змій прельстилъ Еву хитростью, такъ и ваши умы не повредились бы, уклонившись отъ простоты во Христѣ“. Вотъ вы и поймите. Какихъ только бѣдъ и обстояній ни встрѣчалъ святой Павелъ на своемъ апостольскомъ пути. Сколько гнусностей людскихъ зрѣлъ, но, указуя на грѣхи, и самъ не отчаивался и другихъ не отчаивалъ, а только твердилъ: „молитесь, кайтесь, плачьте и все исправитъ благодать Господня и всѣхъ приближающихся къ Господу приблизитъ. И вдругъ изъ всѣхъ его посланій въ одномъ только въ этомъ указуемомъ мной мѣстѣ прорекъ: „боюсь“. Значитъ, и ему, батюшкѣ, нашлось что-то страшное, а что? Мысль страшная пришла: боится, чтобы умами не повредились отъ уклоненія, отъ простоты во Христѣ. И Еву прародительницу искушенную онъ тутъ помянулъ не всуе. Всѣ то эти его слова если взять, такъ явственно видно, что уклоненіе отъ Христовой простоты одно и то же, что первый грѣхъ прародительскій. Стало-быть, кто отъ простоты во Христѣ, отъ дѣтской любви и довѣрчивости къ Нему уклонится, тотъ все равно какъ бы сотворитъ грѣхопаденіе горшее, чѣмъ Адамъ и Ева сотворили, такъ что у апостола не нашлось для такихъ новыхъ падшихъ предъ Богомъ ни слова совѣта, ни слова утѣшенія, а только содрогнулось его святое сердце отъ боязни за такихъ. Вотъ она, стало-быть, главнѣйшая, великая заповѣдь второго завѣта: „не уклоняйся отъ простоты

во Христѣ“, а забудешь, уклонишься, и тогда даже апостольское сердце за тебя только испугается!.. А развѣ эта заповѣдь не забыта!? Да отчего жъ, какъ не отъ забвенія, ея весь міръ разбился на множество понятій простого, яснаго, вѣрнаго во всѣхъ іотахъ ученія Христова!? Одни стараются избавить человѣка отъ вѣры. Другіе внушаютъ, что надежда на мздовозданіе напрасна. А третьи и любовь къ меньшей братіи своей и ко всему живому, безъ которой и звѣри межъ равныхъ себѣ не обходятся, объявляютъ вредоносной для практики людей и царствъ!.. Боже! До чего и въ малѣ и въ мнозѣ мы забыли заповѣдь Твою о простотѣ во Христѣ!? Прародитель нашъ осудилъ благость Твоего промысла, егда рече: „жена, которую Ты мнѣ далъ, соблазнила меня“... А мы оскорбляемъ Тебя невѣріемъ, тщимся превзойти Тебя въ разсужденіи вещей земныхъ и небесныхъ! Отвергаемъ добродѣтели, данныя Духомъ Твоимъ Святымъ на украшеніе и усладу душъ нашихъ, да не уподобимся псамъ и свиньямъ и порожденію ехиднину... Отвергаемъ эти добродѣтели по безумію своему, какъ будто только въ сихъ трехъ — вѣрѣ, надеждѣ, любви, единыхъ въ духѣ, яко же и Ты Единъ въ Тріипостаси, — обрѣли мы помѣху себѣ быть лучшими на землѣ, паче скотовъ, безгрѣшныхъ предъ Тобою!.. Боже!.. Боже!..

И съ этими словами о. Ѳеодоръ опустился пылавшимъ лицомъ на пригоршни своихъ большихъ мозолистыхъ рукъ.

Мнѣ было и горько и стыдно за себя, за недавнія мысли свои объ его неучености, и чувствовалось вмѣстѣ съ тѣмъ, что жгучія слезы подступили къ горлу, къ сердцу, къ мозгамъ, не находя исхода: точно одна душа только во мнѣ разразилась внутреннимъ плачемъ.

Аѳанасій Григорьевичъ сидѣлъ, отклонившись на спинку кресла, и только учащенно покашливалъ.

— Вотъ слышали,—обратился онъ ко мнѣ,—а вѣдь только что передъ этимъ вы пробовали доказать, что

нищіе, бѣдствующіе напрасно получили отъ Христа имя меньшихъ его братій.

— И вамъ понадобилось это доказывать?—воскликнулъ о. Ѳеодоръ.—Кого же у кого вы отнимали: Христа у нищихъ или нищихъ у Христа и для чего? Боязнь беретъ, что міръ эта семья растащитъ?! Или досадуете, что Господь, не спрося міръ, распорядился дать этимъ ничтожнымъ міра великое имя братьевъ Своихъ къ изумленію знатныхъ и богатыхъ?! Бодрствуйте, помыслите въ себѣ: развѣ былъ Онъ въ мірѣ не въ средѣ Своего достоянія? Развѣ не на паденіе и на возстаніе многихъ сшелъ Онъ на землю?! Онъ миръ и успокоеніе принесъ труждающимся и обремененнымъ, но Онъ принесъ и мечъ, да раздѣлится добро со зломъ и правда съ полуправдой! Онъ указалъ только двѣ дороги: или къ Богу или куда сами желаете, но запретилъ служить двумъ господамъ... Если къ Богу грядете, если за добро и правду стоите то чего же вы испугались меньшихъ братій Христовыхъ? Если же по самочинной дорогѣ идете и вѣрите въ потребу зла и полуправды для благостоянія міра сего, то я съ вами бесѣдовать не берусь! Простите, — не успѣлъ я до сихъ поръ позапастись бубенцами для такой бесѣды... Моя душа не пріукрашена новыми мудростями, не вкусила философіи нѣготворной... Да, по правдѣ сказать, послѣ нагорной проповѣди было бы срамно слушать еврейскія правила возставшаго на ны предтечи антихристова... Вѣдь онъ, этотъ г. Толстовъ, при всей своей самочинной премудрости не оправдится отъ многаго, что приложимо къ нему изъ обличительнаго слова Христа на фарисеевъ... Не изумляйтесь: я многое знаю, я прислушивался къ гласу этого пакостника плоти, когда волочился по бѣлу-свѣту... Въ расколѣ былъ я, взыскуя жемчугъ вѣры истинной. А въ расколѣ, зиждемомъ на песцѣ, многія шатанія. Тамъ всѣ стоятъ спиною къ свѣту, взыскуя свѣтъ, и поэтому всѣ, какъ на сласть, бросаются на каждый слухъ объ истинѣ вѣры. Бросался

и я на ученія г. Толстова. Читалъ его пятое евангеліе, когда былъ въ Австріи, въ Бѣлой Криницѣ, но увидѣлъ только одно, что г. Толстовъ зачѣмъ-то силится поплотнѣй затворить дверь въ царство небесное. Онъ обходитъ своими ученіями море и сушу, дѣлая изъ своихъ учениковъ дѣтей чесны, худшихъ, чѣмъ онъ самъ. Онъ вождь слѣпой, оцѣживающій комара, но поглощаетъ въ ученіи Христовомъ все благодатное, все, что не отъ міра сего, а себя превозноситъ одеждами простыми, съ жиру, конечно, а не по нуждѣ... Попалъ было и азъ, грѣшный, въ желобъ сего лжеученія и покатился по нему, да, слава Богу, скоро выбрался! Спасъ меня, дай Богъ царство небесное, покойный о. Савватій. Онъ архіереемъ былъ австрійскаго толка. Хитрецъ первостатейный, но искренность была въ его душѣ. Вотъ я изъ субботниковъ-то да прямо къ нему:

— Помилосердуй, вопію, владыко! Взыскую вѣры правой, мятусь обременепной душою моей. Жаждалъ подъяти крестъ Христовъ, какъ велѣно, да невмочь...

— А ты зачѣмъ же, свѣтъ, поднималъ крестъ Христовъ?—спросилъ Савватій.—Заблуждаешься, не зная писаній. Сказано: „возьми крестъ свой“... понимаешь ли?—„свой“ сирѣчь: тотъ самый, который у тебя въ видѣ жизни и судьбы твоей имѣется! А ты—экъ хватилъ!—Христовъ крестъ! Нешто тебѣ его поднять!? Весь міръ не подниметъ его!.. А дальше, что съ тобой было?

— Содружился я съ однимъ приказчикомъ, побывалъ за границей, читалъ притчи г. Толстова.

— Это не притчи, а екклезіастъ барскій, замѣшанный, на кофейной гущѣ въ непромытой отъ деревяннаго масла посудинѣ,—сказалъ о. Савватій.—Ну, и какъ на тебя подѣйствовало?

— Да увидѣлъ, говорю, что заповѣди у него есть, а Христа нѣту...

— Вѣстимо такъ!—подтвердилъ о. Савватій.—Дальше что?

— Былъ субботникомъ, говорю, и тамъ безъ Христа и безъ будущей жизни пытаютъ спасаться, такъ что не вынесъ... не могу...

— Вишь какъ ты разными вѣрами, говоритъ, попортился. Ты бы ужъ заодно-кстати къ туркамъ бы преклонился. А чего тебѣ надобно, ты себя спрашивалъ?

— Вѣры правой надо, житія благочестнаго, вопію ему.

— Никто, сыне, свою вѣру лѣвой не считаетъ. У всѣхъ она правая, пока въ самомъ человѣкѣ живетъ, а не у сосѣда.

— Ты, владыко, вотъ же мѣнялъ вѣры, говорю, да все-таки нашелъ и остаешься въ санѣ австрійскаго священства.

— Кабы не корысть да не удача дались, такъ, можетъ, и тутъ не задержался бы,—проговорилъ о. Савватій.

Отъ этихъ его словъ я къ нему бросился, а говорили мы одинъ на одинъ.

— Отче, вопію, молю тя: помяни глаголъ твой...

— Для глухихъ двѣ обѣдни не служатъ,—отвѣтилъ онъ,—невзначайное слово во грѣхъ не поставь, рабъ Божій. Что сказалось, такъ тому, видно, быть надо... Вотъ тебѣ на дорогу двѣ красненькихъ и заклинаю тя: гряди вонъ изъ Москвы симъ же днемъ. Ищи вѣру, гдѣ знаешь, только блюдись отъ кваса фарисейска, а паче отъ уголовности. Волочись, куда Богъ волочетъ...

И поволокся я съ тѣхъ поръ и доволокся вотъ до села Лузина, до сана законнаго іерейскаго. Перебродило во мнѣ все старое, бывалое, какъ кусокъ въ брюхѣ. И славословлю я Бога за крестъ свой и радуюсь всему, всему. У меня вчера, въ день Казанской Богородицы, радость сотворилась. Въ первый разъ за все время служенія узрѣлъ я храмъ свой, преисполненный молящимися. Жатва Божія созрѣла. Очень меня благодарили мои пасомые за науку дѣтямъ. Пришелъ домой изъ церкви, а тутъ у меня подарки разные: кто муки, кто крупы, кто яичекъ прислалъ,—все отъ нихъ же, отъ христолюби-

выхъ богомольцевъ моихъ, отъ чадушекъ духовныхъ... Даже корова на дворѣ нашлась стельная... Спрошалъ-спрошалъ да такъ и не добрался: никто не знаетъ и слыхомъ не слыхалъ, откуда корова взялась,—закончилъ рѣчь свою о. Ѳеодоръ, поглядѣвъ пристально на Аѳанасія Григорьевича.

— А чего вамъ, о. Ѳеодоръ, добираться-то объ этой коровѣ?— спросилъ Аѳанасій Григорьевичъ. — Видно, святой Власій подалъ. Ему и молитесь...

— Именно! именно! Молебное пѣніе сотворю ему!— сказалъ о. Ѳеодоръ.

— А церковь у васъ, о. Ѳеодоръ, благоустроена?— спросилъ я.

— Устроена такъ, какъ во дни нашего пермскаго апостола святителя Стефана строили: что можно было сдѣлать однимъ топоромъ, безъ пилы, безъ долота, то все сдѣлано по силѣ возможности,— объяснилъ о. Ѳеодоръ. Надо бы новую, да гдѣ состоянія взять?! Слава Богу, что и эта-то есть. А все-таки чаю, что доброму желанію Богъ—мощникъ,— промолвилъ онъ, помолчавъ.—Буду скорбѣть передъ Богомъ въ чаяніи возсозданія новаго храма. Теперь я не одинъ... А у васъ, Аѳанасій Григорьевичъ, за чѣмъ дѣло стало съ церковью?

— Церковь я ужъ не увижу,— отвѣтилъ Аѳанасій Григорьевичъ.—А вотъ часовня у насъ, слава Богу, есть. Привелъ мнѣ Богъ поставить ее, да и то сколько хлопотъ было съ выправкой бумагъ. Спасибо, миссіонеръ о. Стефанъ Луканинъ подсобилъ превозмочь волны чернильныя въ высяхъ консисторскихъ...

— Да, это, дѣйствительно, дѣло нелегкое!—замѣтилъ о. Ѳеодоръ и вздохнулъ.

— Вѣрно вы говорите,—добавилъ въ свою очередь я,— много ужъ очень у васъ волокиты въ духовномъ мірѣ...

— Волокита-то еще бы не бѣда... А то, иное дѣло, и волочиться-то не волочится, а либо лежитъ, либо слѣдствіемъ грозитъ... Теперь съ этимъ владыкой полегчало,

а раньше, во дни епископа Петра, бѣда была!.. — пояснилъ о. Ѳеодоръ.

— Да и то сказать,—началъ онъ въ раздумьѣ,—вѣдь сказано Христомъ: „Мое царство не отъ міра сего“... Значитъ, что жъ толковать: міръ не мірское дѣло не любитъ.

— А все забываю васъ спросить, о. Ѳеодоръ: вы вѣдь по дѣлу пожаловали ко мнѣ? — спросилъ Аѳанасій Григорьевичъ.

— Нѣтъ, такъ... видите: день вчера радостный былъ, такъ что сердцу съ непривычки томительно стало, вотъ я и пришелъ къ вамъ высказаться. У меня характеръ такой: не выскажу, такъ выболитъ... Опять же радостью да если ни съ кѣмъ не подѣлиться, такъ это все равно, что въ одиночку разговѣться въ Пасху... Вотъ говорятъ, что на міру и смерть красна... А вѣдь радость - то еще краснѣй... Вотъ я и пришелъ къ вамъ, Аѳанасій Григорьевичъ, по привычкѣ духовной...

— Спасибо, спасибо вамъ, о. Ѳеодоръ! Вотъ мы сейчасъ пообѣдаемъ, почитаемъ газетокъ, а потомъ я васъ и отправлю на своей англичанкѣ. Будетъ у ней сынокъ или дочка, такъ вамъ подарю, чтобы и у васъ завелась конюшня. Дѣти у васъ малыя, хозяйство прибываетъ. Все у васъ растетъ. Будетъ и стадечко расти. Дай Богъ, чтобы и слава ваша росла! Хорошо такъ-то: вы въ гору, а я подъ гору.

— Вѣрю я, вѣрю, Аѳанасій Григорьевичъ, что Церковь въ долгу не останется, — сказалъ о. Ѳеодоръ.—Только зачѣмъ же это вы подъ гору собираетесь... Жили-жили, яко древо насажденное при исходищахъ водныхъ: и питали и укрывали многихъ...

— А теперь пора... Мнѣ 60 лѣтъ... Надо совѣсть знать и уступить другимъ свое мѣсто... А вы меня поминайте, о. Ѳеодоръ.

Мы съ о. Ѳеодоромъ переглянулись и только вздохнули.

Черезъ полгода Аѳанасія Григорьевича не стало.

Особнякомъ.

(Страничка изъ недавняго прошлаго.)

— Батюшка! Отецъ Иванъ! Смѣю ли васъ обезпокоить?

— Што тамъ еще? Мнѣ некогда. Вечеръ на дворѣ. Послѣ, послѣ. А што у тебя еще? Треба какая?

— Нѣтъ, батюшка. Я хотѣлъ вамъ... довести до вашего свѣдѣнія одну мою затѣю... Изволите посмотрѣть.

— Што, што такое? Да што ходить-то?! И такъ уморился. Неси къ тарантасу, коли што съѣстное хочешь показать.

— Въ садикѣ, батюшка, въ садикѣ. Ужъ будьте милостивы. Соблаговолите вылѣзти съ тарантасика. Недалече, батюшка, садикъ-то. Потому вы отъ консисторіи поставлены, значитъ, власть дана, а ужъ коли мои труды повидаете, мнѣ на сердцѣ полегчаетъ.

— О чемъ же это ты? Тутъ што-то не тово... Эхъ, грѣхи мои тяжкіе. Говорилъ Ѳеничкѣ, што, молъ, рясу похуже надо было надѣть. Всю отвозилъ. Тутъ еще куда-то въ садикъ... За пятакъ-то вездѣ выводитъ... Ну-ко, псалма, помоги-ко мнѣ вылѣзти. Што тамъ за мужицкія затѣи...

Дѣло происходило въ одномъ изъ наиболѣе глухихъ приходовъ соликамскаго инородческаго края, въ деревнѣ К—вой, на пятый день Пасхи. Мѣстный священникъ отецъ Иванъ тучный, лѣтъ подъ сорокъ, смуглый, съ быстро перебѣгающими мышиными глазами, въ выцвѣт-

шей камлотовой рясѣ, подпоясанной на животѣ кушакомъ, производилъ на свѣжаго человѣка впечатлѣніе типичнаго сельскаго попа. Изъ-подъ рясы на четверть выставлялся засаленный подрясникъ. На груди—дорожная дароносица въ продырявленномъ и грязномъ чехлѣ...

О. Иванъ закряхтѣлъ, слѣзъ съ тарантаса и, пошатываясь и высоко размахивая широкими рукавами, пошелъ вслѣдъ за мужикомъ.

Мужикъ былъ уже у калитки незатѣйливаго маленькаго садика и отмыкалъ заржавѣвшій замокъ. Садикъ этотъ—просто несрубленная рощица молодняка-березняка. Правда, кое-гдѣ по угламъ симметрично, съ видимымъ стараньемъ, было насажено нѣсколько кустарниковыхъ растеній.

Мужика звали Ѳома Лѣсниковъ. Лѣтъ десять тому назадъ отбывалъ онъ военную службу, но сполна не служилъ, такъ какъ на переосвидѣтельствованіи здоровья былъ признанъ военной комиссіей негоднымъ къ службѣ и былъ отправленъ домой. Пробылъ всего годъ. Однако этотъ годъ породилъ въ его темной душѣ совершенно новые запросы. Новизна впечатлѣній, введенная въ извѣстныя рамки жизнь, обмѣнъ мыслей, разсказы, сопоставленія и повѣствованія товарищей изъ своего прошлаго, обученіе грамотѣ, учитель, „дядька“ изъ старообрядцевъ, вливши въ его умственный кругозоръ совершенно новый притокъ идей, наконецъ, навыкъ говорить по-русски—все это постепенно и незамѣтно переродило пермяка-инородца Ѳому въ чисто русскаго человѣка; онъ сталъ неузнаваемъ. Изъ всего, что оставило слѣдъ на укладѣ его обновлявшейся души, преимущественно выдѣлялась религіозность настроенія. Благодаря ей, онъ не скучалъ по родинѣ, даже, напротивъ, вспоминая, какъ живутъ его однодеревенцы и вообще всѣ соликамскіе пермяки, мучился въ душѣ сознаніемъ полуязыческаго тупого прозябанія, безпросвѣтной тьмы пермяцкихъ понятій и грязи, глубоко пронизывающей и души и жилища. Ѳома все

время какъ-то недомогалъ и иногда лежалъ въ полковомъ лазаретѣ. Здѣсь онъ, чувствуя теплый привѣтливый уходъ врачей и фельдшеровъ, невольно вспоминалъ пермяцкихъ „черъ-эшвановъ“ и „говоруновъ“. И снова душевныя терзанія за своихъ сородичей...

— Ну, скоро ли, наконецъ, отперешь свой „садъ“? Што ты, въ самомъ дѣлѣ, смѣешься, што ли? Али, думаешь, дѣла у меня безъ тебя мало? — сердито процѣдилъ о. Иванъ.

— Виноватъ, батюшка. Заржавѣлъ маненько... Вотъ отошло, слава Богу. Пожалуйте.

— Да што тамъ „пожалуйте“! Тутъ не до „пожалуйте“! Время дорого! Вечерня у меня еще впереди! Понялъ?!. Ну, куда поведешь? Скорѣе, што ли!.. А, штопъ тебя!..

Ѳома забѣжалъ опять впередъ, юркнулъ въ сторону отъ тропинки къ какому-то еле-еле возвышавшемуся холмику съ деревяннымъ крестикомъ, зачѣмъ-то присѣлъ съ противоположной стороны его и съ чѣмъ-то возился.

— Сюда, отецъ Иванъ, пожалуйте!

— А штопъ тебя!.. Чево тутъ?! Што за заколдованное мѣсто?! Куда эта дверь? Кумышку тамъ варишь али картошку тутъ тово... зимняя кладуха?!

— Никакъ нѣтъ, батюшка. Тутъ святыня моя.

— Што-о-о-о?—зычно протянулъ о. Иванъ, сморщившись, вытянувъ шею и какъ-то съ боку вглядываясь въ лицо Ѳомы.

— Святыня, батюшка, святыня. До церкви, значитъ, далече, такъ я вотъ тутъ особнякомъ... устроилъ себѣ въ родѣ моленной. Отецъ Иванъ, соблаговолите заглянуть!

Въ эту дверь можно было войти, лишь согнувшись вдвое. Взору представилась миніатюрная землянка, полъ былъ застланъ досками; въ углу тускло блестѣлъ мѣдный крестъ, вокругъ его—иконы и въ центрѣ—лампада.

— Вотъ, батюшка. Потому дома — баба. Страсть не любитъ, коли ежели я помолиться захочу. То,—гритъ,—спать не даешь — болмочешь; то деньги изводишь на масло; то подъ ногами мѣшаешься, стряпать не даешь; ничего, дескать, не робишь, только лобъ бьешь объ полъ". Да опять же, о. Иванъ, и деревенцы, когда застанутъ на молитвѣ, только помѣха одна да смѣхи разные корчатъ, сумасшедшимъ ужъ у нихъ слыву. „Браги,—гритъ,—не пьетъ, табаку,—гритъ,—не куритъ, а водки,—гритъ,—и видѣть не хочетъ, все,—гритъ,—діавольскимъ навожденіемъ прозываетъ; чай, дескать, съ самоваромъ выдумалъ". А зато, што Ерему Нечаева, эфто, значитъ, знахаря здѣшнова, обличалъ времёмъ, то всѣ меня чуть полѣньями не приколотили. „Въ тебѣ,—гритъ,—нечистой сидитъ, бей ёво!.. Вотъ оно дѣло-то какое, отецъ Иванъ... Окромя того, дѣтишки... станешь этакъ на колѣни предъ образомъ, а тутъ и бѣгутъ, инда и ночью, то молитвенникъ изъ рукъ рвутъ, то за бороду хватаютъ, все это мать ихъ наускиваетъ... Што тутъ, думаю, дѣлать, коли ежели Господь наказалъ меня въ семейной жизни... У моей Аксены, это жены-то, дѣдушко знахарь, эвона въ той деревнѣ, за рѣчкой. Ну, она, значитъ, сильно вѣритъ ему и часто ходитъ, иногда надолго и съ дѣтями. Ну, какъ я сломлю Аксенову безбожную натуру?! Сами знаете, батюшка, девятой годъ причастья не принимаетъ. Наказанъ я Господомъ... Если правду на свѣтѣ ломить—пропадешь; если ничего не говорить, тоже сгинешь, коли ежели въ такихъ вотъ дѣлахъ живешь. Вотъ я и пропадаю, што молчу. Потому слова мои—што голосъ въ пустынѣ... А про семью думаю: Богъ ей правитъ... Думалъ, думалъ, да и вырылъ вотъ трудами земляночку. Вотъ и молюсь здѣсь... особнякомъ. Никому я не мѣшаю и на душѣ услада...

За все время длинной рѣчи Ѳомы о. Иванъ только щурилъ свои мышиные глаза, какъ-то робко озирался кругомъ, чувствовалъ себя, видимо, неловко, вообще былъ

ошеломленъ картиной. Онъ не столько прислушивался къ рѣчи Ѳомы, сколько разглядывалъ черты лица его; щупалъ руками иконы, песчаныя стѣны и потолокъ. Когда Ѳома замолкъ, о. Иванъ спросилъ его со строгостью власть имущаго:

— А кто тебѣ позволилъ это? Почему ты не говорилъ мнѣ объ этомъ? Вѣдь я долженъ донести по начальству объ этомъ, а начальство съѣстъ меня за твои „затѣи“! Понимаешь ты, чѣмъ дѣло пахнетъ?—Судомъ пахнетъ! Вѣдь такъ дѣлаютъ секты эти самыя. Значитъ, и ты къ сектамъ принадлежишь. Ходишь къ намъ въ церковь, видно, только обманываешь насъ. Зачѣмъ у тебя таринной мѣдной крестъ? Ты раскольникъ? Стой, братъ! Я те припечатаю! Какое распутство пошло по приходу! И моленная своя, и деревенцевъ оскорбляетъ, и съ бабой не уживается!..

Ѳома уныло смотрѣлъ на расходившагося о. Ивана и въ душѣ удивлялся его рѣчамъ. Не этого ожидалъ онъ!

— А што это доски у тебя такъ качаются? Не прибиты? Ну-ко сдерни одну.

— Сичасъ, отецъ Иванъ! Тамъ у меня другое глухое отдѣленіе моленной.

— Гдѣ тамъ? Подъ досками-то? Ну-ко, ну-ко!—съ нескрываемымъ волненіемъ проговорилъ о. Иванъ.

Ѳома сдернулъ пять досокъ, зажегъ восковую свѣчу и, перекрестясь, полѣзъ внизъ по убогой лѣстницѣ. Снизу пахнуло холодомъ и сыростью. Изъ мрака выступали стѣнки какъ бы узкаго коридора.

— Отецъ Иванъ! Соблаговолите и сюда!

— Псалма, ну-ко лѣзь; посмотришь, што тамъ у него а потомъ я.

Псаломщикъ быстро спустился и пошелъ за спиной Ѳомы въ глубь коридора. Затѣмъ коридоръ повернулъ направо. Наверху не было видно отблеска отъ свѣчи.

— Съ нами крестная сила! Тутъ што-то не тово... Надо будетъ отцу благочинному или отцу Кесарю... Да,

да. Лишеніе прихода, сана... и все прочее такое... Впрочемъ, архирейскій ключарь авось... — бормоталъ шопотомъ о. Иванъ, оставшись одинъ.

— А, штопъ васъ!.. Эй, псалма! Дѣ ты тутъ? Вокъ татче! Што тамъ возиться! Дѣло рѣшеное!

Появился огонекъ свѣчи.

— Ну-ко я слажу туда. Псалма, поддержи меня.

О. Иванъ спустился внизъ, и кое-какъ прошелъ по узкому коридорчику.

— А, штопъ васъ! Вотъ не было печали, завелась печаль; за пятакъ-то гдѣ только не побываешь!

О. Иванъ дошелъ только до заворота, а дальше не могъ: коридоръ былъ еще уже. На заворотѣ о. Иванъ разсмотрѣлъ, какъ гдѣ-то далеко, въ глуби, блестѣлъ другой мѣдный крестъ, выдѣлялись на фонѣ песчаной стѣны иконы и мерцала лампада.

— Неужели одинъ копалъ?— поворачиваясь назадъ, спросилъ о. Иванъ.

— Такъ точно, батюшка. Два года копалъ. Слава Богу, потрудился.

— Трудился-то трудился, только вотъ кабы...

О. Иванъ выбрался на свѣжій воздухъ и облегченно вздохнулъ.

— Ну, прощай, Ѳома. За послѣдствія не ручаюсь. Только говорю тебѣ, што мнѣ необходимо объ этомъ рапортъ и такъ далѣе; дѣло подсудное, уголовщиной пахнетъ... Ну, псалма, трогаемъ... Вечеренка еще впереди, да изъ-за рѣки обѣщалъ Кузьма вечеркомъ, насчетъ свадебки... А, штопъ васъ!.. Вотъ нелегкая носила!.. Гэ-э-эй, родимая, выноси!!! Ну-ко, псалма, кнутикъ тамъ... тово...

Ѳома, вполнѣ сознавая правоту своихъ дѣйствій, не боясь суда человѣческаго, не всегда праваго, совершенно спокойно и даже радушно проводилъ о. Ивана за ворота, а самъ воротился въ садикъ; насталъ часъ его обычнаго вечерняго молитвословія...

Свадебные обычаи у пермяковъ иньвенскаго края, Соликамскаго уѣзда.

Задумавъ женить сына, пермякъ больше всего заботится о томъ, чтобы взять въ домъ къ себѣ работницу, и сомнительное прошлое невѣсты до замужества не служитъ ей препятствіемъ къ выходу замужъ. Свадьбу устраиваютъ обязательно съ церемоніей сватовства, для чего засылаютъ въ домъ сватовъ, устраиваютъ такъ называемыя „смотрины“ невѣсты, на которыхъ присутствуетъ и женихъ, но невѣста старается все-таки не показываться жениху, а сама, между тѣмъ, разсматриваетъ его отлично изъ „нути“. Если дѣло сватовства сладится, тогда между родителями невѣсты и сватами происходитъ „рукобитіе“, каковое по обычаю сопровождается выпивкой. Сватаютъ въ большинствѣ, конечно, заранѣе намѣченную уже невѣсту или „нахваленую“. Бываетъ, что согласія невѣсты на выходъ замужъ и не спрашиваютъ, а выдаютъ и безъ ея согласія, но это нынче уже исключеніе, а прежде это было явленіемъ обычнымъ: подъ вліяніемъ зачатковъ просвѣщенія все же требуется теперь, чтобы было согласіе на выходъ замужъ и со стороны невѣсты. Бываютъ свадьбы и „убѣгомъ“, т.-е. невѣста сама, безъ соглашенія родителей, выходитъ замужъ за понравившагося ей жениха, за котораго почему-либо родители не желаютъ ее выдать. Она, сговорившись съ нимъ, въ назначенный день убѣгаетъ изъ дома родителей, отпросившись куда-либо въ гости, имущество же свое незамѣтно заранѣе спроваживаетъ къ

жениху или къ роднымъ. Вѣнчаніе происходитъ тайно отъ родителей невѣсты, но на другой день послѣ свадьбы молодые являются къ родителямъ невѣсты съ обильнымъ угощеньемъ, становятся на колѣни и испрашиваютъ у нихъ прощенья.

Въ большинствѣ случаевъ, конечно, родители, покуражившись, прощаютъ молодыхъ, и тогда уже бываетъ пиръ горой: вѣроятно, болѣе всего родителей невѣсты и прельщаетъ перспектива обильнаго угощенія. Весьма рѣдки случаи, когда бы родители невѣсты не прощали молодыхъ; тогда дочь для нихъ становится черной. Въ случаѣ прощенія молодыхъ благословляютъ тотчасъ же родители невѣсты, и у нихъ происходитъ пиръ: собираются обѣ семьи съ гостями вмѣстѣ и пируютъ нѣсколько дней подъ рядъ. На свадьбахъ происходитъ обычно гомерическое пьянство, выпивается водки, пива и браги по нѣскольку ведеръ и пропивается совершенно зря много денегъ; если гости не упиваются до положенія ризъ, то говорятъ, что на свадьбѣ „плохо пировали“, а это большой позоръ и для родителей ихъ, потому-то на свадьбахъ и тратится зачастую послѣднее, чтобы справить свадьбу „по-настоящему“. Если свадьба совершается „по сговору“, т.-е. по соглашенію, то передъ свадьбой къ невѣстѣ собираются подруги ея и шьютъ ей приданое, ткутъ пояски и опояски, „покромки“, „заплетки“, шьютъ жениху рубаху и штаны, мѣшки, подушки и проч. Устраивается незадолго до свадьбы особое торжество, называемое „просватаніемъ“, на которомъ родители жениха и невѣсты „бьютъ по рукамъ“, потомъ молятся Богу женихъ и невѣста, затѣмъ садятъ ихъ за столъ рядомъ, и начинается пиръ: дѣвушки поютъ пѣсни, играютъ хороводомъ и пляшутъ. Послѣ просватанія женихъ къ невѣстѣ уже не ходитъ до свадьбы, и никто со стороны его не ходитъ къ невѣстѣ. Послѣ просватанія невѣсту родственники зовутъ къ себѣ съ дѣвушками въ гости, стряпаютъ пельмени, пекутъ оладьи, блины и проч.,

угощаютъ вообще обильно. Поются также дѣвушками пѣсни свадебныя, пѣсни поются русскія „Лебедь и Соколъ“, „Какъ у нашихъ у воротъ стоялъ дѣвокъ хороводъ“. Особыхъ пермяцкихъ пѣсенъ нѣтъ. Невѣста на этихъ званыхъ обѣдахъ, усѣвшись за столъ, оплакиваетъ свое дѣвичье житье и, накрывшись чѣмъ-либо, раскачивается и, наклоняясь каждый разъ къ столу, обѣими руками, положивъ голову на нихъ, ударяетъ по столу и плачетъ съ причитаніемъ. Таковъ обычай, изстари заведенный. Жениха на этихъ обѣдахъ не бываетъ. Бываетъ еще ранѣе „просватанія“ такъ называемый „дѣвишникъ“, на которомъ участвуютъ дѣвушки — подруги невѣсты; поются пѣсни, устраиваются хороводы, пляски.

Случается, что намѣченная невѣста не соглашается выходить замужъ за сватающаго ее жениха, а ему во что бы то ни стало хочется непремѣнно ее взять, тогда прибѣгаютъ къ помощи колдуна, который старается „смилить“ или „присмѣшить“ жениха съ невѣстой, т.-е. чтобы они полюбили другъ друга: нашептываетъ слова въ особое „снадобье“ и, предварительно наплевавъ въ это „снадобье“, старается какъ-нибудь устроить такъ, чтобы невѣста выпила это сговоренное имъ „снадобье“; старается сѣсть на то мѣсто, съ котораго невѣста только что встала, на „теплое“ непремѣнно. Вообще колдунъ или „вѣжливецъ“, какъ его еще называютъ, играетъ видную первенствующую роль на свадьбахъ пермяковъ. Для „смиленія“ невѣсты съ женихомъ колдуномъ читается особая молитва, — безсмысленный наборъ словъ. Убѣждены, что „примиленная“ дѣвка непремѣнно станетъ скучать по женихѣ; „не находитъ-де она мѣста тогда“. На свадьбахъ у пермяковъ пьютъ не только мужики и бабы, но и дѣвки и дѣти даже — поголовно всѣ пьютъ.

Наканунѣ свадьбы для невѣсты топятъ баню, и она ходитъ въ баню съ дѣвушками мыться. Кто сердитъ на невѣсту, тотъ въ отместку ей, когда топится баня, колотитъ въ печкѣ головешки, высказывая этимъ ей по-

желаніе, чтобы и ея мужъ такъ же колотилъ ее потомъ. Родственниковъ каждая невѣста одариваетъ поясками, опоясками, платками, родителю жениха невѣста даритъ рубаху, если „достаточная“, а бѣдная—только опояску. Если подарки у невѣсты хороши, то и слава про нее идетъ хорошая. Въ церковь вѣнчаться ѣдутъ съ пивомъ, съ водкой и брагой и съ пирогомъ рыбнымъ, которымъ, по выходѣ изъ церкви, сейчасъ же и угощаются молодые; поѣзжане ѣдутъ въ церковь навеселѣ или и пьяные даже: во главѣ ѣдетъ „вѣжливецъ“ или колдунъ, расчищающій, такъ сказать, путь жениху и невѣстѣ. Въ церкви, конечно, не пьютъ, а пьютъ уже по выходѣ изъ церкви и обильно угощаются на улицѣ, у своихъ лошадей (лѣтомъ пріѣзжаютъ верхомъ). Послѣ вѣнчанія невѣсту уже наряжаютъ бабой, надѣваютъ на нее особый головной уборъ, называемый „шамшура“. Возвратившись изъ церкви, задаютъ пиръ во вся-тяжкая. Молодыхъ спать уводятъ въ „голбецъ“, т.-е. въ подполье, гдѣ, конечно, не тепло, а прохладно или даже порядкомъ холодно; сводитъ ихъ спать туда „вѣжливецъ“, а не сваха. Въ избѣ же пиръ идетъ до самаго поздняго времени, до утра. Горшковъ и корчагъ не ломаютъ, какъ это у русскихъ водится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; стараются, напротивъ, ничего не ломать, потому что это—признакъ не хорошій: жизнь молодыхъ будетъ несчастна. Во время пира „вѣжливецъ“ каждое кушанье предваряетъ молитвой: „Господи Іисусе Христе, помилуй насъ“, и затѣмъ приговариваетъ: „Матушка родимая! что есть жарено, пряжено, приноси-ка на столъ, а если не можешь принести,—у насъ дружки есть, черезъ грядку (это два деревянные бруса въ избѣ, устраиваемые около печки поперекъ избы къ печи, на которыхъ кладется лучина, полѣно для лучины и проч.) перескочатъ и сами принесутъ“.

У зажиточныхъ пермяковъ соблюдаются всѣ церемоніи, а у бѣдняковъ, наоборотъ, не всегда,—обходятся и безъ нихъ. Духовенство обязательно тоже одариваютъ: бога-

тые зерновымъ хлѣбомъ и водкой, приносятъ и печеный хлѣбъ и мясо. Впрочемъ, надо оговорится, что это дѣлалось раньше, въ прежнее время, теперь же постепенно этотъ обычай уже выводится. Если невѣста выходитъ беременною, то священнику приноситъ отецъ опояску-кушакъ. Дѣлается это, впрочемъ, уже въ исключительныхъ случаяхъ—въ послѣдней степени беременности, когда невѣсту изъ церкви везутъ прямо въ баню, гдѣ она и разрѣшается отъ бремени.

Глухіе уголки Пермской губерніи.

Въ Пермской губерніи есть еще довольно много глухихъ уголковъ, къ числу которыхъ, въ виду отдаленности отъ уѣзднаго города Соликамска — 200 в., рѣки Камы — 100 в. и г. Перми — 180 в., долженъ быть отнесенъ иньвенскій инородческій край, съ его примитивными путями сообщенія. Населеніе этого края, затерявшагося среди лѣсовъ и болотъ, самою природою поставлено въ невозможность сообщаться съ болѣе центральными мѣстностями и принуждено въ сношеніяхъ своихъ съ сосѣдями ограничиваться крайне тѣснымъ райономъ. Предоставленное самому себѣ, оно все еще хранитъ старые обычаи, пѣсни, преданія и легенды и различныя суевѣрія, а также и вещественные памятники старины. Всѣ сообщенія объ иньвенскихъ пермякахъ были лишь результатомъ случайнаго наблюденія, да и у многихъ ли хватитъ мужества прожить въ этомъ некультурномъ краѣ болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени. Между тѣмъ край этотъ чрезвычайно интересенъ для любознательнаго изслѣдователя - этнографа, а потому весьма важно собрать и записать драгоцѣнный этнографическій матеріалъ, накопленный въ пермяцкихъ глухихъ уголкахъ, пока онъ не утратился безслѣдно подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни. Условія же жизни мало-помалу измѣняются, жизнь идетъ впередъ, населеніе растетъ, недалеко прошла Сѣверная (Пермь—Котласская) желѣзная дорога, намѣчаются почтовыя станціи и поговариваютъ о телеграфѣ, а въ настоящее время производится

нивеллировка для проведенія земскаго почтоваго тракта, и, быть-можетъ, наша глушь скоро уже перестанетъ быть глушью.

На первый разъ мы помѣщаемъ описаніе одного изъ самыхъ глухихъ уголковъ пермяцкаго края, села Верхъ-Иньвенскаго. Село это находится при впаденіи рѣчки Вижайки въ рѣку Иньву, отъ уѣзднаго города въ 209 верстахъ. Расположено село на открытой возвышенной мѣстности, окруженной съ трехъ сторонъ рѣчкой Иньвою, по берегамъ которой сплошная масса лѣса. Въ селѣ находятся: ветхая деревянная православная церковь, построенная въ 1796 году, волостное правленіе, земское училище, земская почтовая станція, одна казенная винная, одна мануфактурная и двѣ торговыхъ мелочныхъ лавки. Годовые торжки въ селѣ бываютъ: 2 февраля, 23 апрѣля, 1 октября и 26 ноября. Здѣсь же находится мукомольная мельница, принадлежащая графу Строганову. Жители села—пермяки - инородцы, главное занятіе ихъ земледѣліе, подзаводскія работы въ Кувинскомъ заводѣ и заготовка лѣса для лѣсопромышленниковъ, сплавляющихъ его по р. Иньвѣ. По переписи князя Гагарина въ 1715 году Верхъ - Иньвенское село называлось Георгіевскимъ надъ Иньвою, тогда какъ въ переписи Цезарева, бывшей въ 1700 году, этого села еще не упоминалось; слѣдовательно, первая церковь въ селѣ сооружена между 1700 и 1715 годами.

За ветхостью первой церкви былъ построенъ новый храмъ, на что было дано разрѣшеніе вятскимъ епархіальнымъ начальствомъ. Грамота на построеніе новаго храма гласитъ:

Копія.

Божіею милостью

Смиренный Амвросій епископъ вятскій и велико-пермскій.

По благодати даруй власти всесвятого первоначальнаго духа даннѣй намъ отъ Самого великаго архіерея

господа Бога и Спаса нашего и иСуса Христа чрезъ святыя священныя его апостолы ійхъ намѣстнйкй йпреемники Слушали мы присланное въ вятскую Духовную консисторію сего 796 года августа 8-го дня изъ соликамскаго духовнаго правленія доношеніе коімъ прошено дозволенія построить въ семъ верхъ-иньвенскомъ въ мѣсто обветшавшей деревянной вновъ деревянную же на каменномъ-фундаментѣ въ проимѣнованіи срѣтенія господня, съ придѣломъ святаго великомученика Георгія церковъ, Благословили оную вновъ деревянную на каменномъ фундаментѣ или для лучшей прочности I Благолѣпія всю каменую церковъ въ проимѣнованіе сретенія господня Съ придѣломъ во имя Святого великомученика Георгія, для зимняго временіи заложена церковному чиноположенію навостокѣ и на построеніи убрать святынями иконамі ипрочимъ церковнымъ Благолѣпіемъ какъ святыя правила и церковные уставы повелѣваютъ, святый же престолъ уготовить по указу святѣйшаго правительствующаго Синода 1734-го года октября 13-го дня въ вышину аршина шести вершковъ исоденного въ длину аршина осьми вершковъ въ ширину аршина четырехъ вершковъ иногда та церковъ всемъ принадлежащимъ строеніемъ и украшеніемъ въ совершенство приведена будетъ тогда освѣщеніемъ, дана сія храмозданная грамота съ приложеніемъ нашей архіерейшей печати въ богоспасаемомъ градѣ вяткѣ при нашемъ архіерейшемъ домѣ 1796 года октября въ 6-й день. Подлинной храмозданной грамоты приложена печать красная на уской алой лентѣ. Съ подлиной свѣрялъ Іерей Григорій Зубковъ.

Достопримѣчательности мѣстнаго храма: сосудъ съ дискомъ семисотыхъ годовъ, рѣзная икона св. Николая и холщевая риза грубой работы.

Итакъ, село Верхъ-Иньвенское существовало въ XVIII вѣкѣ. Названіе свое носитъ по рѣкѣ Иньвѣ(„инь“—женщина и „ва“—вода), въ верховьяхъ которой она находится.

Это самое глухое село во всемъ краѣ. Вотъ фактъ, иллюстрирующій темноту населенія. Въ одной изъ деревень этого прихода намъ пришлось зайти въ избу инородца-христіанина. Въ переднемъ углу избы висѣла старая, засаленная „икона“, которая при ближайшемъ разсмотрѣніи оказалась извѣстной лубочной картиной, изображающей шута Балакирева. На вопросъ „Что это виситъ“? хозяинъ отвѣтилъ, что это „Егорій храбрый“. Оказалось, что пермякъ съ семьей уже нѣсколько лѣтъ молились на это изображеніе любимаго шута Петра Великаго. Картина эта сдана нами въ пермскій музей.

Населеніе Верхъ-Иньвенскаго прихода хранитъ въ памяти своей много суевѣрій, заговоровъ и пѣсенъ. Собранные со словъ обитателей этого захолустья образцы этихъ произведеній народнаго творчества приводимъ ниже.

Въ большомъ ходу у иньвенскихъ пермяковъ обычай „черъ-эшванить“.

„Черъ-эшванъ“ значитъ топоровѣшаніе, помощью котораго суевѣрные пермяки стараются узнать, какъ избавиться отъ той или другой болѣзни. Женщины, занимающіяся этимъ дѣломъ, называются знахарками—„черъ-эшваницами“. Гаданіе это происходитъ такимъ образомъ. Пермякъ беретъ чалпанъ (каравай) хлѣба, въ узелокъ щепотку хмелю съ небольшимъ кусочкомъ воску и отправляется къ знахаркѣ; онъ объясняетъ ей, самъ ли онъ боленъ, или родственникъ его, какая болѣзнь и гдѣ. Знахарка кладетъ хлѣбъ и узелокъ на божницу, и если посѣтитель издалека, тотчасъ же принимается за дѣло. Помолясь Богу, она беретъ съ божницы узелъ, вывязываетъ хлѣбъ и воскъ и кладетъ все это въ печь, на горячую загнѣту, а сама, съ топоромъ садится на лавку, повѣсивъ топоръ на гайтанъ или шнурокъ на перевѣсъ, какъ безменъ, а потомъ называетъ имена святыхъ и наблюдаетъ, при имени какого святого топоръ выйдетъ изъ равновѣсія. При колебаніи топора „черъ-эшваница“ кладетъ его на лавку подлѣ печи и,

посмотрѣвъ на хмель и воскъ, съ набожностью объявляетъ посѣтителю, какъ можетъ быть получено желаемое. Смотря по своей находчивости, она совѣтуетъ: 1) самому больному или его родственнику сходить въ церковь или часовню того святого, при имени котораго топоръ потерялъ равновѣсіе, гдѣ отслужить молебенъ за здоровье больного, или панихиду по умершемъ, или поставить тому святому свѣчку въ ростъ или въ часть роста больного, или въ одинъ въ два круга головы, или въ длину ноги, головы и проч., смотря по тому, весь ли человѣкъ боленъ, болитъ ли у него голова, руки, ноги и проч.; 2) не ходя въ церковь или часовню, позвать въ день указаннаго святого на обѣдъ всѣхъ своихъ родственниковъ для поминовенія усопшихъ.

Въ заключеніе знахарка говоритъ: „Святой (такой-то) нашелъ тебя“, т.-е. принялъ подъ свое покровительство, „только исполни, чего объявляетъ“. Наставленія знахарки большею частью исполняются немедленно; слова черъ-эшваницъ для пермяка священны. Намъ случалось наблюдать, что въ Кудымкорскую церковь приходятъ исполнять черъ-эшванные обѣты за сотни верстъ, напр., изъ Косинской волости, Чердынскаго уѣзда. Черъ-эшванныя свѣчи ставятся только въ престольные праздники. Эти свѣчи сейчасъ можно отличить отъ обыкновенныхъ, черъ-эшванныя свѣчи свиваются веревкой.

Изъ заговоровъ можемъ отмѣтить слѣдующіе:

На присуху.

Встану я, рабъ Божій (имярекъ), не перекрестясь, пойду не благословясь, не изъ дверей въ двери, не изъ воротъ въ ворота, не на южную, не на сѣверную, не на восточную сторону, не подъ свѣтелъ мѣсяцъ, не подъ частыя звѣзды, не подъ красное солнышко, не по торной дорогѣ, не полями и лугами, а дремучими лѣсами и выйду я во чистое поле, во этомъ полѣ есть крутая гора, на этой горѣ стоитъ проклятое дерево — горькая осина; пойду я

къ той крутой горѣ, къ проклятому дереву — горькой осинѣ, стану я на лѣвую ногу, повернусь-обернусь тридевять разъ, свистну по-молодецки, крикну по-богатырски: приходите ко мнѣ всѣ двѣнадцать вѣтровъ, всѣ двѣнадцать вихрей пускаю я, рабъ Божій (имярекъ), васъ всѣхъ двѣнадцать вѣтровъ, всѣ двѣнадцать вихрей, унесите вы вѣтры тоску-тоскушну, сухоту-сухотушну въ рабу Божію (имярекъ), прямо въ ея ретивое сердце, въ ея алую кровь, въ бѣлые зубы, алыя губы, румяныя щечки, русые волосы, въ ясныя очи, въ семьдесятъ семь жилъ, семьдесятъ семь суставовъ, семьдесятъ семь костей, чтобы она раба Божія (имярекъ) обо мнѣ, рабѣ Божіемъ (имярекъ), тосковала и горевала и за каждый часъ вспоминала, какъ бѣлая лебедка не можетъ жить безъ лебедя, клыкчетъ, такъ же бы и она, раба Божія (имярекъ), безъ меня, раба Божія (имярекъ), не могла жить ни одной недѣли, ни одного дня, ни единаго часу. Слова мои крѣпки и лѣпки, крѣпче камня и булата. Кровь моя на камень, а не на кирпичъ, ключъ — мой языкъ, слова мои на небѣ, замокъ — мой ротъ, замки въ морѣ; когда ключи съ неба выпадутъ, тогда замки выпадутъ тридевяти. Аминь.

На лѣсовню.

Стану я, рабъ Божій (имярекъ), перекрестясь, пойду, благословясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ темные лѣса, гдѣ водится всякій звѣрь и всякая птица, куница, лисица, бѣлка и норка, волки и рыси и бурые медвѣди, глухари и рябки. Помолюсь я, поклонюсь я святителю Николаю чудотворцу: Николай чудотворецъ, пошли на мою ловушку мерлушку, чтобъ мои ловушки никакой звѣрь не могъ обойти, ни мимо пройти, а шли бы прямо по той дорожкѣ, на которой моя ловушка. Св. Николай чудотворецъ, помолюсь я тебѣ: сохрани мои ловушки отъ всякаго недобраго человѣка, моей дорогой идущаго или мимо проходящаго. Ключъ — мой языкъ, замокъ — мой ротъ. Аминь.

На рыбную ловлю.

Стану я, рабъ Божій (имярекъ), перекрестясь, пойду, благословясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, на быструю рыбную рѣчку, стану я кидать свои ловушки и помолюсь-покорюсь св. апостоламъ Петру и Павлу: св. апостолы Петръ и Павелъ, помогите, пособите мнѣ, рабу Божію (имярекъ), сѣти закидать и рыбу всякую загонять, чтобы сѣти мои стояли, какъ тынъ желѣзный, тынъ булатный, чтобы рыбка ни одна черезъ не переплыть и перескочить и не обойти, а прямо бы шла въ мою ловушку. Слова мои крѣпки и лѣпки, крѣпче камня булата, также и моя ловушка крѣпка и лѣпка, ни одну рыбку не отпускаетъ. Ключи у апостола Петра, а замки у апостола Павла. Аминь.

Кровь заговаривать.

Святъ духъ, аминь. Ключи, замки на морѣ-океанѣ, на островѣ Буянѣ, на томъ островѣ есть камень, на томъ камнѣ сидитъ птица—красная дѣвица, шьетъ она расшиваетъ, кровавыя раны зашиваетъ. Я, рабъ Божій (имярекъ), кровь изъ раны выходить запрещаю, какъ небо и земля укрѣпляется, такъ же и кровь укрѣпись. Кровь на камень, а не на кирпичъ. Слова мои крѣпки и лѣпки, крѣпче камня булата. Аминь.

Отъ ноктя.

Стану я, рабъ Божій, въ храмѣ Божіемъ помолюсь и поклонюсь. Спасъ Спаситель, Николай чудотворецъ, Георгій Храбрый, Михайло архангелъ, семьдесятъ семь апостоловъ, помолюсь я вамъ, рабъ Божій, и покорюсь: заступитесь вы за скотинушку, помогите и пособите мнѣ поправить-исправить всѣ ея болѣзни: нокоть внутренній, нокоть верховой, нокоть поздревой, ушной, хвостовой, подкожный и брюшной. Семьдесятъ семь жилъ, семьде-

сятъ семь суставовъ, семьдесятъ семь костей, ты же, Михайло архангелъ, копіемъ своимъ выколи изъ скотинушки всѣ боли (плюнуть 3 раза), тридевяти. Аминь.

Отъ колдуна и злодѣевъ.

Стану я, рабъ Божій, перекрестясь, пойду, благословясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, на восточную сторону, въ чистое поле, въ этомъ ли чистомъ полѣ стоитъ гора, на той горѣ стоитъ церковъ Божія, зайду въ эту церковь Божію, въ этой церкви Божіей стоятъ три престола, на лѣвомъ престолѣ сидитъ Иванъ Креститель, на среднемъ престолѣ—Самъ Іисусъ Христосъ, на правомъ престолѣ—Святая Дѣва Марія, подойду я къ нимъ поближе, поклонюсь пониже: Спасъ Спаситель, Самъ Іисусъ Христосъ, Пресвятая Мать Божія Богородица, Иванъ Креститель, пособите мнѣ, рабу Божію (имярекъ), избавиться отъ всякаго врага и супостата, отъ нечистыя и непріятныя силы, отъ нечистаго духа, отъ колдуна и еретика, отъ одноглазаго, отъ черноглазаго, отъ косоглазаго, отъ хромого, отъ слѣпого, отъ дѣвки-чернавки, отъ однозубыхъ, отъ двоезубыхъ, отъ приходящаго, мимо идящаго. Семьдесятъ семь апостоловъ, семьдесятъ семь святыхъ, избавьте отъ всякихъ на меня злыхъ людей. Слова мои не на камень и кирпичъ, а слова мои крѣпки и лѣпки, крѣпче камня и булата. Ключъ во рту, замокъ на небѣ. Аминь.

Отъ суда.

Встану я, рабъ Божій (имярекъ), умоюсь, очищусь, перекрещусь, Богу помолюсь и пойду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, подъ красное солнышко, на восточную сторону, въ дремучій лѣсъ; во томъ лѣсу стоитъ часовня, въ этой часовнѣ стоятъ три гроба: во первомъ гробу Святая Дѣва Марія, во второмъ Самъ Господь Іисусъ Христосъ, во третьемъ-то св. Никола чудотворецъ; подойду я поближе, поклонюсь пониже, покорюсь и помолюсь: Пресвятая Мать Богородица, Спасъ

Спаситель, Никола чудотворецъ, помогите и пособите мнѣ, рабу Божію (имярекъ), избавьте меня отъ судей злыхъ и неправдивыхъ отговориться словами праведными и пособите и помогите отговориться отъ свидѣтелей неправедныхъ, чтобы не было на судѣ ни одного свидѣтеля, такъ же, какъ здѣсь, въ лѣсу, нѣтъ никого, кромѣ меня, также бы на меня, раба Божія (имярекъ), на судѣ не было никого свидѣтелей. Никола чудотворецъ, какъ ты неправедныхъ судей заговаривалъ, такъ же меня, раба Божія (имярекъ), заговори отъ неправедныхъ судей и неправедныхъ свидѣтелей. Какъ булатная иголка востра, такъ же бы мои слова крѣпки и лѣпки, не противъ вѣтра и вихря, а противъ судей неправедныхъ. Аминь. (Держитъ въ рукѣ на безымянномъ пальцѣ иглу остреемъ впередъ).

На излѣченіе человѣка.

Стану я, рабъ Божій (имярекъ), перекрестясь и благословясь, умоюсь, очищусь и къ Богу подступлюсь, помолюсь и покорюсь и попрошу Господа Бога: Спасъ Спаситель, Пресвятая Мати Божія Богородица, Никола многомилостивый, Егорій храбрый, Михайло архангелъ, мученикъ Пантелей, Алексѣй, человѣкъ Божій, св. Василій многомилостивый, семьдесятъ семь апостоловъ, семьдесятъ семь св. мучениковъ, сорокъ мучениковъ, помогите рабу Божію (больного имярекъ), пособите, прогоните отъ него всякія боли и порчи, злодѣями-лиходѣями напущенныя, выгоните всѣ боли и порчи изъ семидесяти семи жилъ, изъ семидесяти семи суставовъ и семидесяти семи костей, верховые и внутренніе, изъ сердца и изъ крови и изъ-подъ кожи бѣлыя, изъ очей ясныхъ и изъ каждаго мѣста, пусть рабъ этотъ больше не хвораетъ, не лежитъ, а станетъ на рѣзвыя ноги и будетъ ходить и работать. Я, рабъ (имярекъ), прошу у васъ, апостолы и мученики, объ этомъ рабѣ. Мои слова не на вѣтеръ и не на огонь, а на чисту воду, которую болѣзный изопьетъ втукъ да силу, во славу Божію. Аминь, тридевяти аминь.

Заговорить ружье у товарища на охотѣ.

Идемъ мы по темному лѣсу, два оружейника, бить и стрѣлять лѣсную кичу, тетерю да рябчику, помолюсь я, рабъ Божій (имярекъ), Николѣ чудотворцу, Семену праведному: пособите помогите мнѣ, Никола чудотворецъ и Семенъ праведный, чтобы мое оружіе кичу всякую било и ранило, была она близко ли, далеко ли, а у моего товарища-оружейника оружіе бы стрѣляло и въ кичу не попадало, пухъ да перья вышибало, а кичу не убивало. Аминь, тридевяти аминь, мои слова крѣпки и лѣпки, крѣпче камня булата, не на камень и не на кирпичъ, а на оружіе товарища. Ключъ во рту, а замокъ на небѣ у Николая и Семена.

Заговоръ отъ уроковъ ружья.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа пойду я, рабъ Божій (имярекъ), съ оружіемъ въ темные лѣса бить и стрѣлять звѣрей и кичъ лѣсныхъ, на водѣ кичъ водяныхъ — сѣрыхъ утичь, чтобы мое оружіе не портилось, помолюсь я, покорюсь: Спасъ Спаситель, Никола многомилостивый, св. апостолы Петръ и Павелъ, избавьте мое оружіе отъ уроковъ, отъ призоровъ, отъ одноглазаго, отъ косоглазаго, отъ черноглазаго, отъ лиходѣя, отъ дѣвки-чернавки, мимоходящаго, отъ проходящаго, отъ дорогу пересѣкающаго, чтобъ оружіе они не могли изурочить и испортить, слова мои не на вѣтры буйные, не на рѣки быстрыя, а на мое хорошее оружіе (плюнуть три раза). Аминь, тридевяти аминь, ключъ—мой языкъ, замокъ—мой ротъ.

Заговоръ коновала на жеребца.

Во имя отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Я, рабъ Божій (имярекъ), вычищусь, вымоюсь, стану передъ образами, покорюсь, помолюсь: св. апостолы Петръ и Павелъ, Самъ Господь Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, Пре-

святая Мати Божія Богородица, св. Флоры и Лавры, пособите, помогите мнѣ, рабу Божію (имярекъ), скотинушку лѣчить, вырѣзать плодныхъ яицъ, чтобы рѣзать не больно и не чутко, чтобы скотинушка не боялась, не пряталась, вырѣзать яицъ, чтобы скотинушка не слышала востраго булатнаго ножа; помолюсь я, попрошу, чтобы не было ни краски ни руды, не бѣжало и не потекло ни одной капельки и скоро бы заживало, какъ земля укрѣпляется, такъ и кровь укрѣпись, какъ небо укрѣпляется, такъ и руда укрѣпись (плюнетъ три раза). Аминь, тридевяти аминь. Помолюсь и покорюсь, св. апостолы Петръ и Павелъ, сохраните скотинушку отъ уроковъ, отъ призоровъ, отъ всякаго думшика, передумшика и отъ не добраго лиходѣя. Слова мои не на воду и огонь и не на буйные вѣтры, а на скотинушку. Слова мои крѣпки и лѣпки, ключи на небѣ у апостола Петра и замки у Павла.

Пѣсни пермяковъ самобытнаго ничего не представляютъ; большинство изъ нихъ лишь прибаутки, заимствованныя отъ русскихъ.

Вотъ болѣе употребительныя пѣсни:

Эдакой корошенькой,
Въ свѣтѣ вучше нѣтъ,
Не мивъ не милешенекъ,
Не мивъ бѣлый свѣтъ.
Куды съ горя дѣтися—
Пойду въ темный лѣсъ,
Сяду я подъ сосенку
Подъ кудрявую,
Происшу дороженьку—
Дороженьки нѣтъ:
Посмотрю подъ ноженьки—
Дорожка торна лежитъ;
По этой дороженькѣ
Корета бѣжитъ,

Во этой коретушкѣ
Мой мивой сидитъ.
Вздохнува тяжелешенько—
Ѣздокъ мой мивой не слыхалъ
Макнува пваточечкомъ—
Макъ мой мивой не видавъ;
Крикнува кромчешенько,
Крикъ мой мивый усвыкавъ.
Стовали, пировали,
Я въ курнякъ дрова рубивъ
Я пріѣкава домой,
Меня жавуютъ женой.
Окъ я не стану, я не буду
Во совѣтѣ съ женкой житъ,
Только стану, да только буду
Женкѣ смертоньку просить.
Не успѣвъ свово сказать—
Става женка помирать.
Свава Богу, свава Богу,
Свава Богу! я сказавъ.
Свава Богу я сказавъ,
За попомъ самъ побѣжавъ,
Къ краснымъ дѣвкамъ забѣжавъ.
Красны дѣвушки, красотки,
Померва, моя жена!
Свава Богу, свава Богу,
Померва моя жена!
Пропадай, моя телѣга,
Всѣ четыре колеса,
Соѣжай, моя женушка,
Мнѣ не жавко тебя.
Пособили дѣвки деньги промотать,
Не пособятъ мнѣ работу работать.
Помолитесь, дѣвки, Богу за меня
На другой-то не женили бы меня!

Гдѣ оконичи сирьены,
Тутъ и дѣвушки смирены *),
Гдѣ оконичи стекляны,
Тутъ и дѣвушки вѣтляны.
Гдѣ оконичи брюшинны,
Тутъ и дѣвушки крушинны.

Окъ конны-те воры —
Верхъ-инвичи
Желѣзняки мужики —
Тѣ трубинчи,
Грамаюны мужики —
Бармотовичи:
Самолюбы мужики —
Косогоричи;
Разбойнишны породы —
Галинчи;
Обношены вапти —
Ляпинчи;
Кисвы чувки —
Канамовичи;
Кожевники мужики —
Тѣ сининчи;
Довювязы мужики —
Тѣ гришинчи;
Потерей шабуры —
Ивановичи;
Скобки-те вовсы —
Подъяновчи;
Довчи вавти —
Лошновичи;
Подповозки сани —
Сидоршорчи;

---

*) Послѣ каждаго стиха припѣвъ „свавно-бравно!“

Товсты брюки —
Конинчи;
Широки бовы
Бурвовчи;
Часты говоры —
Степановичи;
Мавые росты
Мучаковичи;
Мѣновшики мужики —
Позагортчи;
Широки тѣ сани —
Мелюкинчи;
Широкія ворота —
Чубаровичи;
Люски ляски —
Поляковичи;
Чикъ да брикъ —
Агіевичи;
Микъ да квопъ —
Чекаваевчи;
Косые глазы —
Казарынчи:

Эта пѣсня во всеобщемъ употребленіи среди пермяцкаго населенія Соликамскаго уѣзда. Она поется на мотивъ „Мать Расея, мать Расея“.

Жестокіе нравы.

Изъ жизни деревенскихъ школъ.

Ваше высокоблагородіе! При обозѣ все обстоитъ благополучно! больныхъ два, Ванька третій, самому нездоровится.

Рапортъ стараго солдата.

По берегамъ многоводной рѣки Камы разбросано много деревень, и въ нихъ не мало школъ дешеваго типа. Наблюденіе за школами ввѣрено одному лицу, уроженцу закамскаго края. Будучи связанъ воспоминаніями дѣтства съ инородческимъ краемъ, онъ удѣляетъ особое вниманіе именно этимъ школамъ. Представьте себѣ человѣка съ типичнымъ лицомъ, худого, съ черными съ просѣдью волосами, и вы получите обликъ завѣдующаго школами. Говорятъ, что однокашники звали его „Малютою Скуратовымъ“, хотя и жалѣли его, что онъ кончилъ по списку вторымъ снизу. Товарищеская кличка дана была, очевидно, не зря. И теперь учителя деревенскихъ школъ боятся своего завѣдующаго, который рекомендуетъ называть его „господинъ инспекторъ“; хотя онъ и не обидится, если дѣти не могутъ выговорить слово инспекторъ и зовутъ его „господинъ приспектуръ“. Но зато онъ строгъ къ отвѣтамъ учащихся, задаетъ такіе вопросы, что не всякій и учитель отвѣтитъ. Спроситъ, бывало, „есть ли Богъ въ печкѣ?“ „Отчего святая вода не плѣснѣетъ?“ и т. п. Такихъ учительницъ, которыя особенно любятъ дѣтей и всею душою преданы не только

ихъ образованію, но и воспитанію, онъ приглашаетъ въ няньки къ своимъ дѣтямъ, обѣщая вмѣсто получаемыхъ учительницами 7 рублей восемь. Это издѣвательство надъ народными свѣточами страшно обижаетъ ихъ, такъ что нѣкоторыя учительницы (А. Щукина и др.) думали уйти въ другой уѣздъ. Говорятъ, что завѣдующему не разъ предлагали занять другое мѣсто, не относящееся къ наблюденію за школами, но онъ отказывается, очевидно, не имѣетъ намѣренія, хотя для упрощенія своихъ обязанностей имъ прикрыто (въ деревнѣ Пикановой и др.) нѣсколько школъ. Отказъ свой онъ мотивируетъ довольно лаконически: „хочу еще покататься по уѣзду“. Удивительная твердость духа, чтобы не сказать худого слова!

Изъ жизни сельскаго духовенства.

Еще у многихъ свѣжи въ памяти такіе факты. Въ селѣ Юсвѣ священникъ Василій Тимоѳеевичъ Лобовиковъ проживалъ въ собственномъ домѣ, противъ котораго имѣлъ квартиру земскій начальникъ, подпоручикъ В. С. Яновичъ. Въ одинъ изъ праздничныхъ дней отецъ Василій Лобовиковъ сидѣлъ у открытаго окна. Яновичу это не понравилось, и онъ крикнулъ батюшкѣ, чтобы онъ закрылъ окно и ушелъ. Отецъ Василій отвѣтилъ, „что онъ въ своемъ домѣ хозяинъ“. „Какъ! Грубить мнѣ!“ закричалъ Яновичъ. И, вытребовавъ двухъ полицейскихъ стражниковъ, велѣлъ увезти батюшку въ кутузку. Тотъ подчинился, но на пути въ волость былъ остановленъ словами Яновича: „Я тебя прощаю“. Униженный батюшка замѣтилъ ему, что онъ, господинъ земскій начальникъ, поступаетъ незаконно. „А, ты еще и здѣсь мнѣ грубить! Я завтра же тебя присужу за нарушеніе общественной тишины“. Дѣйствительно, на другой же день Яновичъ въ отсутствіе обвиняемаго присудилъ его къ трехмѣсячному аресту. Уѣздный съѣздъ отмѣнилъ незаконный приговоръ.

На волостномъ сходѣ въ селѣ Ошибѣ тотъ же земскій начальникъ В. Яновичъ просилъ увеличить жалованье мѣстному псаломщику П. А. Троицкому, мотивируя свою просьбу словами:

„Псаломщику Троицкому жалованье надо прибавить: онъ ходитъ къ дѣвкамъ. А дѣвки-то ваши же, значитъ, деньги вамъ же вернутся".

Изъ жизни именитыхъ людей.

Въ центральномъ селѣ закамскаго края недавно дѣйствовалъ окулистическій отрядъ и потрудился, надо сказать, на славу. Однѣхъ большихъ глазныхъ операцій имъ было сдѣлано до 150, больныхъ же перебывало въ амбулаторіи болѣе 3000 человѣкъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Но не обошлось-таки пребываніе здѣсь отряда безъ курьеза. Еще задолго до пріѣзда отряда происходило коллективное обсужденіе мѣстными именитыми жителями вопроса, какъ распредѣлятся у нихъ на квартирахъ гг. члены отряда. Всѣ считали за счастье имѣть у себя квартирантомъ профессора, принимая во вниманіе высоту его служебнаго положенія и проч., и лишь одинъ изъ совѣщавшихся особенно заинтересовался еще и возрастомъ желаннаго гостя; ему хотѣлось имѣть профессора и квартирантомъ, и въ то же время онъ боялся возможной молодости этого профессора. Однако опасеніе его не оправдалось: профессоръ оказался сѣдымъ человѣкомъ, и, послѣ долгихъ споровъ между собой, именитые обыватели уступили его домовладѣльцу, боявшемуся молодости.

По окончаніи дѣятельности отряда г. профессоръ уѣхалъ, не уплативъ домохозяину денегъ за пользованіе квартирой, хотя послѣдній про себя рѣшилъ получить съ квартиранта по 10 руб. въ мѣсяцъ. Тогда обиженный квартирохозяинъ въ первыхъ числахъ августа послалъ соликамской уѣздной управѣ заявленіе о томъ, чтобы ему возмѣстили понесенный убытокъ. И какова

же была радость этого домохозяина, когда онъ узналъ, что г. профессоръ на его имя послалъ въ земскую управу 40 руб. за квартиру, вмѣсто предположенныхъ 20 руб. Позднѣе это дѣло объяснилось: уѣзжая изъ с. Кудымкора, г. профессоръ хотѣлъ за „хлѣбосольство“ сдѣлать своему хозяину цѣнный подарокъ, полагая, что денежное вознагражденіе оскорбитъ богатаго домовладѣльца, но узнавъ уже въ Москвѣ, что бывшій его хозяинъ предпочитаетъ получить за квартиру деньги, деликатный профессоръ, конечно, поспѣшилъ выслать деньги соликамской земской управѣ, которая и передала ихъ г-ну Корыстолюбову подъ расписку.

Изъ жизни „начальства“.

Судился становой приставъ 3 стана Чердын. у. Тульчинскій за то, что, получивъ сообщеніе о найденномъ въ с. Юрлѣ дѣтскомъ черепѣ, не донесъ объ этомъ прокурорскому надзору, а подозрѣваемую въ дѣтоубійствѣ кр. Щеколову 19 дней продержалъ безъ всякаго постановленія подъ арестомъ въ надлежащемъ мѣстѣ — въ крестьянской избѣ, спеціально нанятой для этой цѣли, откуда она была освобождена лишь мѣстнымъ товарищемъ прокурора, узнавшимъ о такомъ незаконномъ лишеніи свободы. Вмѣстѣ съ Тульчинскимъ судился нижній полицейскій чинъ, который для отысканія матери убитаго младенца самолично освидѣтельствовалъ и „доилъ“ нѣсколько крестьянскихъ дѣвицъ с. Юрлы. Окружной судъ приговорилъ пристава къ четырехмѣсячному тюремному заключенію, а нижняго чина — къ отрѣшенію отъ должности.

Бывшій приставъ Литейной части г. С.-Петербурга, сост. исправникомъ Чердынскаго уѣзда, пріобрѣлъ (?) при посредствѣ станового пристава корову, для препровожденія которой были выписаны параконные земскіе билеты на 300 верстъ. Корова слѣдовала на земскихъ съ полицейскимъ десятникомъ и была благополучно доставлена Николаю Владиміровичу Миллеру.

Карикатура въ „Будильникѣ“ дала по этому поводу такую сцену: несется пара удалыхъ съ полицейскимъ на козлахъ, а корова стоитъ въ саняхъ, упираясь передними ногами на козлы... Встрѣчные мужики, низко кланяясь, даютъ дорогу...

Одинъ поборникъ просвѣщенія закамскихъ инородцевъ, заручившись согласіемъ на принятіе двухъ слѣпыхъ мальчиковъ - инородцевъ въ училище слѣпыхъ въ городѣ Перми, купилъ имъ необходимую обувь и одежду, хотѣлъ ихъ увезти и на пути завернулъ въ село Юсву, чтобы выправить метрическое свидѣтельство и билетъ изъ волостного правленія. Волостной писарь непреминулъ сообщить о семъ земскому начальнику Яновичу. Были поданы лошади. Родители слѣпыхъ дѣтей благословляли дѣтей иконою. Вдругъ вваливается нѣсколько полицейскихъ, съ писаремъ и старшиною во главѣ, и заявляютъ, что „господинъ земскій начальникъ Всеволодъ Меѳодіевичъ Яновичъ приказалъ составить протоколъ, по чьему де разрѣшенію мальчики отправляются учиться“. На замѣчанія, что ихъ отпускаютъ родители, которымъ слѣпыя дѣти въ тягость, писарь заявилъ, что они ничего не знаютъ и что они обязаны исполнить приказаніе господина земскаго начальника. Учитель Швецовъ, въ квартирѣ котораго происходила эта сцена, старался доказать, что отправка дѣтей въ училище слѣпыхъ — доброе дѣло, чѣмъ дѣтямъ быть въ тягость родителямъ ихъ и цѣлому обществу. Результаты протокола были таковы, что дѣти и донынѣ занимаются попрошайничествомъ и нерѣдко можно встрѣтить ихъ на улицѣ. „Дайте, ради Христа, слѣпенькимъ!“

Въ селѣ Березовкѣ волостной писарь, а затѣмъ онъ же членъ уѣздной земской управы, а затѣмъ губернской, желая дать себя знать мѣстному священнику Николаю, нанялъ мужика, чтобы онъ въ костюмѣ „праотца Адама“ въ праздничный день ходилъ кругомъ поповскаго дома. Безотвѣтный мужикъ блистательно исполнилъ приказаніе

волостного заправилы, за что и получилъ отъ него полуштофъ водки. А когда сельскій учитель написалъ объ этомъ въ газетѣ „Екатеринбургская Недѣля“, то писарь Ш-ковъ нанялъ того же мужика остричь гриву и хвостъ лошади дерзкаго корреспондента, когда послѣдній пріѣдетъ къ своему коллегѣ Н. В. Пл-ву.

Земскій начальникъ Александръ Ивановичъ Бронскій, страстный любитель лошадинаго спорта, разъ на пути повстрѣчалъ жену акцизнаго надзирателя г. Ромодину, ѣхавшую безъ кучера, сбилъ ее съ дороги и нанесъ оскорбленія. Оскорбленная нарочно ѣздила жаловаться губернатору Арсеньеву, но защиты не нашла.

Набрасывающій сіи строки также жаловался на дѣйствія земскихъ начальниковъ гг. Яновича и Бронскаго лично министру внутреннихъ дѣлъ Плеве. Благосклонно выслушавъ, г. Плеве посовѣтовалъ просителю перейти въ другое мѣсто, прибавивъ, что гг. земскіе начальники Яновичъ и Бронскій не могутъ подвергнуться взысканію. А какъ же судили извѣстнаго всей читающей Россіи земскаго начальника Протопопова? — возразилъ проситель. „Извините,—возразилъ г. Плеве,—это дѣло земскаго начальника было на Руси первымъ и послѣднимъ...“

Жестокіе у насъ, читатель мой, нравы!

Островскій, живописавшій картины купеческой дикости, не оставилъ намъ сценъ, столь грубыхъ, какъ созданныя современной дѣйствительностью.

„Ндраву нашему не препятствуй!“ сдѣлалось девизомъ не одного купечества, но и закорузлой, захолустной администраціи, которая „не можетъ подвергнуться взысканію“...

Волостные писаря мельче, чѣмъ земскіе начальники, но ихъ много; много, много этихъ дикарей на русскихъ окраинахъ, въ огрубѣвшей средѣ, ничего не признающей, кромѣ силы кулака.

Только судъ можетъ внушить подобнымъ „героямъ“ уваженіе къ личности, закону и человѣческимъ правамъ.

Такихъ дѣлъ нельзя оставлять въ потемкахъ...

Частная иниціатива въ дѣлѣ просвѣщенія закамскихъ инородцевъ.

Долгое время голодъ и любовь будутъ
единственными двигателями цивилизаціи.
Шиллеръ.

Въ закамскомъ краѣ въ умственномъ отношеніи замѣчается полный застой и очень низкая степень развитія какъ среди инородческаго, такъ и среди пришлаго населенія. Эти наблюденія нами получены благодаря тому, что большую половину жизни намъ пришлось прожить въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ современными подлиповцами. Мы не были владѣльцами недвижимой собственности, не отнимали у инородцевъ того, что для нихъ такъ дорого, т.-е. ни клочка земли, не бывали на сельскихъ сходахъ съ ходатайствомъ объ отдачѣ намъ винной лавки на продажу питій, не служили чиновникомъ, и поэтому наши отношенія были проникнуты взаимнымъ довѣріемъ. И теперь мы можемъ сказать, что знаемъ закамскихъ инородцевъ, знаемъ не только укладъ ихъ жизни, ихъ внѣшній бытъ, но и ихъ духовную физіономію, ихъ міросозерцаніе, ихъ думы, надежды, чаянія и мечты, знаемъ ихъ достоинства и недостатки и открыто говоримъ: закамскіе инородцы—не бездарный народъ.

Бездарный народъ не могъ бы сохранить свою національную независимость въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ инородцы находились въ крѣпостное право, когда на нихъ напирали и „приказчики“ и управляющіе мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Кѣмъ были построены безплатно мель-

ницы съ громадными плотинами, кто ходилъ за сотни верстъ на заводы, перенося всѣ невзгоды скитальческой жизни, какъ не рабы закрѣпощенія—инородцы? А развѣ теперь измѣнился взглядъ „приказчиковъ“-владѣльцевъ на инородцевъ, развѣ они не пользуются ихъ безпомощнымъ положеніемъ? Не думаемъ, если принять во вниманіе устройство домовъ лѣсной стражи, которая въ большинствѣ вербуется тоже изъ инородцевъ, какъ дешевой рабочей силы, и постройку, и ремонтъ заводскихъ зданій, и мельницъ въ неурожайные годы, когда имъ предлагалась, напр., въ заводѣ Палквинскомъ баснословно низкая плата и они, чтобы не умереть съ голоду, работали. А что представляютъ изъ себя лѣсные кордоны? Тогда какъ въ сосѣднемъ, Глазовскомъ уѣздѣ для казенныхъ лѣсныхъ сторожей построены теплые, свѣтлые и уютные домики, у частныхъ владѣльцевъ помѣщеніемъ для лѣсной стражи служатъ сырыя, плохо защищенныя отъ холода, съ желѣзной печкой, съ маленькимъ оконцемъ избы, и нѣтъ при такихъ лачугахъ ни сѣней, ни другихъ хозяйственныхъ построекъ. Трудъ оплачивается 9 — 10 рублями въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ. А развѣ лица, стоящія во главѣ завѣдыванія лѣсами, неся должности почетныхъ блюстителей училищъ и больницъ, что-нибудь сдѣлали крупнаго въ дѣлѣ развитія просвѣщенія среди инородческаго населенія? Мы, напр., не разъ просили почетнаго блюстителя кудымкорскаго 2-класснаго училища г. Кривощекова, человѣка не семейнаго и состоятельнаго, показать свое попеченіе объ училищѣ хотя бы окраскою половъ въ классныхъ комнатахъ, чтобы въ чемъ-нибудь, кромѣ ежегоднаго подписыванія свидѣтельствъ и похвальныхъ листовъ, онъ оправдывалъ носимое званіе. Но намъ и этого не удалось добиться.

Въ дѣлѣ просвѣщенія инородцу въ крѣпостное право вмѣсто хлѣба давали камень; дѣла на судѣ разбирались такъ, какъ нужно было „приказчикамъ“ владѣльцевъ. За послѣднее время судъ, находившійся въ рукахъ земскихъ

начальниковъ, пользовавшихся нерѣдко квартирою и сѣнокосными угодіями отъ помѣщиковъ, былъ пристрастенъ, несправедливъ; вмѣсто закона былъ поставленъ произволъ бюрократіи, и всякаго рода административныя мѣропріятія болѣзненно давали себя чувствовать не только инородцу, но и прочимъ жителямъ края. Земскій начальникъ Вс. Яновичъ задержалъ въ с. Юрьевѣ всю земскую почту, а сосѣдъ его, г. Ал. Ив. Бронскій, далъ предписаніе кудымкорскому земскому корреспонденту, г. Канаеву, совсѣмъ не выдавать корреспонденцію мѣстному благочинному. На замѣчаніе Яновичу, что законъ не предоставляетъ ему права по своему произволу задерживать почту, въ которой нерѣдко бываютъ и срочныя телеграммы, онъ съ ироніей отвѣчалъ: „Въ Россіи законы—дышло, куда повернетъ—туда и вышло“. Бронскій же прямо заявлялъ, „что на насъ, земскихъ начальниковъ, суда нѣтъ“. Подобный взглядъ г. Бронскій высказалъ по слѣдующему обстоятельству. Явившись въ кудымкорское 2-классное М. Н. П. училище, г. Бронскій шумно началъ производить, до прибытія экзаменаціонной комиссіи, испытанія учениковъ. Непривыкшіе къ такимъ пріемамъ ученики и ученицы страшно испугались. Прибывшая въ урочное время экзаменаціонная комиссія выразила порицаніе г. Бронскому, который заявилъ на это авторитетно: „Намъ Высочайшею властію предоставлено все“. О дѣйствіяхъ Бронскаго было донесено инспектору народныхъ училищъ г. Семченкову, который сдѣлалъ письменно строгій выговоръ завѣдующему училищемъ Попову, дозволившему Бронскому производить экзамены вопреки инструкціи 2-классныхъ училищъ, не дающей никакого права земскимъ начальникамъ надъ 2-классными училищами.

Вслѣдствіе такой постановки дѣла просвѣщенія инородцы не могли, конечно, до настоящаго времени вступить въ ряды свободныхъ гражданъ. Поддержки ожидать было не отъ кого. Земство (соликамское), гдѣ большинство

гласныхъ — представители крупныхъ землевладѣльцевъ, гр. Строганова, князей Абамелекъ—Лазарева, Голицына и друг. сравнительно мало заботятся о дальнѣйшемъ развитіи просвѣщенія среди закамскихъ инородцевъ, такъ что здѣсь за послѣднее время (28 лѣтъ) не открыто, несмотря на крайнюю нужду, ни одной земской школы. Насколько игнорируются насущныя нужды инородцевъ,— показываютъ слѣдующіе факты. Кудымкорскій волостной сходъ просилъ соликамскую земскую управу ассигновать средства для посылки почты разъ въ недѣлю въ ближайшее почтовое отдѣленіе въ селѣ Обвинскѣ (52 версты), но просьба схода не была уважена. Теперь за почтой посылается ямщикъ, нанятый на личныя средства обывателей инородцевъ села Кудымкора. Простое соображеніе говоритъ за то, что удобнѣе и дешевле возить часть почты за 52 версты, чѣмъ за 180 верстъ черезъ уѣздный городъ. Нѣкоторые предсѣдатели соликамской земской управы, какъ П. В. Калинъ (по назначенію) за 9-лѣтнее исправленіе должности предсѣдателя ни разу не потрудился заглянуть въ инородческій край. Большинство учителей, съ образованіемъ изъ городского училища, не имѣютъ возможности по скудости жалованья выписывать журналы, чтобы пополнять свои знанія, свыклись съ нравственной духотой и volens-nolens остаются въ этой тяжелой атмосферѣ.—Да и съ кѣмъ подѣлиться труженику народнаго просвѣщенія, съ кѣмъ перекинуться живымъ словомъ, когда даже самъ инспекторъ Вас. Конст. Семченковъ уже давнымъ-давно выслужившій пенсію и наблюдающій больше за своимъ домомъ въ г. Перми, чѣмъ за народными школами,—по два года не бываетъ въ нѣкоторыхъ инородческихъ школахъ. Знаютъ объ этомъ и директоръ школъ г. Раменскій и попечитель округа г. Заіончковскій, но — бюрократизмъ заѣлъ людей...

Если принять во вниманіе то обстоятельство, что по выходѣ изъ школы инородцы за неимѣніемъ книгъ не-

рѣдко позабываютъ грамоту, то трудъ учителей въ нѣкоторыхъ случаяхъ сводится къ нулю. Тѣ же изъ инородцевъ, которымъ представилась возможность пробить себѣ дорогу, занимаютъ отвѣтственныя должности. Такъ, напр., крестьянинъ Кудымкорской волости, Аѳиногенъ Николаевичъ Четинъ, долгое время состоялъ секретаремъ пермской уѣздной земской управы; другой инородецъ Юнсѣвской волости, г. Юркинъ, несетъ обязанности бухгалтера чердынской земской управы и мн. др. Народъ бездарный не могъ бы выдѣлить изъ своей среды людей, занимающихъ солидныя должности по общественному самоуправленію. Многіе учителя изъ инородцевъ также съ честью выполняютъ свое служеніе народу.

Отсюда выводъ такой: лицамъ, кончающимъ сельскую школу, въ смыслѣ дальнѣйшаго саморазвитія и представленія возможности продолжить образованіе, необходима поддержка; а такъ какъ бюрократы соликамскаго земства не хотятъ, да и не способны сдѣлать что-нибудь для забытыхъ, обреченныхъ на невѣжество, на медленное прозябаніе полускотскаго существованія закамскихъ инородцевъ, то въ дѣлѣ внѣшкольнаго развитія пришли на помощь инородцамъ частныя лица.

Такъ, на средства, собранныя по подпискѣ на чествованіе извѣстнаго общественнаго дѣятеля, бывшаго управляющаго пермской казенной палатой, Ал. Евг. Рейнботъ, было положено начало кудымкорской народной читальнѣ, имѣющей не одну тысячу годовыхъ читателей. Къ глубокому сожалѣнію, всѣ функціи совѣта библіотеки-читальни сведены къ канцелярщинѣ. Совѣтъ читальни, состоящій изъ 5 лицъ, непрерывно съ кѣмъ-то переписывается. Такъ, напр., официальной бумагой совѣтъ читальни обращается за помощью къ мѣстному земскому начальнику, который ставитъ клеймо „земскій начальникъ, 9 участка, Соликамскаго уѣзда“ и, записавъ исходящій №, препровождаетъ какому-нибудь лицу, приходя-

щему на помощь дѣлу просвѣщенія инородцевъ. Вѣрно пословица „у семи нянекъ дитя безъ глазъ“. У кудымкорской читальни пять нянекъ. Не раціональнѣе ли была бы, избѣгая бюрократической волокиты, непосредственно обратиться къ кудымкорскому волостному сходу съ просьбой ассигновать по 1 копейкѣ съ души на пополненіе книгъ и выписку журналовъ для читальни. Кудымкорская волость состоитъ изъ 9000 душъ; слѣдовательно, получая ежегодно 90 рублей, совѣтъ читальни могъ бы пополнять библіотеку изъ года въ годъ. На отпускъ по 1 копейкѣ съ души разсчитывать, если только инородцамъ толково разъяснить суть дѣла, вполнѣ можно, судя по тому, что требованій, какъ гласитъ отчетъ этой читальни, на книги со стороны инородцевъ-крестьянъ поступило въ 1904 году до 5000. Эти требованія на книги были предъявлены читателями взрослыми и школьнаго возраста. А всего за этотъ годъ было прочитано книгъ изъ кудымкорской читальни 7000, изъ нихъ прочитано крестьянами 4637 книгъ. Такъ велика въ инородцахъ потребность въ книгѣ!

Кудымкорская библіотека была учреждена по волѣ самого Ал. Евг. Рейнбота. Въ этомъ дѣлѣ опредѣленно сказалась та широкая общественная точка зрѣнія, которая характеризуетъ всю дѣятельность Александра Евгеньевича, какъ предсѣдателя пермскаго экономическаго общества. Широко развитое общественное чувство въ области народнаго просвѣщенія сразу направило его на вѣрную дорогу. Будучи учредителемъ и первымъ предсѣдателемъ этого общества, Ал. Евг. близко принялъ къ сердцу нужды закамскаго края, для изслѣдованія экономическаго быта котораго общество намѣревалось послать одного изъ своихъ членовъ. Въ блестящихъ докладахъ собранію общества, предсѣдатель исходилъ изъ того положенія, что помощь нуждающемуся населенію не есть актъ личнаго милосердія, но и долгъ, лежащій на всемъ обществѣ по отношенію къ соціально-слабому закамскому инородцу, и

что во-время оказанная поддержка случайно впавшему, вслѣдствіе неурожая, въ бѣдность, сторицею возмѣстится обществу, когда этотъ несчастный инородецъ вступитъ въ ряды честныхъ тружениковъ-земледѣльцевъ. Экономическое общество было однимъ изъ самыхъ благодѣтельныхъ учрежденій г. Перми и многое могло бы сдѣлать и для закамскихъ инородцевъ; и если бы во-время было обращено вниманіе на насущныя нужды инородцевъ, намъ, быть-можетъ, не пришлось бы быть свидѣтелями того безысходнаго обнищанія, до котораго дошли современные подлиповцы. Общество закрыто по доносу губернатора Погодина, а уходъ изъ Перми Ал. Евг. образовалъ трудно заполнимый пробѣлъ въ рядахъ общественныхъ дѣятелей г. Перми. Но начертанный Александромъ Евгеньевичемъ на общественномъ знамени завѣтъ безкорыстнаго и доблестнаго служенія обездоленному закамскому инородцу будетъ всегда окрылять новыхъ дѣятелей на аренѣ просвѣщенія инородцевъ.

Въ то время, когда для губернскаго и уѣзднаго земства въ дѣлѣ просвѣщенія пермяцкій край является пасынкомъ, культурные центры стараются подать руку помощи темному инородцу. Мы разумѣемъ высылку книгъ по деревенскимъ школамъ изъ московскаго Общества развитія грамотности въ народѣ, петербургскаго Комитета грамотности и др. учрежденій. Изъ частныхъ лицъ пришли на помощь князь Э. Э. Ухтомскій, пожертвовавшій цѣнный волшебный фонарь съ картинами для Юсвинской, Архангельской и Тимшинской волостей.

Для поднятія самосознанія инородцевъ и лучшаго проведенія свѣта въ ихъ среду сдѣлана была попытка отдавать дѣтей инородцевъ въ учебныя заведенія С.-Петербурга, Москвы, Казани, Красноуфимска и др. городовъ. Результаты оказались прекрасными: окончило казанскую инородческую семинарію 8 мальчиковъ, и всѣ они состоятъ учителями среди своихъ сородичей; женскую учительскую

семинарію окончили 3 дѣвицы, красноуфимскую сельскохозяйственную школу — 6 мальчиковъ; продолжаютъ учиться въ общинахъ сестеръ милосердія пять дѣвицъ и вновь исходатайствовано на полное содержаніе 26 вакансій.

Съ открытіемъ Сѣвернаго пути инородческій край приблизится къ столицамъ и, надѣемся, сами инородцы другъ друга потянутъ къ свѣту и, такимъ образомъ, продолжатъ то симпатичное дѣло, начало которому уже положено.

Солнечное затменіе.

(Разсказъ изъ быта верхнекамскихъ старообрядцевъ).

На сотни верстъ тянутся въ сѣверной половинѣ Глазовскаго уѣзда глухіе и дремучіе лѣса. Узкою полосою пробивается среди лѣсовъ и болотъ рѣка Кама, которая беретъ свое начало вблизи Куличи, — самаго отдаленнаго села Зюздинскаго края, Глазовскаго уѣзда. Кама выпадаетъ изъ каменистаго холма, увѣнчаннаго довольно красивою деревянной бесѣдкой, куда куличинцы нерѣдко пріѣзжаютъ съ самоварами попить чайку изъ камской водицы.

Былъ октябрь мѣсяцъ. Я подъѣзжалъ, еле двигаясь по густой грязи, къ селу Аѳанасьеву, самому бойкому и крупному селу Зюздинскаго Пермскаго края.

Въ большомъ деревянномъ домѣ свѣтился огонекъ; на этотъ огонекъ повернулъ мой возница изъ Верхокамскаго села. У гостепріимнаго о. Евлампія сошлись нѣсколько человѣкъ мѣстной интеллигенціи. Говорили о томъ, о семъ. Разговоръ касался, главнымъ образомъ, зюздинскихъ инородцевъ и сектантовъ. Дѣятельное участіе въ разговорахъ принималъ мѣстный земскій врачъ, поражавшій свѣжаго человѣка оригинальностью взглядовъ, если не сказать болѣе... Онъ аборигенъ здѣшнихъ мѣстъ. Очевидно, налетъ удушливой атмосферы глухихъ мѣстъ сдѣлалъ свое дѣло...

Въ разговорѣ пришлось узнать, что въ двадцати верстахъ отъ села Аѳанасьева находятся старообрядческіе

скиты. О. Евлампій разсказалъ нѣсколько интересныхъ эпизодовъ изъ жизни этихъ непонятныхъ людей, бросившихъ свои насиженныя мѣста и, ради древняго благочестія, ушедшихъ отъ людского взора въ непроходимыя дебри верхокамскихъ медвѣжьихъ угловъ. Мѣткая характеристика вожаковъ старообрядчества, съ которыми не разъ, по должности помощника миссіонера, сталкивался о. Евлампій, и факты изъ жизни скитовъ, полные юмора, невольно подбадривали наше любопытство, и я тогда же рѣшилъ съѣздить въ скиты и черезъ часъ уже былъ въ дорогѣ.

Была чудная лунная ночь. Настоящее лѣсное царство по берегамъ Камы. Тутъ раздолье и звѣрю и птицѣ. Полная тишина необитаемой дѣвственной мѣстности наводила на многія думы... Здѣсь, въ лѣсахъ, человѣкъ совершенно спокоенъ, и ничто не нарушаетъ его душевнаго равновѣсія.

Въ недалекомъ прошломъ мѣстность эта была совсѣмъ необитаема: лѣсъ былъ еще гуще, еще чаще, и не мудрено, что въ подобной глухой мѣстности стали ютиться люди, ищущіе полнаго уединенія и безопаснаго угла—старообрядцы, выходцы изъ Пермской губерніи.

Около утра мы достигли небольшой деревушки, лежащей вблизи опушки лѣса. Здѣсь намъ сказали, что телѣжнаго пути дальше нѣтъ. Пришлось итти пѣшкомъ. Въ переходахъ черезъ болота, ручьи и трясины мы провели добрую половину утра и только часамъ къ одиннадцати дня достигли открытой поляны, занятой постройками купца Сереброва.

Не успѣли мы подойти къ усадьбѣ, какъ послышался лай собакъ, и вскорѣ появились двѣ большія черныя дворняжки. Послалъ спутника въ избу спросить хозяевъ, можно ли остановиться. „Заходи, можно!“ вскорѣ закричалъ мой провожатый. Вошли въ верхній этажъ довольно чистой мѣщанской избы. Въ переднемъ углу комнаты, очевидно, предназначенной для пріема гостей,

висѣлъ старинный образъ святителя Николая. По стѣнамъ висѣли двѣ-три картины и зеркало. Вскорѣ явился и самъ довѣренный владѣльца. На вопросъ, какъ я попалъ въ такія дебри, я отвѣтилъ, что ищу купить участокъ земли для монастыря.

— У насъ у самихъ былъ здѣсь дѣвій скитъ. А какъ хозяинъ-то нашъ умеръ, то и начались гоненія на нашихъ скитницъ.

— А что за причина?—спросилъ я.

— Говорятъ, вышли новые законы, а я думаю, что по смерти-то нашего хозяина некому подѣлиться съ „полиціей“. И вотъ разбѣжались наши дѣвы—кто въ Сибирь, кто снова въ заводъ Черлюзъ, кто въ Ильинское. А вы знаете ихняго-то наставника Мисаила Петровича? Онъ уѣхалъ въ Добрянку.

— Нѣтъ, не встрѣчалъ.

— Непремѣнно повидайтесь — собесѣдникъ онъ ужъ очень пріятный, да и земелька-то у него есть. Вотъ онъ, навѣрно, продастъ и вмѣстѣ съ домомъ. Не желаете ли взглянуть на нее. Я сейчасъ же пошлю за его караульнымъ Захаромъ.

Вскорѣ былъ поданъ самоваръ. Стала угощать не то дочь, не то прислуга, оказавшаяся сожительницею собесѣдника. Насъ поразила разница лѣтъ и жалкое положеніе этой юной хозяйки. Она, очевидно, чувствовала себя не по себѣ и, не проронивъ слова, вскорѣ ушла изъ комнаты.

— А вы увѣрены, что Мисаилъ Петровичъ продастъ землю и домикъ? — спросилъ я.

— Онъ-то, несомнѣнно, радъ будетъ продать, но вотъ жена-то его баба „съ перцемъ“. Вѣдь если бы не бабы, то мужики давно бы ушли въ никоніанскую вѣру. А то только бабами и держится права-то наша вѣра. Въ Глазовскомъ уѣздѣ цѣлый годъ два миссіонера то и дѣлаютъ, что разъѣзжаютъ по деревнямъ и стараются сбить съ толку нашего брата. Вотъ, если бы была жива

у меня первая баба, то она ни въ жизнь не пустила бы тебя въ домъ.

— Да вѣдь хозяева дачи и сынъ ихъ Леонтій мнѣ знакомы, такъ почему бы и не пустить?

— Ишь ты! Да ей все одно, хоть знакомъ-раззнакомъ; говорю, ни въ жизнь не пуститъ. Разъ ты никоніанской вѣры—и довольно. Помню, она послала одной своей товаркѣ пудъ коровьяго масла за то, что та хотѣла ухватомъ побить миссіонера попа Александра. Вотъ это баба, такъ баба! Эта-то моя хохуля и смотрѣть на людей боится. А вотъ и Захаръ пришелъ.

Дѣйствительно, въ дверяхъ стоялъ жалкій, грязный молодой парень, оказавшійся сторожемъ дачи Мисаила Петровича.

— Правда, что Мисаилъ Петровичъ продаетъ свой участокъ земли и домъ?—спросилъ я.

— Знамо, продастъ, и я бы купилъ, да не на что.

Спустя двѣ-три минуты, мы уже были въ дорогѣ.

Какъ истинный сысойка, Захаръ интересовался, зачѣмъ это мнѣ нужна земля, и не выгонятъ ли его новые хозяева и проч. „А меня они не выгонятъ?—повторялъ онъ десятки разъ.—У меня баба есть и ребята“.

Черезъ часъ мы очутились предъ большой открытой поляной, на которой стоялъ домъ съ молельней. А рядомъ съ домомъ ютился убогій хлѣвъ, который и служилъ помѣщеніемъ для Захара. Чтобы попасть въ его хату, нужно согнуться чуть не втрое,—такъ низка была дверь его хаты. Оконныя рамы прибиты прямо къ бревнамъ, а косяковъ и признаковъ нѣтъ.

— Что же ты не живешь въ домѣ-то Мисаила Петровича?

— Да не позволяетъ.

— А сколько онъ тебѣ платитъ за караулъ дачи?

— Да пока ни копейки не получаю, а думаю, что онъ уступитъ мнѣ десятинъ десять своей земли. Только ужъ надежа-то плоха больно: самъ онъ добръ, да баба

его больно скупа,—горько жаловался Захаръ на свое безысходное положеніе...

— Успокойся, другъ, потерпи маленько, можетъ-быть, они и уступятъ тебѣ земельки-то, устроишься и заживешь на славу.

— Ну, ладно! Буду молчать, пускай его... Онъ скоро самъ обѣщалъ пріѣхать на дачу, можетъ, и пожалѣетъ робятъ-то моихъ, сжалится.

Разговоръ нашъ на этомъ и кончился.

II.

Съ тѣхъ поръ, какъ во второй половинѣ семнадцатаго столѣтія появился въ Пріуральѣ расколъ старообрядчества, Глазовскій уѣздъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ его центровъ. Верховья рѣки Камы съ непроходимыми лѣсами послужили радушнымъ пріемомъ для многихъ расколоучителей: сюда бѣжали изъ разныхъ мѣстъ Россіи бѣглые солдаты, монахи и вообще преданные расколу отщепенцы православной церкви. Въ глуши камскихъ лѣсовъ, просѣкаемыхъ рѣками Колыгъ, Севой, Гусь, Пузанькая, Норимъ и Неополь, они селились, рыли пещеры, устраивали кельи, и эти кельи вырастали потомъ въ крупные раскольничьи скиты, которые нерѣдко служили для ильинскихъ, добрянскихъ и другихъ старообрядцевъ мѣстами паломничества. Большинство скитовъ, не выдержавъ притязаній полиціи, пали, а насельники ихъ выбыли въ Пріамурскій край.

Только одинъ изъ этихъ скитовъ на рѣкѣ Неополѣ оказался болѣе долговѣчнымъ и счастливымъ, благодаря поддержкѣ владѣльца земли купца Сереброва. Онъ былъ населенъ старыми дѣвицами-старообрядками, посвятившими себя иноческой жизни. Въ былое время тепло и привольно жилось скитницамъ Серебровской дачи. Во главѣ скита стояла мать Агаѳья, пользовавшаяся полнымъ благоволеніемъ Алексѣя Егоровича Сереброва. Но въ духовномъ

отношеніи общество скитницъ матери Агаѳьи нерѣдко грустно томилось, но никто такъ не скорбѣлъ о духовной нуждѣ, какъ сама мать Агаѳья. Не было у скитницъ духовника и „освященнаго наставника“. Сей „великій духовной гладъ“ вызывалъ немалую скорбь у покровителя обители Сереброва.

— Должно-быть, грѣха ради нашего, отъемлется у насъ благодать священства,—говорила мать Агаѳья въ открытой бесѣдѣ съ супругой Сереброва.—Смотри-ка: вѣдьрѣшительно некому стало напутствовать въ нашемъ обществѣ больного человѣка; а помретъ,—некому и отпѣть по древне-христіанскому порядку освященнымъ чиномъ.

— Не говори, мать; видно, остальное времячко живемъ, — отвѣчала Олена Ѳеоктистовна, — такъ звали супругу благодѣтеля скита.

— Да, осиротѣли вы, горемычные, и сиротство ваше очень великое. Знаю, знаю, что нужна вамъ благодать священства. Не попросить ли намъ благодѣтеля „моего-то“, чтобы онъ раздобылся для васъ благодатью священства? Вѣдь вамъ хотя и не очень важнаго попика залучить: отъ нужды-то вамъ было бы и такого достаточно. А помоему, за важностью-то сановъ и гоняться не слѣдуетъ,– добавила мать Агаѳья,—въ писаніи речено есть, что Богъ немудрые и худородные избралъ для служенія себѣ; поэвтому мы должны будемъ благодарить Господа Бога и за то, если Онъ не допуститъ нашу обитель лишиться сего великаго клада. Такъ вотъ я и думаю, благодѣтельница наша, Олена Ѳеоктистовна: хорошо будетъ, если мы попросимъ нашего благодѣтеля о снабженіи нашей обители хотя бы немудренькимъ попикомъ: служба-то при немъ не въ примѣръ благолѣпнѣе бы стала у насъ правиться! Я полагаю, что благодѣтелю нашему стоитъ только возымѣть желаніе, и попикъ готовъ будетъ для насъ. Одна я съ такою просьбою не рѣшаюсь приступить къ нему,—не уважитъ, пожалуй; ну, если обѣ-то мы попросимъ, значитъ, сообща-то, глядишь,—и толкъ будетъ!

— Слова нѣтъ, ежели „самъ-то“ поусердствуетъ въ такомъ дѣлѣ вашему скиту, то сиротства въ освященномъ чинѣ у васъ не будетъ. Признаться, и я давно помышляла напасть на него съ такою просьбою; да ужъ, если просить, то просить надо усерднѣе, чтобы наша просьба была не вотще. Только я не знаю, когда бы улучить удобное время для такой къ нему просьбы; теперь время-то, видишь, суетное - ярмарочное, а въ такое время, сама ты знаешь, у него вся голова занята то покупкой, то продажей. А теперь, мати, на досугѣ ты сходи-ка къ нашему брату Селифану, а вечеркомъ приходи къ намъ и мы сообща попросимъ „самого-то“ о благодати священства. Поняла?

— Какъ не понять, Олена Ѳеоктистовна.

Побывала мать Агаѳья и у брата „благодѣтеля“. Онъ отличался не меньшимъ хлѣбосольствомъ, чѣмъ блюститель скитницъ. Неудивительно, что мать Агаѳья засидѣлась долгонько, да и было о чемъ поговорить. Не часто бывала она въ селѣ Марьинскомъ, и теперь пріѣхала потому, что благодѣтели ея, по случаю никольской ярмарки, дома обдѣлывали свою коммерцію...

— Раненько сегодня изволили вернуться съ базара, Селифанъ Егоровичъ, — проговорила мать Агаѳья, какъ только увидѣла хозяина дома.

— Плоховато нынѣ торговалъ, да и тебя, мать, сегодня къ себѣ поджидалъ. Вотъ спасибо, что и насъ не забыла. Ну, разсказывай, какъ поживаете. Слышалъ я, что большое смятеніе было у васъ, когда солнце-то померкло.

— О, и не говори, родимый! Думали свѣту конецъ настаетъ. Видишь ли, дѣло какое вышло. Наставника у насъ, какъ тебѣ вѣдомо, въ домѣ нѣтъ. Некому протолковать-то было. Сама-то я не знала объ эвтомъ солнчезатменѣ. Какъ заранѣе-то бы я узнала, то, глядишь, и съѣздила либо въ Добрянку, либо къ вамъ, въ Мурьинскъ. Вѣдь у васъ, въ Мурьинскѣ, много людей умныхъ да дошлыхъ. .

Ой, ой, какъ много нагнало страху на насъ эвто самое затменье,—продолжала мать Агаѳья.—Отродясь не видала такого страху. Вотъ какъ стало солнче-то заволакивать тучей, я и говорю скитницамъ: ой, дѣвушки, знать, солнче-то лопнетъ, небо и земля засорится, потечетъ отъ востока къ западу рѣка огненная, прощай, наша многомятежная жизнь! О, Господи, пощадилъ ты насъ, грѣшныхъ,—заключила мать Агаѳья съ тяжелымъ вздохомъ и, перекрестясь, откинулась на спинку стула.

— Да, мать Агаѳья, и мы думали про себя, зачѣмъ, молъ, эвти затменья солнца. Вѣдь, навѣрно, никоніанскія головы заранѣе знали, что въ тако-то время будетъ затменье. Да, хитрецы эти никоніане! Но я въ голову не возьму себѣ какой это у насъ порядокъ. Сами знаютъ, что будетъ солнце затмено, а намъ, грѣшнымъ, ни попы ни полиція знать не даютъ. А высшее-то начальство чò смотритъ? Вотъ хоть ученые теченіе свѣтилъ небесныхъ познаютъ, а вотъ вѣру-то истинную, правую, совсѣмъ потеряли.

— Вѣрно, вѣрно, Селифанъ Егоровичъ. Если бы попы никоніанскіе да полиція извѣстили верхокамовъ, то не было такого спугу, какой мы видѣли.

— Ну, ну, разскажи, какъ это испугались затменья солнца ваши-то верхокамы, — твердилъ Селифанъ Егоровичъ.

— Много я чуяла про эвти самыя оказіи,—начала мать Агаѳья.—Ты вѣрно, кормилецъ, сказалъ, что никто не оповѣстилъ миру, что будетъ это самое затменье солнча-Вотъ раннимъ утромъ, обычно, всѣ вышли на жатье хлѣба (вѣдь это было въ августѣ). Около полудня и стало затягать солнче-то тучами. Всѣ спужались, какъ сдѣлалось темно-то. Бѣгутъ съ полей мужики, за ними бабы косматыя съ ребятами. Бѣгутъ овцы, коровы, лошади,— все мечется, стонетъ, реветъ. Дома сидѣли одни старики да старухи съ малыми ребятами; спужались они не на животъ, а на смерть. Спасибо, старикъ-начетчикъ Денисъ изъ Квакуши поддержалъ народъ. „Не стоните-де: это

ишшо не свѣтопредставленіе, а наука вамъ впередъ, по людскимъ грѣхамъ... Теперь-де все пройдетъ, только въ праву вѣру нынче надо же креститься". Послушались рабы Божьи и стеклось ихъ креститься видимо-невидимо.

— А кто ихъ крестилъ—никоніанскій попъ или нашъ?— спросила супруга Селифана Егоровича.

— Нѣтъ, крестилъ самъ Денисъ. Онъ заставилъ всѣхъ войти въ рѣку, бабы въ ней и раздѣвались, подплывалъ къ каждому на лодкѣ и, погружая голову въ рѣку, приговаривалъ: „Я же попъ, я же Денисъ, я же крешшаю, я и грѣхи прошшаю. Если я не прѡшшу, то есть у Ѳеофилакта духовница, Анна Артемьева,—она прѡститъ. Если она не прѡститъ, то есть у Киршенковъ протоерей, Алексѣй Трофимовичъ,—онъ ужъ прѡститъ". Вотъ теперь, Селифанъ Егоровичъ, вѣдь въ одномъ Глазовскомъ уѣздѣ 33.000 рабовъ Божіихъ придерживаются нашей-то правой вѣры. А благодати-то священства совсѣмъ у насъ мало.

— Ну, успокойся, мати, я порадую тебя пріятной вѣсточкой—мы съ братомъ-то пригласили для васъ попика. Не знала ли ты въ Добрянкѣ Мисаила Петровича, что зять-то торговыхъ Каменскихъ.

— Какъ не знать, благодѣтель ты нашъ. А ты вотъ скажи, какъ намъ благодарить-то васъ за ваши заботы о нашемъ скитѣ.

— Ну, чего насъ благодарить. Молитесь за родителевъ нашихъ и довольно... На видъ онъ хоть и не важный попикъ, да душа-то у него хороша и вельми преданъ древнему благочестію. И супруга-то его зѣло придерживается древне благочестивой вѣры и обиходка большая.

— Ахъ! Засидѣлась же я у васъ, благодѣтель мой. Простите, Христа ради!

„Бѣдная! Ни на минутку не можешь разстаться съ мыслью о благодати священства", подумала про себя супруга Селифана Егоровича, краснощекая купчиха, благодарнымъ взглядомъ провожая мать Агаѳью, спѣшно удаляющуюся къ главному покровителю древняго благочестія.

III.

Въ небольшомъ уютномъ домикѣ новаго попика, построеннаго на своей землѣ, рядомъ съ дачей Сереброва, свѣтился огонекъ; находившіеся тутъ люди безмолвствовали, и число ихъ быстро увеличивалось. Сюда собрались всѣ скитницы и другіе старообрядцы; собрались они для обсужденія вопроса необычайной важности, — быть или не быть скиту на дачѣ Сереброва, или имъ убираться по добру, по здорову во-свояси или въ далекіе края.

А дѣло было вотъ въ чемъ: пріѣхалъ къ попику нарочный съ извѣстіемъ, что благодѣтель ихъ Алексѣй Егоровичъ приказалъ долго жить, а дѣла Селифана Егоровича пошатнулись: его „обставилъ“ одинъ ловкій коммерсантъ Распоповъ, такъ что все добро Селифана Егоровича пойдетъ съ молотка.

Несмотря на различіе вѣрованій и убѣжденій собравшихся лицъ, всѣ они были того взгляда, что со смертію ихъ благодѣтеля быть бѣдѣ — безъ смазыванія полиціи начнутся гоненія и закроютъ, чего добраго, самый скитъ. Помощи отъ Селифана Егоровича ожидать невозможно,— самъ скоро пойдетъ съ сумой. Вотъ почему старообрядцевъ такъ сильно занималъ вопросъ: какое приметъ участіе въ жизни скитовъ наслѣдникъ Сереброва Леонтій?

— Разскажи, отче, что можно ожидать отъ Леонтія?

— Вамъ вѣдать надлежитъ, братіе и сестры, что покойный благодѣтель нашъ Алексѣй Егоровичъ хорошо видѣлъ, что на Руси прекращается древнее святоцерковное благочестіе, и, чтобы поддержать оное, купилъ дачу, на которой и разрѣшалъ селиться рабамъ Божіимъ. И шло здѣсь моленье, какъ у предковъ*) нашихъ, по правиламъ древняго благочестія...

---

*) Предками всѣ вообще старообрядцы называютъ первыхъ расколоучителей образовавшихъ при Никонѣ расколъ съ православною Церковію.

— Для чего о предкахъ-то повелъ ты рѣчь?—перебилъ Мисаила Петровича другой начетчикъ, сосѣдъ его по дачѣ, довѣренный купца Звонова.—Ты, вотъ, объясни, будетъ ли ладиться съ полиціей-то Леонтій? А о предкахъ что толковать? Предки наши, вѣстимо дѣло, были правы въ своихъ сужденіяхъ. А вотъ каковъ будетъ Леонтій-то? Вотъ что разскажи.

Смѣлое замѣчаніе сосѣда Мисаила Петровича непріятно подѣйствовало на присутствующихъ. Но довѣренному Звонова старообрядцы должны были простить: они думали, что патронъ его не оставитъ ихъ въ трудную минуту. Они съ большимъ уваженіемъ относились къ Звонову, какъ крупному лѣсопромышленнику и блюстителю древняго благочестія, извѣстному по всему Хлынову.

— Да, что, отче, впрочемъ, толковать; если Леонтій не поддержитъ скитницъ, то мой хозяинъ выручитъ. Мало ли ему какихъ дѣловъ приходится дѣлать съ полиціей... А ты, отче, объясни, что это значило затменіе солнца? Вѣдь Денисъ-то крестилъ многое множество народа. Изъясни, Бога ради: что значитъ сіе необыкновенное затменіе? Хозяинъ нашъ по всему Хлынову спрашивалъ, да такъ никто и не объяснилъ. А мало ли въ Хлыновѣ блюстителей древняго благочестія? Лаптевы, Онучины и другіе. Гнѣва ли слѣдуетъ ожидать отъ Бога, или чаять ужъ кончину міра. На чемъ мы сегодня должны порѣшить? Извѣствуй намъ!—снова обратился вопрошающій къ Мисаилу Петровичу.

— Истолкуй, истолкуй, честный отче!—повторялъ начетчикъ изъ Квакуши.—Объ этомъ и мы всѣ также просимъ тебя: объясни намъ значеніе сей небесной, для насъ непостижимой тайны!—почти всѣ въ одинъ голосъ проговорили бывшіе на собраніи старообрядцы.

— Только, смотри: кривды не вмѣшивай въ свое толкованіе,—вставилъ довѣренный Звонова.

— Не испытаны судьбы Господни и не изслѣдованы пути Его! — съ непритворной искренностью началъ Ми-

саилъ Петровичъ, глубоко вздохнувъ.—Обаче, елико Богъ намъ открылъ, мы можемъ гадательно истолковать сіе небылое знаменіе. Вамъ вѣдать надлежитъ, братіе, что писаніе—глубина морская,—произнесъ онъ съ важнымъ видомъ и съ увѣренностію въ голосѣ.—Намъ вѣдомо, когда предки наши усмотрѣли при Никонѣ паденіе благочестія въ третьемъ Римѣ, еже есть на Москвѣ,—въ то время такъ же, какъ и нынѣ, было солнцезатменье; появленіе его истолковано было тогда нашими предками въ сицевомъ разумѣ, что оно служило предвѣстникомъ всеконечнаго прекращенія на Руси древняго святоцерковнаго благочестія. Потомъ они же, наши богоумудренные и богопросвѣщенные предки, истолковали своимъ послѣдователямъ, что, съ прекращеніемъ на Руси благочестія, настало въ мірѣ царство послѣдняго антихриста, почему они и склонились къ мысли о скорой кончинѣ міра. И я склоняюсь, что затменіе солнца предвѣщаетъ скорую кончину міра. Вотъ вамъ все мое и толкованіе.

— И мы согласны съ эвтими словами Мисаила Петровича,—отвѣтило большинство собравшихся старообрядцевъ.

— Надо, вотъ, спросить теперь наставника Квакуша, онъ разсудитъ объ этомъ дѣлѣ,—добавилъ довѣренный Звонова.

— Разводи теперь свое толкованіе, говори: согласно ли съ писаніемъ растолковалъ о солнцезатменьѣ старецъ Мисаилъ Петровичъ?—обратился къ начетчику, извѣстному по всей Бисеровской волости, довѣренный Звонова.

— Гдѣ мнѣ супротивъ Мисаила Петровича толкованье знать. Вѣдь онъ, вѣстимо, не отъ себя толкуетъ, а отъ писанія, значитъ, сумлѣваться нечего.

Толкованіе Мисаила Петровича о затменіи солнца довѣрчиво было принято всѣми присутствовавшими на собраніи старообрядцами.

— А какъ же насчетъ Леонтія ничего не порѣшили?—пискливымъ голосомъ спросила мать Агаѳья.

— Плохая, мати, на него надежда. Древняго благочестія у него и наполовину противъ родителевъ-то нѣтъ. И не женится. Говорятъ, вступилъ въ общество холостяковъ села Мурьинска,—заявилъ Мисаилъ Петровичъ.

— Ну, братіе, до чего мы дожили—и по селамъ появились разныя общества. Сорокъ лѣтъ доживаю,—не слыхивалъ, что существуютъ на матушкѣ Руси общества холостяковъ. Вотъ такъ мурьинцы! Нѣтъ, нѣтъ—да и откроютъ у себя Америку. А еще про нихъ говорятъ, что они, кромѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Сельскаго Вѣстника“, ничего не читаютъ... Растолкуйте намъ, Мисаилъ Петровичъ, что это за общество холостяковъ, кто его учредилъ и гдѣ бываютъ собранія общества? Вѣдь я частенько бываю въ Мурьинскѣ по лѣснымъ, по нашимъ дѣламъ. Интересно бы побывать на ихнемъ собраніи,— любопытствовалъ довѣренный Звонова.

— Охъ, ужъ тошно мнѣ и говорить-то про это общество. Смѣху оно подобно. Вѣдь въ Мурьинскѣ холостяковъ хоть отбавляй. Женовзоровъ, Сушковъ, Атинъ,—все это холостяки, какъ они себя называютъ, вышедшіе въ тиражъ для законнаго брака. Шеринъ, бывшій управитель Щукина завода, на что серьезный человѣкъ,—и тотъ записался въ члены общества холостяковъ. По слухамъ, общество открылъ Николай Николаевичъ Сушковъ, у него бываютъ и засѣданья общества.

— Довольно, довольно! — остановилъ разсказчика довѣренный Звонова. Теперь-то я догадываюсь, почему я разъ засталъ ихъ у Сушкова. Прихожу я подъ новый годъ къ Николаю Николаевичу по хозяйскимъ мѣстнымъ дѣламъ и вижу, всѣ они сидятъ за столомъ. Увидали меня и говорятъ: „Николай Николаевичъ, отворите ему“.—„Не время теперь: дѣла нашего общества пока слѣдуетъ держать въ секретѣ. Выходитъ ко мнѣ г. Атинъ, какъ оказалось впослѣдствіи, секретарь общества:—„Извините, говоритъ, Николай Николаевичъ сегодня принять васъ не можетъ У насъ сегодня выборъ почетныхъ членовъ общества и

ему положительно некогда. Онъ очень занятъ по должности предсѣдателя".

— Ну, а нельзя ли мнѣ повидать Леонтія Алексѣевича?—спросилъ я.—Онъ, кажется, у васъ на собраніи.

— Здѣсь-то, онъ здѣсь. Но по правиламъ нашего общества, кто избирается въ почетные члены, тотъ не можетъ оставлять засѣданіе собранія прежде окончанія. А Леонтій Алексѣевичъ баллотируется въ почетные члены, а потому ему выходить неудобно.

И пришлось ретироваться. Но вотъ что меня поразило. Проходя по комнатамъ, я невольно замѣтилъ, что всѣ члены, кромѣ секретаря и Леонтія Алексѣевича, и самъ предсѣдатель отмѣнно плѣшивые.

— Хе, хе, — залилась гомерическимъ смѣхомъ мать Агаѳья.—Вѣдь сказано въ священномъ писаніи: „И лишитъ Господь власовъ мужа похотлива".

— Вѣрно, мать Агаѳья,—добавилъ бисеровскій начетчикъ,—въ писаніи еще добавлено: „И дадеся ему плѣшь на главу его за беззаконіе его". Вотъ почему всѣ они и плѣшивые. Да, братіе мои,—продолжалъ блюститель бисеровскихъ нравовъ,—ужъ и люди нонѣ пошли... Мало имъ одной-то законной жены, вотъ они и выдумали общество холостяковъ. А въ уставѣ-то общества сказано: „Запрещается членамъ вступать въ законный бракъ и имѣть у себя женскую прислугу". Исключеніе сдѣлано лишь для предсѣдателя и почетныхъ членовъ: имъ разрѣшается, не въ примѣръ другимъ, имѣть двухъ горничныхъ и экономку. Вотъ нашъ-то Леонтій Алексѣевичъ и ну баллотироваться прямо въ почетные члены. А они его подбадриваютъ: „Ежели вступишь въ члены нашего общества навсегда, то у тебя, въ награду, удлинится лицо".

— Это они плѣшь-то считаютъ за удлиненіе лица? — спросилъ довѣренный Звонова.

— Хе, хе,—не безъ ироніи замѣтилъ Мисаилъ Петровичъ,—вѣдь всякому извѣстно, что на святой Руси всѣ

уставы составляются секретарями обществъ. Вотъ и уставъ общества холостяковъ въ Мурьинскѣ составилъ секретарь Атинъ, этотъ ключъ источника живой воды въ Мурьинскѣ, а Николай Николаевичъ только примѣнилъ уставъ къ дѣлу. Эхъ, чудной этотъ народъ— хлыновцы! Дальше своей утробы они ничего не видятъ. А почитай-ка ты весь-то уставъ холостяковъ, и увидишь, что Атинъ-то имѣлъ въ виду, чтобы отъ мурьинскихъ „мертвыхъ“ людей не было похожихъ на нихъ дѣтей. Удивительно нынѣ стали изобрѣтательны мурьинцы. А еще ихъ обвиняютъ въ отсталости и косности. Я вотъ знаю такой случай. Пріѣхала въ Мурьинскъ къ Егору Ивановичу барышня изъ Питера, стала вести себя по современному, какъ это принято въ Питерѣ. Разъ она пошла въ поле безъ вѣдома Егора Ивановича. А въ Мурьинскѣ вѣдь безъ караула изъ дома барышень не пускаютъ... Идетъ себѣ, любуясь видами рѣки Орвы и окрестностями Мурьинска, вдругъ, откуда ни возьмись, попадаются навстрѣчу члены общества холостяковъ—Женовзоровъ и Шеринъ. Не видя въ Мурьинскѣ такой чернооκой красавицы, они, какъ институтки, потупили глазки, стыдливо ретировались. Предсѣдатель общества, узнавъ объ этой оказіи, страшно встревожился и просилъ Егора Ивановича, чтобы онъ воспретилъ своей питерской гостьѣ гулять по аллеѣ холостяковъ, а особенно въ питерскихъ свободныхъ костюмахъ.

— Вѣдь это невиданное въ лѣтописяхъ нашего общества событіе, — заявлялъ Николай Николаевичъ. — Представьте, Егоръ Ивановичъ, вѣдь Шеринъ двѣ ночи бредилъ чернооκой красавицей. Я все время его успокоивалъ. Хорошо Женовзорову, онъ — почетный членъ, его есть кому успокоить... А если другіе члены нашего почтеннаго общества ее увидаютъ. Вы меня-то пожалѣйте. Вѣдь у меня силъ не хватитъ всѣхъ успокоивать: семья моя,—ахъ, виноватъ,—хозяйство мое тоже требуетъ домашняго присутствія... Лучше отправьте ее обратно въ

Питеръ. Пожалѣйте и наше юное общество. На-дняхъ обѣщалъ пріѣхать въ Мурьинскъ управляющій прикамскаго завода Александръ Николаевичъ Пальцевъ и вступить въ члены нашего общества. А вдругъ онъ повстрѣчаетъ вашу гостью и втрескается. Человѣкъ-то онъ, сами знаете, взбалмошный, отъ него всего можно ожидать. А намъ онъ очень нуженъ: хотимъ давать въ его заводѣ времени отъ времени концерты въ пользу нашего почтеннаго общества. И это, замѣтьте, не шутка. Мы рѣшили выписать пермскаго Фигнера—Люснина, онъ обѣщалъ, какъ бывшій обыватель Мурьинска, пріѣхать. Шеринъ будетъ ему аккомпанировать, а онъ споетъ новинку изъ репертуара нашего общества: „Не могу я вспомнить безъ улыбки чуднаго времени того“... Если концертъ будетъ имѣть успѣхъ, то мы постараемся открыть у Александра Николаевича отдѣленіе нашего общества.

— Вѣдь и я, Николай Николаевичъ, сочувствую цѣлямъ вашего общества... И какъ только куплю эликсиръ молодости, то обязательно вступлю въ члены вашего общества. Извините, я нисколько не краснѣю за свою гостью. Кто зналъ, что у вашего общества есть своя „аллея холостяковъ“,—возразилъ Егоръ Ивановичъ.

— Допустимъ, что всѣ дѣла нашего общества до поры, до времени тайна, и лишь въ послѣднемъ засѣданіи, по веснѣ, мы рѣшили дать этой аллеѣ особое названіе „безсѣменной“, въ честь нашего принципала Николая Степановича Безсѣмененова“, не безъ удовольствія заявилъ Николай Николаевичъ.

Какія принялъ мѣры Егоръ Ивановичъ, чтобы его питерская гостья не появлялась на „безсѣменовской“ аллеѣ, неизвѣстно! Только вскорѣ слѣдъ юной красавицы въ Мурьинскѣ простылъ.

— Осрамила она мою сѣдую голову,—говорилъ Егоръ Ивановичъ. И сунуло ее пойти той дорогой, куда ходятъ наши холостяки. Съ ними, питерскими, немного наговоришь. Вотъ я чуть не каждый день ей говорилъ: „Одѣ-

вайся ты такъ, какъ одѣваются наши барышни въ Мурьинскѣ". Такъ нѣтъ, хочу по-питерски. Своевольница, больше ничего... Хорошо, что Николай Степановичъ не узналъ, что она ходила по его фамильной аллеѣ, а то нагорѣло бы и мнѣ, старику, — горячился Егоръ Ивановичъ.

— А все-таки любопытный этотъ народъ — мурьинцы, — продолжалъ Мисаилъ Петровичъ. — Всѣ дѣла у нихъ дѣлаются съ затяжкой, съ недовѣріемъ, бюрократически. Духа-то жива у нихъ нѣтъ. А главное начальство въ Питерѣ и доселѣ ихъ считаетъ приказчиками чужой мысли... Дѣйствительно, въ нашемъ-то Мурьинскѣ все еще сохранились въ нетронутомъ видѣ традиціи временъ „не могу знать" и „все обстоитъ благополучно"...

— А это, говорятъ, все оттого, что старшій-то врачъ докторъ Типунъ по всему управленію одинъ жизненный рецептъ прописалъ:

„Гулять, отдыхать и кататься,
Да кстати совѣтъ утѣшительный далъ
Здоровою пищей питаться".

IV.

Было уже за полночь, а мать Агаѳья все еще бродила среди березняка рѣчки Неополя, тревожимая тяжелыми размышленіями. Ей тяжело было разстаться съ любимыми мѣстами, гдѣ она отдыхала отъ мірской суеты. Въ головѣ ея въ безпорядкѣ тѣснились обрывки разныхъ мыслей и воспоминаній, навѣянныя неожиданною кончиною ихъ благодѣтеля Алексѣя Егоровича.

„Значитъ, теперь все дѣло въ Звоновѣ: если захочетъ онъ .....—и полиція оставитъ насъ въ покоѣ, а не захочетъ—разставайся съ здѣшнею мирной обителью". Такъ порѣшила мать Агаѳья и спѣшною походкою направилась въ свое жилье.

На утро прибылъ въ обитель самъ Мисаилъ Петровичъ; онъ прибылъ съ цѣлью убѣдить мать Агаѳью, что разсчитывать на Звонова нельзя.

— Здоровы ли, матери?—съ озабоченнымъ видомъ обратился онъ къ „матерямъ“ послѣ обычнаго привѣтствія, свободно усаживаясь къ столу и пытливо смотря на ихъ озабоченныя лица.

— Тѣломъ-то, батюшка, по милости Создателя, здоровы; только душой-то сильно болѣемъ!—съ видимымъ волненіемъ отвѣтила мать Агаѳья.

— Какъ же, матери, не тревожиться-то?—отвѣтилъ Мисаилъ Петровичъ. И я вотъ не съ радостною вѣсточкой пришелъ къ вамъ. Звонова-то довѣренный, какъ вы только ушли съ собранія-то, и говоритъ мнѣ: „Мисаилъ Петровичъ, вѣдь я пошутилъ, что хозяинъ мой поможетъ скитницамъ. Нѣтъ, онъ и самъ думаетъ скоро переходить въ никоніанскую вѣру и табакъ ужъ сталъ курить. Извини, Бога ради, меня, зубоскальника“...

— Вишь ты, дѣло-то какое!—промолвила въ отвѣтъ мать Агаѳья.—Да, а вѣдь я и вчера подумала, что Звоновъ-то хлыновецъ, а хлыновцы всѣ лукавые. Вѣдь не нами сказано, что хлынъ значитъ лукавый. Да и другая непріятная новость грозитъ нашему скиту. Попъ Евлампій Аѳанасьевскій хочетъ строить часовню вблизи нашего скита. Совсѣмъ будетъ намъ утѣснено отъ никоніанцевъ.

— Мы рѣшили съ женой уѣхать въ Добрянку на старое пепелище. Совѣтую и вамъ, сестра, складываться и съ нами ѣхать. Мы оставляемъ домъ подъ караулъ Захара. А вамъ нечего оставлять—дома-то не ваши, „благодѣтеля“ Алексѣя Егоровича; а все остальное возьмете съ собой. Такой совѣтъ давалъ Мисаилъ Петровичъ „матерямъ“.

— Нѣтъ, отче, мы рѣшили съ матушкою Агаѳьей ѣхать на Амуръ. Вѣдь нашихъ-то тамъ вдоволь, и они не нахвалятся своимъ житьемъ. Поѣдемъ, что будетъ... Бояться нечего: въ невзгодахъ, говорятъ, умъ острится...

Современное состояніе Серебровскаго скита не такъ свѣжо, какъ было въ былое время: стѣны скитовъ повывалились, рамы въ окнахъ вынуты, а деревянная ограда склонилась на бокъ...

Подготовка сельскихъ дѣвушекъ къ уходу за больными.

По поводу напечатаннаго въ №№ 9940 и 9943 газеты „Новое Время“ о подготовкѣ сельскихъ дѣвушекъ, окончившихъ первоначальную школу, къ уходу за больными, я, какъ ведущій это дѣло болѣе 10 лѣтъ, считаю нужнымъ сообщить всѣмъ интересующимся программу моихъ занятій и технику дѣла. Сообщеніе это будетъ отвѣтомъ и тѣмъ многимъ товарищамъ-врачамъ, отъ которыхъ я получалъ разновременно запросы о томъ, какъ подготовляются мною сельскія сестры милосердія. Подобный же способъ подготовки крестьянскихъ мальчиковъ-инородцевъ практиковалъ въ селѣ Кудымкорѣ земскій врачъ Швейковскій. Ученики г. Швейковскаго, какъ знающіе инородческій языкъ и бытъ, пользовались полной симпатіей населенія. Память о фельдшерахъ Хмѣлининѣ, Березинѣ сохранилась и доселѣ.

Какъ и всякій земскій врачъ, живу я въ довольно глухой деревнѣ, завѣдуя земскимъ медицинскимъ участкомъ въ $2^1/_2$ волости (селеній 103) и участковой лѣчебницей на 10 кроватей. Служу въ поволадожскомъ земствѣ уже болѣе 20 лѣтъ. Убѣдившись въ первые годы моей службы, что наша сельская земская медицинская организація страдаетъ, между прочимъ, однимъ весьма круп-

нымъ недостаткомъ — отсутствіемъ спеціально подготовленнаго персонала для ухода за больными (безъ чего, какъ всякому понятно, не можетъ правильно итти и лѣченіе больныхъ, въ особенности въ глухихъ деревняхъ, вдали отъ врачебнаго персонала), я сталъ задумываться надъ тѣмъ, какъ бы устранить этотъ недостатокъ. Встрѣча съ глубокоуважаемымъ о. К. Лорченко и бесѣда съ нимъ объ этомъ обоихъ насъ интересовавшемъ предметѣ, указала на тотъ матеріалъ, изъ котораго могли быть подготовлены сельскія сестры милосердія. Затѣмъ этотъ же священникъ для начатія дѣла прислалъ мнѣ изъ своей образцовой церковно-приходской школы первыхъ ученицъ, которыхъ я и началъ подготовлять по заранѣе обдуманному плану. Помѣщеніе для ученицъ было отведено при больницѣ, продовольствіе дано изъ больничнаго котла, а для надзора за ними приставлена опытная и надежная пожилая женщина.

Пріобрѣтя спеціально для учебныхъ цѣлей связанный человѣческій скелетъ (conditio sine qua non), я сразу же заставилъ моихъ ученицъ заучивать русскія названія костей, входящихъ въ составъ головной, грудной, брюшной и тазовой полостей, а также верхнихъ и нижнихъ конечностей. Такъ же точно я веду занятія и теперь со всѣми вновь поступающими ко мнѣ ученицами. По ознакомленіи съ устройствомъ скелета, мы начинаемъ изученіе содержимаго полостей нашего тѣла, при чемъ главное вниманіе обращается на устройство и отправленія органовъ грудной полости — легкихъ и сердца, для чего всегда пользуемся взятыми изъ мясной лавки коровьими легкими съ дыхательной трубкой и сердцемъ, съ входящими въ него и выходящими большими кровеносными сосудами. Далѣе, по препаратамъ же, взятымъ изъ тѣла животнаго, изучаемъ устройство и отправленіе органовъ брюшной и тазовой полостей. Для болѣе основательнаго удержанія въ памяти вида и устройства внутреннихъ органовъ заставляемъ ученицъ сшивать ихъ изъ матерій,

подходящихъ по цвѣту къ окраскѣ органовъ, и требуемъ, чтобы приготовляемые такимъ образомъ искусственные препараты были похожи по виду на свои образцы. Для ознакомленія съ положеніемъ и устройствомъ внутреннихъ органовъ въ тѣлѣ человѣка мы пользуемся случаями судебно-медицинскихъ вскрытій мертвыхъ тѣлъ, которыя въ нашей мѣстности бываютъ довольно нерѣдко; съ разрѣшенія властей ученицы мои присутствуютъ на вскрытіи въ качествѣ зрительницъ, и я даю имъ необходимыя объясненія.

Пока идетъ такое практическое изученіе устройства тѣла и отправленія органовъ, ученицы постепенно входятъ въ роль помощницъ врачебнаго персонала по подачѣ пособій какъ приходящимъ больнымъ, такъ и лежащимъ въ больницѣ, при чемъ выполняютъ обязанности сидѣлокъ и сестеръ милосердія. Не могу не обратить здѣсь вниманія на то, что дѣвушки эти настолько заинтересовываются новыми для нихъ предметами изученія, что положительно засыпаютъ врача вопросами, относящимися къ изучаемымъ явленіямъ; поэтому приходится напрягать все вниманіе для того, чтобы давать несложныя и чрезвычайно наглядныя объясненія. Практически полезно также задавать имъ вопросы для обдумыванія на дому и потомъ требовать письменныхъ или устныхъ обстоятельныхъ отвѣтовъ. Попутно онѣ пріучаются и къ работамъ на кухнѣ, которыя, при начатіи мной этого дѣла, выполняли подъ руководствомъ нанятой кухарки, а теперь, будучи достаточно взрослыми (16—18 л.), онѣ готовятъ кушанье для больныхъ и для себя самостоятельно. Опредѣленнаго денежнаго вознагражденія имъ не назначается, но врачъ, по своему усмотрѣнію и по мѣрѣ заслугъ и работъ каждый изъ ученицъ, раздѣляетъ между ними тѣ деньги, которыя, ассигнуются на жалованье прислугѣ. Въ этомъ отношеніи я завелъ съ самаго начала такое правило, что вновь поступающимъ 13—14-лѣтнимъ ученицамъ, обыкновенно сильно привязаннымъ

къ своему дому и нисколько не стѣсняемымъ мною въ частныхъ отпускахъ въ свои деревни, я даю каждый разъ при отправкѣ домой 1—2 рубля, и это доставляетъ много радости какъ самимъ ученицамъ, сознающимъ, что онѣ уже зарабатываютъ деньги, такъ и бѣднымъ родителямъ, для которыхъ эти ничтожныя деньги кажутся большимъ капиталомъ. Взрослыя дѣвицы, выполняющія кухонныя обязанности, получаютъ по 5 руб. за мѣсяцъ работы на кухнѣ, гдѣ между ними установлено періодическое дежурство, какъ и въ работахъ по амбулаторіи и въ больничныхъ палатахъ. Конечно, желательно, чтобы земство лучше вознаграждало этихъ труженицъ, но я, на первое время, боясь напугать земство новыми денежными расходами, нарочно велъ и до сихъ поръ веду свой опытъ, ограничиваясь такой же ассигновкой (20 руб. въ мѣсяцъ на жалованье больничной прислугѣ), которая дѣлается нашимъ земствомъ и на другіе медицинскіе участки съ больницами 10 кроватнаго состава. Пищу, какъ уже сказано, ученицы получаютъ изъ того же больничнаго котла, чѣмъ дѣлается значительная экономія въ расходахъ по довольствію, не дѣлающихъ, конечно, ущерба въ питаніи больныхъ и не пугающихъ земства прибавками къ установленнымъ ассигновкамъ на довольствіе больныхъ и больничной прислуги. Я вѣрю и надѣюсь, что скоро наступитъ время, когда всѣ убѣдятся въ громадной пользѣ проводимаго мною нововведенія, и тогда никто не станетъ разсуждать о такихъ пустякахъ, какъ лишніе расходы въ нѣсколько десятковъ рублей на необходимое и въ высшей степени полезное новое дѣло.

По достиженіи 18—19 лѣтняго возраста ученицы мои поступаютъ въ общину сельскихъ сестеръ милосердія, основанную „Краснымъ Крестомъ“ въ нашемъ уѣздѣ, и тамъ опять-таки продолжаютъ ту же подготовку, что и въ сельской лѣчебницѣ, а кромѣ того, ведутъ сами домашнее и огородное хозяйство общины и выполняютъ

нѣкоторыя работы по полеводству. Прослуживъ въ общинѣ нѣкоторое время (2—3 года) въ качествѣ испытуемыхъ и достаточно подготовившись по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ кругъ образованія, необходимаго для выполненія обязанностей сестры милосердія, ученицы подвергаются по общей программѣ „Краснаго Креста“ экзамену въ комиссіи, состоящей изъ всѣхъ врачей уѣзда, а также депутатовъ отъ духовенства, города, полиціи и земства, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя мѣстнаго комитета „Краснаго Креста“, и тѣ изъ нихъ, которыя сдадутъ удовлетворительно экзаменъ въ этой комиссіи, удостоиваются званія сельской сестры милосердія „Краснаго Креста“ и получаютъ присвоенный дипломъ.

Въ дальнѣйшемъ эти сестры продолжаютъ жить въ общинѣ, и при возникновеніи эпидемій (довольно частыхъ въ уѣздѣ), командируются по деревнямъ для ухода за больными, а кромѣ того для той же цѣли приглашаются въ частные дома и въ мѣстную городскую больницу.

Всѣхъ подготовленныхъ мною такимъ образомъ деревенскихъ дѣвушекъ въ теченіе 10 лѣтняго періода времени наберется до 20 и болѣе. Большинство изъ нихъ до 1902 г. находилось въ общинѣ, неся вышеупомянутыя обязанности, но возникшія около этого времени нѣкоторыя недоразумѣнія повлекли уходъ нѣсколькихъ сестеръ, перешедшихъ на службу въ больницу для душевно-больныхъ на станціи Удѣльной, близъ Петербурга. Изъ остальныхъ двѣ прошли школу повивальнаго искусства въ Надеждинскомъ родовспомогательномъ институтѣ въ Петербургѣ и находятся въ настоящее время на земской службѣ повивальными бабками при сельскихъ лѣчебницахъ. Еще одна изъ ученицъ, по окончаніи подготовки и выхода изъ общины, возвратилась въ свою деревню и, живя дома, выполняя деревенскія домашнія работы, была въ то же время года три спеціальнымъ безплатнымъ медицинскимъ агентомъ, увѣдомлявшимъ свое-

временно врача о каждомъ серьезномъ заболѣваніи въ деревнѣ и оказывавшимъ помощь больнымъ своимъ односельцамъ по наставленію врача. Но недавно церковно-приходское учебное начальство предложило ей мѣсто учительницы въ церковно-приходской школѣ, вдали отъ ея деревни, при чемъ мнѣ извѣстно, что и тамъ она уже заслужила довѣріе окружающихъ сельчанъ, не отказывая имъ въ совѣтахъ и первоначальной помощи при заболѣваніяхъ. Вотъ все мое несложное дѣло—часть выполняемой мною обширной программы практическаго подготовленія деревенскихъ дѣвушекъ къ разумной дѣятельности въ деревнѣ. Не скажу, чтобы легко было ввести и твердо поставить это новое для деревни дѣло. Долженъ напередъ предупредить всякаго, кто пожелаетъ вести по моему образцу подготовку крестьянскихъ дѣвушекъ къ уходу за больными, что онъ встрѣтитъ не мало затрудненій и препятствій, но сознаніе важности этого начинанія и тѣ результаты, которые уже въ весьма непродолжительномъ времени достигаются введеніемъ въ больничное дѣло этихъ новыхъ чрезвычайно полезныхъ работницъ, должно преодолѣть всѣ затрудненія.

Въ самомъ дѣлѣ невозможно себѣ представить, насколько облегчается работа обыкновенно крайне ограниченнаго по числу медицинскаго персонала въ участковой сельской лѣчебницѣ и въ самомъ участкѣ при наличности и помощи этихъ молодыхъ и усердныхъ работницъ, все свое рвеніе отдающихъ новому, въ высшей степени интересному для нихъ дѣлу. Раньше, до введенія такихъ помощницъ, намъ вдвоемъ съ фельдшеромъ приходилось, напр., при амбулаторномъ пріемѣ ежедневно самимъ записывать въ книги приходящихъ больныхъ, изслѣдовать ихъ, развѣшивать лѣкарства, варить ихъ, растирать, завертывать въ порошки, писать и наклеивать сигнатурки и вписывать въ книги рецепты, объяснять употребленіе лѣкарствъ каждому больному, объяснять діэту и другія правила, перевязывать язвы и раны, производить необхо-

димыя хирургическія операціи, а равно и въ больницѣ слѣдить за перемѣнами въ состояніи больныхъ, за правильнымъ пріемомъ лѣкарствъ и пищи, измѣрять и записывать t° у лихорадящихъ, слѣдить за приготовленіемъ пищи больнымъ, за чистотой въ палатахъ, за бѣльемъ и одеждой, а также дѣлать ежедневно перевязки и проч. и проч., и все это выполнять до половины дня, такъ какъ остальная половина занята выѣздами къ труднымъ домовымъ больнымъ, на нерѣдкія эпидеміи и на оперативные роды, письменными работами и проч. и проч. Конечно, здѣсь нельзя усчитать всей работы въ участкѣ, состоящемъ изъ 103 населенныхъ пунктовъ (у священника приходъ состоитъ максимумъ изъ 10 деревень), разбросанныхъ на пространствѣ 50 верстъ въ діаметрѣ, при усиленно функціонирующей 10 кроватной лѣчебницѣ, и все это сложное и безконечно разнообразное дѣло, какъ уже сказано, должно выполняться двумя-тремя земскими медицинскими работниками. Поневолѣ эти лица въ концѣ-концовъ безсильно опускаютъ руки, не будучи въ состояніи выполнить всѣхъ требованій и вызывая тѣмъ нареканія темныхъ людей. Но вотъ является мысль о подготовкѣ крестьянскихъ дѣвушекъ къ уходу за больными, проходитъ нѣсколько лѣтъ обученія ихъ, и мы — тѣ же самые два работника, становимся уже совсѣмъ въ иное положеніе. На амбулаторномъ пріемѣ намъ остается только спеціально-медицинская работа, т.-е. изслѣдованіе больныхъ, объясненіе имъ способовъ пріема лѣкарствъ, объявленіе діэты, мелкія хирургическія операціи, надзоръ за развѣшиваніемъ и вообще приготовленіемъ и отпускомъ лѣкарствъ, надзоръ за перевязкой язвъ и ранъ и вообще только надзоръ за всей остальной многочисленной работой по амбулаторіи и по больницѣ, въ которой также всѣ мелкія занятія отпадаютъ отъ медицинскаго персонала, и на долю его остается лишь спеціально-медицинская часть, недоступная вспомогательному персоналу. Кромѣ того, надо принять во вниманіе, что при

этомъ нововведеніи въ больницѣ, при отсутствіи врача, остается не невѣжественная сидѣлка, какъ это обыкновенно бываетъ въ большинствѣ случаевъ, а надежная знающая свое дѣло, правдивая и честная молодая сила, не обременяемая непосильнымъ трудомъ безсмѣннаго дежурства у постели больныхъ, а замѣняемая по очереди другими товарками и пользующаяся надлежащимъ отдыхомъ.

Что касается новаго труда для врача—подготовки поступающихъ ученицъ, то, конечно, это дѣло, въ особенности на первыхъ порахъ, опять-таки будетъ отнимать много времени и силъ, и одному врачу почти невозможно успѣшно справиться съ нимъ. Впрочемъ, я лично успѣвалъ выполнять всѣ требованія по участку и больницѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ заниматься съ учепицами. Но у большинства врачей, завѣдующихъ медицинскими участками съ 10 кроватными больницами, найдутся, я думаю, и помощники въ веденіи этого интереснаго и столь полезнаго дѣла. При участкѣ есть всегда фельдшеръ, который можетъ слѣдить въ отсутствіе врача за выполненіемъ ученицами необходимыхъ работъ на амбулаторномъ пріемѣ и въ больницѣ, а самому врачу останется только, такъ сказать, научно-преподавательная часть. Еще лучше, если есть при врачѣ фельдшерица, которая, кромѣ выполненія упомянутаго надзора, будетъ слѣдить за веденіемъ ученицами кухоннаго хозяйства, гдѣ тоже требуется разумное, тщательное и экономное отношеніе, свойственное хорошимъ хозяйкамъ.

Каждый врачъ, рѣшившійся начать и вести это дѣло, будетъ вознагражденъ потомъ сознаніемъ, что выполнилъ столь полезное для населенія дѣло, а также получитъ скорые и осязательные результаты въ лѣченіи больныхъ и благодарность начинающаго сознательно относиться къ медицинскому дѣлу деревенскаго населенія.

Въ заключеніе долженъ сказать, что мнѣ, разумѣется, ни въ какомъ случаѣ не осуществить бы задуманнаго

дѣла, если бы не было благосклоннаго къ нему сочувствія мѣстнаго земства, давшаго мнѣ возможность сначала произвести опытъ, а потомъ, когда уже сталъ яснымъ полезный результатъ начинанія, санкціонировавшаго его слѣдующимъ постановленіемъ въ очередной сессіи земскаго собранія 1901 года: „принять предложеніе д-ра Петровскаго о подготовкѣ при больницахъ крестьянскихъ дѣвушекъ къ уходу за больными“.

А. Петровскій.

По долгу и любви.

(Разсказъ изъ приходской жизни „столицы рябка и бѣлки").

Былъ субботній день. Сторожъ Спиридонъ Ивановичъ давно уже отзвонилъ къ обѣднѣ, и, въ ожиданіи „повѣстки" къ трезвону „во вся", облокотившись на рѣшетку Успенской колокольни, сталъ разсматривать приходящихъ богомольцевъ.

„Удивительная вещь, — думалъ Спиридонъ Ивановичъ,—неужели и сегодня они не придутъ въ церковь? Вѣдь сегодня акаѳистъ „по закону" „у большихъ" Калиныхъ. Ну, самъ-то онъ, допустимъ, ходитъ дважды въ годъ— въ Пасху и Новый годъ, а что же дѣлаютъ его домочадцы? Не знаю... а и погода хорошая, и дома, кажется, оставаться не изъ-за чего. Солнышко, вишь, такъ и грѣетъ, ручьи ужъ повысохли. Да и что имъ ручьи? Лошадей у нихъ вдоволь, а одна постоянно стоитъ на дежурствѣ. Выйди, крикни и поѣзжай себѣ, куда хочешь. Просто грѣховодники, и грѣха-то не боятся: въ „свой" акаѳистъ — въ субботу — не хотятъ побывать во храмѣ Божьемъ.

А погода, дѣйствительно, была благодатная! Пробужденная отъ зимняго сна природа набрала за зиму силъ и теперь растолкала ихъ и вправо и влѣво. Весело и бойко пробивается мелкими маслянистыми лепестками, кое-гдѣ скромно проглядываетъ бѣленькій глазокъ подснѣжника, и надъ всѣмъ этимъ, рѣзвясь и купаясь въ мягкомъ воздухѣ, носятся сотни самыхъ разнообразныхъ

птичекъ, наполняя воздухъ веселымъ щебетаньемъ. Безпечныя, вотъ онѣ подлетѣли къ самой колокольнѣ и, какъ бы дразня Спиридона Ивановича, чирикая, ведутъ свои нескончаемые веселые разговоры. Но тутъ Спиридонъ Ивановичъ грянулъ „во вся“, извѣщая своихъ лѣнивыхъ прихожанъ, что началась обѣдня, и птички испуганной стаей разлетѣлись во всѣ стороны. А между тѣмъ мягкіе звуки колоколовъ дивно раздавались въ чистомъ весеннемъ воздухѣ, пока, наконецъ, не замерли далеко, далеко за шумящей Колвой...

Обѣдня началась... Истово и благоговѣйно совершаетъ службу Божію отецъ Іакинѳій, молится отъ всего сердца, желаетъ сосредоточиться и проникнуться важностью совершаемаго служенія, отгоняетъ всякую постороннюю мысль, но—искушеніе—никакъ не можетъ избавиться отъ какой-то необъяснимой тоски. Ноетъ, горько ноетъ сердце добраго батюшки. Предчувствуетъ ретивое что-то недоброе.

„Господи, — думаетъ о. Іакинѳій,—прости меня и не взыщи! Я не достоинъ совершать въ такомъ настроеніи Великую жертву!“ А на клиросѣ уже раздается мелодичное пѣніе Херувимской пѣсни.

„Всякое нынѣ житейское отложимъ попеченіе“—доносится до слуха о. Іакинѳія, и онъ падаетъ ницъ предъ престоломъ Божіимъ. Забываетъ онъ все окружающее, всѣмъ сердцемъ возносится къ небу и подымаетъ грядущаго Агнца.

„Васъ всѣхъ, православныхъ христіанъ, да помянетъ Господь-Богъ во царствіи своемъ!“ восклицаетъ батюшка и взоръ его обращается къ его паствѣ, среди которой каждаго человѣка онъ знаетъ въ лицо.

Но что это? Въ церкви только два - три человѣка да и то постоянные посѣтители — бѣдныя старушки.

Что бы это значило? Почему нѣтъ никого изъ дома „главнаго“ благотворителя храма. „Сегодня „ихній“ акаѳиститъ и никого нѣтъ“, думаетъ батюшка и съ удивленіемъ посматриваетъ на благоговѣйно стоящаго Спири-

дона Иваповича. Не меньше батюшки удивляется и молодой его псаломщикъ и уныло кончаетъ пѣніе Херувимской пѣсни.

Служба кончилась. Отецъ Іакинѳій, разоблачившись, спѣшитъ домой. Свѣтлое, спокойное настроеніе, охватившее его душу во время богослуженія, мало-по-малу начинаетъ исчезать. Тоска, какая-то безотчетная грусть не даютъ покоя. Хмурый и необычно суровый онъ является домой. Чего прежде никогда не замѣчалось, самъ входитъ въ кухню и, видя, что самоваръ еще не готовъ, кричитъ на кухарку. Та оправдывается, что ей не приказала матушка, а матушка, стараясь успокоить взволнованнаго мужа, не знаетъ, что ей и дѣлать, пока, наконецъ, онъ не уходитъ изъ кухни. Всѣ взволнованы, всѣ встревожены и не могутъ даже понять, что такое съ батюшкой. Вѣдь какой онъ всегда добрый, ласковый никогда худого слова никому не скажетъ, а тутъ... Господи! Что ужъ съ нимъ приключилось! Но вотъ вспышка проходитъ. Съ улыбкой о. Іакинѳій подходитъ къ ней и проситъ не сердиться.

Самоваръ поданъ. Матушка наливаетъ большую чашку чаю, намазываетъ масломъ кусокъ булки и все это пододвигаетъ къ мужу. Когда батюшка отпилъ до половины чашки, она, доливая ему ее свѣжимъ и горяченькимъ чаемъ, спросила:

— Ты сегодня какъ будто раньше обыкновеннаго пришелъ изъ церкви!

— Можетъ-быть. Не было сегодня ни требы ни акаѳиста.

— А народу въ церкви много было?

— Гмъ. Я думаю, и тебѣ самой не мѣшало бы побывать въ церкви, тогда и не спрашивала бы, сколько было народу. А то цѣлое утро возишься на кухнѣ, а толку все мало.

Матушка недоумѣвая посмотрѣла на мужа.

„Что съ нимъ такое“, подумала она.

— Ты, кажется, сегодня чѣмъ-то взволнованъ?

— Не знаю.

— А я такъ вижу это по твоему лицу и по разговору, ты что-то не такой, какъ всегда.

— Ну, вотъ еще нашла по чему заключать — по лицу и разговору. Но повѣрь, мой другъ, что по лицу и разговору человѣка ты легче всего можешь ошибиться... Пустое... Просто, у меня немножко, кажется, голова болитъ.

— Засни послѣ обѣда, вотъ и пройдетъ...

Но батюшка уже ничего не отвѣчалъ, а, допивши свою чашку, направился въ свою комнату.

Настало время обѣда, но и обѣдъ прошелъ скучно и какъ-то тяжело, напряженно. Батюшка ѣлъ мало, и жена его почти совсѣмъ не ѣла и, накладывая кушанья, съ безпокойствомъ поглядывала на мужа. По окончаніи обѣда о. Іакиноій, взявъ газету, пошелъ къ себѣ, а матушка занялась разсматриваніемъ только что присланныхъ свѣжихъ журналовъ.

Въ комнатахъ наступила тишина, изрѣдка прерываемая шелестомъ газетной бумаги и нетерпѣливымъ кряхтѣніемъ о. Іакинѳія.

Около полудня въ кухню вошелъ Спиридонъ Ивановичъ и доложилъ Аннѣ, такъ звали кухарку о. Іакинѳія, что ему нужно видѣть батюшку. Та побѣжала, сказала матушкѣ, и Спиридонъ Ивановичъ былъ впущенъ въ комнату священника.

О. Іакинѳій только что проснулся...

— Что, Спиридонъ Ивановичъ, скажешь хорошенькаго? — встрѣтилъ его о. Іакинѳій, едва тотъ переступилъ порогъ комнаты и успѣлъ перекреститься.

— Хорошаго, батюшка, мало. А доложить я вамъ долженъ... — началъ Спиридонъ Ивановичъ и запнулся.

— Ну, что же, что, говори скорѣй,—съ нетерпѣніемъ спрашивалъ его священникъ.

— Ой, батюшка! Снова нехорошее дѣло затѣвается. Большіе Калины велѣли передать тебѣ, что намъ такого. попа не надо. Вотъ почему они и на акаѳистѣ „своемъ“

не были. Вѣрно, сатана обуялъ сердца ихъ!.. И кто могъ подумать? Господи! Я бы вамъ, батюшка, и не сказалъ, да все нутро у меня выболѣло, а помочь дѣлу я не могу. Думаю, пойду и доложу про все ему. И вотъ пришелъ къ вамъ, батюшка.

— Ничего не пойму... Да что такое? Говори ты толкомъ,—вскричалъ наконецъ о. Іакинѳій.

— Ахъ, батюшка, дорогой батюшка, — немного обидѣвшись, началъ снова Спиридонъ Ивановичъ, — жалко намъ съ тобой разстаться. За одинѣ бесѣды въ церкви мы всѣ почитали тебя... Вѣдь полна церковь собирается тебя слушать. И все дѣло изъ-за просфоры...

— Спиридонъ Ивановичъ, не мучь меня,—съ тревогой въ голосѣ заговорилъ о. Іакинѳій, — садись и разскажи все толково и обстоятельно.—Спиридонъ Ивановичъ какъ будто только и ждалъ приглашенія сѣсть и нисколько не удивился ему.

За все долголѣтнее служеніе въ качествѣ сторожа Успенской церкви онъ видѣлъ уже третьяго священника и отъ каждаго изъ нихъ за свою безукоризненную честность, правдивость и трезвенную жизнь успѣвалъ заслуживать полное уваженіе и любовь.

Усѣвшись на стулъ у печки, Спиридонъ Ивановичъ заговорилъ:

„Послѣ каждой обѣдни, батюшка, прибравши церковь, мы разносимъ, какъ тебѣ извѣстно, по богатому купечеству нашей „столицы рябка и бѣлки“ просфоры. Пользуемся чайкомъ, закусочкой и малу толику винцомъ... Сначала ѣдемъ къ „большимъ“ Калинымъ, а потомъ—къ „малымъ“, а затѣмъ и по порядовому купечеству. Благочестивое купечество насъ угощаетъ, а „самъ“ про новости церковныя и городскія выпытываетъ, да и самъ нѣтъ-нѣтъ да и обмолвится. Да, такъ вотъ мы „сѣли“ у „большихъ“ Калиныхъ обѣдать. Во время обѣда-то я и говорю Василію Николаевичу: что это сегодня никто не пришелъ на акаѳистъ изъ вашего дома. Вѣдь у насъ сегодня „заказной?“

„— Да больно ужъ храберъ попъ-то у насъ,—началъ Василій Николаевичъ.—А кто ему посовѣтовалъ открыть народную читальню при городской управѣ? Почему онъ не спросилъ нашего согласья? Къ чему эта читальня въ нашемъ богоспасаемомъ градѣ? Мы вѣкъ прожили и не думали ни о какой читальнѣ. Между тѣмъ нашъ родъ все „прикамье“ знаетъ. Отцы наши ни кто-нибудь были, капиталы нажили-съ... Что онъ хочетъ насъ всѣхъ заставить ходить въ читальню... И въ церковь-то мы ходимъ два раза въ годъ—въ Пасху да въ день „своего“ ангела. Нѣтъ, еще молодъ насъ учить-то... А къ чему онъ хлопоталъ о переводѣ торжка въ нашемъ городѣ съ воскресенья на субботу? Да его ли это дѣло? Если мы молчимъ, то и попы не должны разсуждать. А за то, что попъ Іакинѳій перевелъ торговый день съ воскресенья на субботу, мы его больше не потерпимъ: онъ прямо по карману насъ ударилъ. Бывало, въ воскресенье у насъ полна ограда съ товарами. Угостимъ это мы продавцовъ винцомъ, тогда и предлагаемъ свою цѣну... Ну, и дѣло въ шляпѣ. А теперь, ъъ будни, мужикъ не ѣдетъ въ городъ, потому рабочій день. Тутъ пріѣдутъ къ нему „Ильинцы“ и скупятъ рябка и бѣлку. Нѣтъ, не порядки это... Скажи-ка ты попу Іакинѳію, чтобы онъ по добру, по здорову самъ выбирался. А то какъ попа Павла доймемъ доносами... И будетъ по-нашему... Вѣдь архіерей у насъ обѣдаетъ, а въ консисторію протопопу Остроумову семушки пошлемъ... А если одной бумаги будетъ мало, то и губернатору пошлемъ. И тутъ у насъ рука. Ну-ка, Спиридонъ Ивановичъ, скажи, какой губернаторъ не бывалъ въ домѣ Калиныхъ, когда пріѣзжалъ въ „столицу рябка и бѣлки“. То-то и есть. Что захочемъ, то и будетъ. На что исправникъ Левицкій былъ въ славѣ, да и то сжили.

„Какъ только я услышалъ про такое намѣреніе Василія Николаевича, ѣда прочь, не могу ѣсть, да и баста... Я и туда, я и сюда, нельзя разорить планы грѣховод-

ника. И я говорю смиренно Василію Николаевичу, что нашъ о. Іакинѳій—примѣрный батюшка: вина не пьетъ, табаку не куритъ, службу ведетъ чинно, на бесѣды его собирается честный народъ со всего города, день Господень почтилъ и теперь около Успенскаго храма по воскресеньямъ нѣтъ ни шуму ни гаму. Да и есть куда пойти люду Божію въ праздники—то на бесѣду, то въ читальню.

„— А что бесѣды да читальни для насъ? Бесѣдовать мы можемъ и дома, а читальни и подавно намъ не нужны. Намъ такого попа надо, который не чинилъ бы соблазна народу читальнями-то... Намъ нуженъ попъ, который велъ бы себя „тише воды, ниже травы“. Однимъ словомъ, молчалъ бы да уваженіе къ намъ питалъ... А то съ попомъ Іакинѳіемъ одинъ конфузъ нашему дому... Шутки сказать, въ день нашего ангела просфору послалъ съ мальчишкомъ, а не съ діакономъ. Да и когда поднесли ее—послѣднему, послѣ бабъ... И послѣ этого конфузу я буду въ церковь!.. Ни въ жизнь при попѣ Іакинѳіи не пойду“.

—Батюшка, не дадимъ исполниться намѣренію „большаковъ“, и этимъ исполнимъ слова псалмопѣвца: „На аспида и валиска наступиши и попереши льва и змія“. Я такъ вотъ думаю. Сейчасъ, если вы благословите пойти до отца протопопа Виталія и поразсказать про злой умыселъ Василія Николаевича. Какъ вы находите?

Но батюшка былъ погруженъ въ глубокую задумчивость и, казалось, даже не слышалъ Спиридона Ивановича. Только лицо, то блѣднѣвшее, то вспыхивавшее огнемъ, выдавало, что разсказъ Спиридона Ивановича разрываетъ душу его, и что въ ней совершается борьба между самыми разнообразными чувствованіями.

Свѣтлый умъ батюшки сразу понялъ, схватилъ сущность дѣла. „На мнѣ,—думалъ онъ,—какъ на пастырѣ и руководителѣ душъ и сердецъ своихъ прихожанъ, лежитъ обязанность словомъ любви и ласки, словомъ, грѣющимъ душу, успокоить взволнованный умъ и сердце „перваго церковнаго благотворителя“ прихода.

Все это быстро пронеслось въ головѣ о. Іакиноія. Сомнѣній и колебаній не было и признаковъ.

— Ладно, Спиридонъ Ивановичъ, благодарю, что предупредилъ. Надо принять мѣры. Но къ о. Виталію не нужно. Можетъ-быть, Богъ поможетъ и сами справимся. Такъ ты говоришь, что онъ все больше изъ-за просфоры серчаетъ.

— Да, батюшка, такъ.

— Спасибо, Спиридонъ Ивановичъ. Ступай теперь.

Спиридонъ Ивановичъ вышелъ.

Батюшка остался одинъ. Облокотившись на столъ, долго сидѣлъ онъ въ задумчивости. Мысли, одна другой разнообразнѣе, быстро смѣнялись въ напряженномъ его сознаніи. И всѣ онѣ, и печальныя и безотрадныя, были обращены къ народу, этому самому темному обывателю „столицы рябка и бѣлка“, ради котораго о. Іакиноій переиспыталъ уже много лишеній и сердечныхъ мукъ...

И силится припомнить бѣдный батюшка, не было ли у него какого-либо тяжкаго грѣха на душѣ, не обидѣлъ ли онъ кого, не притѣснялъ ли. И смутной, сѣренькой картиной въ памяти батюшки встаетъ и проходитъ вся его жизнь.

Вотъ помнитъ онъ себя молодымъ, полнымъ силы, здоровья, желающимъ трудиться и жить для бѣднаго темнаго народа... Вспоминаетъ добрые порывы молодого сердца и сразу же постигшія его разочарованія. Является онъ въ земскую управу и ему, какъ народному учителю, предсѣдатель управы подаетъ лишь два пальца (всю руку предсѣдатель подавалъ лишь врачамъ и другимъ немногимъ, служащимъ земству). Это убило всякое желаніе бывать въ управѣ. А тамъ, гдѣ сѣетъ онъ разумное, доброе,— бѣдная, полуразвалившаяся, безъ колокольни церковь, гдѣ онъ, за неимѣніемъ священника, по праздникамъ читаетъ и поетъ со своими школьниками. Кругомъ школы бѣдность, ужасающая бѣдность мужика, насквозь пропитаннаго порокомъ пьянства и невѣжества, — вотъ его

первыя встрѣчи. И началась непрерывная и неослабная страда. Цѣлыя семь лѣтъ трудился молодой труженикъ, трудился, не покладая рукъ, не признавая устали, жертвовалъ всѣмъ, что есть дорогого, и только что началъ пожинать плоды добрыхъ сѣяній, приходитъ врагъ и взбудораживаетъ, разрушаетъ созрѣвшее поле. Доносъ волостного старшины Ефима Лапова за то, что учителишка не оказываетъ гласному, онъ же и волостной старшина, должнаго почтенія,—и его переводятъ въ болѣе глухое село. Здѣсь онъ изучаетъ мѣстное нарѣчіе и думаетъ въ будущемъ сѣять знанія на понятномъ для народа языкѣ. А какъ онъ полюбилъ свое новое поле. Онъ жилъ его жизнію, волновался и страдалъ его страданіями, радовался и молился за его успѣхи. Вотъ онъ на болѣе широкой дѣятельности, не слышитъ школьныхъ звонковъ, просторъ дѣятельности необъятный. „Начальство“ его цѣнитъ.

И вотъ онъ въ городскомъ богатомъ приходѣ. Паствы у него всего 119 душъ. Прихожане любятъ такого священника, который только служилъ, а ихъ не поучалъ. Видя темноту обывателей, батюшка открываетъ безплатную читальню, городъ даетъ помѣщеніе и, внявъ его слову, переводитъ торговый день съ воскресенья на субботу. И не нарадуется батюшка своему успѣху и думаетъ онъ, что этотъ народъ, какъ, бывало, въ деревнѣ, любитъ и уважаетъ его! Увы! Вотъ плоды его любви и благодарности... И взоръ батюшки остановился на толстыхъ каменныхъ стѣнахъ его холодной квартиры, пріобрѣтенной для духовенства „благодѣтелями прихода“.

Темныя сумерки. Влажный западный вѣтерокъ еле колышетъ одѣвшіяся зеленой листвой березки и разноситъ пріятный запахъ липъ и тополей. Въ воздухѣ тепло и такъ легко дышится. Кругомъ ни звука. О. Іакинѳій легкою поступью направляется верхнею улицею къ дому перваго „благотворителя“ прихода. Нервная дрожь пробѣжала по тѣлу о. Іакинѳія, когда онъ подходилъ къ

крыльцу каменнаго дома „благодѣтеля“. Быстро поднялся онъ по лѣстницѣ, устланной яркимъ бархатнымъ ковромъ. Въ залѣ съ двумя большими зеркалами и мягкою мебелью встрѣтилъ о. Іакинѳія всегда радушный племянникъ принципала. Прошло большихъ полчаса, прежде чѣмъ показался и „самъ“. Представьте себѣ человѣка „иконной живописи“ за 60 лѣтъ, съ пробором сѣдыхъ волосъ въ поддевкѣ, какія доселѣ носятъ замоскворѣцкіе купцы, и вы получите типъ „набольшаго“ этой большой семьи.

Съ темной сѣдой старины могучей рѣкой течетъ народная жизнь въ „столицѣ рябка и бѣлки“. Гордятся ея обыватели своими древними фамиліями — Углицкихъ, Оболенскихъ и другими отпрысками новгородской вольницы. Тихо, но съ ловкостію американскаго янки обдѣлывали свои дѣлишки обыватели „столицы рябка и бѣлки“. Много появилось каменныхъ складовъ и амбаровъ по берегамъ рѣки Колвы. Попрежнему столица сбывала своихъ дѣтей въ Ирбитскую ярмарку, а отцы сидѣли за прилавками въ старомъ гостиномъ дворѣ и лишь изрѣдка нарушалъ ихъ покой „отецъ Щука“, такъ они называли сѣдоволосаго батюшку, много лѣтъ служившаго при одной изъ церквей столицы и пользовавшагося общимъ вниманіемъ всѣхъ гостинорядцевъ за свой юморъ, нерѣдко полный сарказма. Но вотъ появились и въ этой столицѣ земскія учрежденія. Точно ураганъ, ворвались они въ сонную мысль обывателя столицы, перевернули ее, заставили проснуться и... посинѣли, забурлили, заговорили волны великой рѣки.

Новое теченіе обнаружили многіе неустои общественной жизни „столицы рябка и бѣлки“, задумались всѣ,— всѣ рѣшили, каждый во что гораздъ, перестраивать все по-своему. Заговорили всѣ по-своему, но заговорили дружно. Заговорили горожане въ думѣ и на земскихъ собраніяхъ; заговорили мѣщане, купцы, разночинцы на обѣдахъ и на объѣздахъ; заговорили крестьяне...

Всѣ заговорили. „Столица рябка и бѣлки“ обзавелась громадными зданіями училищъ, открылось общество вспомоществованія учащимся, общество потребителей и многое другое. Заговорили объ оздоровленіи общественной жизни и отцы города, не разъ возбуждая вопросъ о ярмаркѣ, гдѣ регулировались цѣны на сбываемые товары изъ уѣзда—пушнину и дичь. Но ярмарка была не въ интересахъ многихъ отцовъ города, а потому городской голова, подъ руководствомъ секретаря думы, каждый разъ особымъ способомъ проваливалъ на думскихъ собраніяхъ щекотливый вопросъ о ярмаркѣ. Обыкновенно, послѣ прочтенія доклада объ открытіи ярмарки, меръ города ставилъ на разрѣшеніе думы вопросъ въ такой формѣ: „Согласные на открытіе ярмарки остаются на своихъ мѣстахъ, а несогласные сидятъ“. И затѣмъ торжественно объявлялъ: „Всѣ сидятъ, слѣдовательно, ярмарка не нужна“.

Въ земскомъ собраніи дѣла рѣшались, въ большинствѣ случаевъ, такъ, какъ писались доклады управы. И это дѣлалось не изъ довѣрія къ составу управы, а потому, что большинство гласныхъ принадлежало къ черной сотнѣ, а „свой своему поневолѣ братъ“. Было и не мало инцидентовъ на этихъ собраніяхъ въ родѣ нанесенія земскими врачами пощечинъ предсѣдателю земской управы. Вслѣдствіе такого отношенія земскихъ заправилъ къ интеллигентнымъ служащимъ, послѣдніе, будучи сражены неправдою жизни и ударами судьбы, лишенные энергіи для жизненнаго спора съ темными силами, уходили изъ уѣзда съ горькимъ сознаніемъ въ душѣ безплодности одинокой борьбы.

Жутко было на душѣ о. Іакинѳія при встрѣчѣ съ человѣкомъ, который старался унизить духовенство, но долгъ требовалъ дѣйствовать. Батюшка старался разъяснить ту истину, что смыслъ жизни не въ служеніи личнымъ интересамъ и что „миръ, возвѣщенный ангелами при рожденіи Спасителя, нашли христіане, которые помнили, что только употребляющіе усиліе пріобрѣтаютъ

Царство Божіе, которое есть правда и миръ и радость. По сему узнаютъ, что вы мои ученики, если будете имѣть любовь между собою". Миръ же душевный дается человѣку при чистотѣ совѣсти. Если человѣкъ живетъ для другихъ, и жизнь его посвящена благу ближняго, то какое жизнерадостное настроеніе въ немъ царитъ! Вотъ, если бы богатое купечество и нашей „столицы рябка и бѣлки" имѣло побольше альтруизма, то куда бы легче жилось человѣчеству.

Купечество нашей столицы въ общей сложности имѣетъ милліоны и, если по $^1/_{10}$ своихъ дивидентовъ давало на дѣла благотворительности, то давно бы „столица рябка и бѣлки" обзавелась бы и народнымъ домомъ, и приличнымъ зданіемъ для мѣстнаго музея съ читальнею, и библіотека не ютилась бы въ низкомъ и темномъ помѣщеніи. А что стоитъ именитому купечеству построить домъ для общества вспомоществованія учащимся, родители которыхъ съ изстари строятъ баржи, заготовляютъ лѣсъ и доставляютъ и звѣря и птицу „благодѣтелямъ" столицы, составлявшимъ капиталы на трудѣ меньшого брата?..

Дѣла любви,—старался выяснить батюшка,—выше богатыхъ облаченій на иконы и золотой утвари, ибо „кто одно такое дитя приметъ во имя Мое, тотъ Меня приметъ (Ев. Мѳ. XIII, 15), сказалъ великій учитель. А устроивъ домъ для общества вспомоществованія учащимся и обезпечивъ ихъ содержаніе, вы дадите возможность сотнямъ дѣтей „меньшого брата" получить образованіе, что въ связи съ воспитаніемъ облагородитъ людскія отношенія".

Слова батюшки были для Василія Николаевича, что горохъ въ стѣну. „Набольшій" старался указывать на людскія слабости и страшно былъ не доволенъ непорядками городского хозяйства и земскимъ самоуправленіемъ. „Всѣ они ничего не понимаютъ и дѣлаютъ не такъ, какъ бы слѣдовало,—не разъ повторялъ сѣдовласый старецъ.—Былъ у насъ предсѣдатель земской управы Листархычъ, такъ онъ хотѣлъ по всему уѣзду телефоны провести.

Ну, и забавникъ былъ. Хе-хе,—дѣтски смѣялся человѣкъ „иконной живописи“. Вотъ какъ бывало въ старину, любо вспомнить,—добавлялъ онъ.—Былъ у насъ предсѣдатель Николай Степановичъ и всѣхъ держалъ въ струнку. Придетъ, это случалось, учитель въ управу и не смѣетъ, бѣдняга, и на стулъ сѣсть. Не то, Николай Степановичъ подастъ ему два пальца. Или заставитъ бухгалтера Квартапишевскаго стоять часа два, пока не просмотритъ бухгалтерскіе отчеты, и стоитъ онъ, переминаясь съ ноги на ногу, и лишь сызрѣдка приложитъ прессъ-папье къ исправленнымъ предсѣдателемъ цифрамъ. А нынѣ всюду одна слабость пошла и, стыдъ сказать, само начальство примѣромъ служитъ. Вотъ нашъ губернаторъ жену лѣсничаго увезъ... И всѣ это знаютъ, да на умъ его наставить не смѣютъ. Падаетъ у насъ на Руси древнее благочестіе и некому это его поддержать. Дѣти отцовъ не слушаютъ. Всѣ взялись за грамоту, а коммерческимъ дѣломъ и заняться некому. Мы, бывало, научимся читать и писать у старой дѣвки и довольно. Отправятъ тебя на Якшу, либо на Печору и слова не смѣешь сказать. И жили наши старики ни какъ-нибудь — капиталы нажили. Да женились мы, на комъ тятенька велитъ. А нынче невѣстъ ищутъ наши племянницки ученыхъ, да и купцы стали выдавать дочерей за чинашекъ. Вотъ, примѣрно, „нашъ“ Николай ищетъ невѣсту съ образованіемъ, а „малые“ Калины выдали дочь за учителишка. А Иванъ „нашъ“ совсѣмъ отъ рукъ отбился, учиться де хочу, да и баста! Хорошо, что изъ нашей столицы еще никто не учился и не учится въ университетѣ. Охъ, грѣхи тяжкіе! До чего мы дожили!“

— А я думаю,—вставилъ о. Іакинѳій, — что никакой метаморфозы въ вашихъ горожанахъ не произошло. Долгіе годы бездѣйствія мысли не убили въ молодомъ поколѣніи живой души, не задушили общественныхъ интересовъ и любви къ знанію. Все это было и прежде, но хранилось подъ спудомъ, ибо не находило примѣненія. Теперь на-

стали иныя времена и тѣ же ваши горожане, изъ которыхъ иные казались опустившимися, обезцвѣтшими, вдругъ обнаружили цѣлую массу мысли, нерѣдко глубокой, оригинальной, смѣлой. Вотъ, напримѣръ, сынъ купца и дѣятеля по городскому самоуправленію Иванъ Ивановичъ массу читаетъ, состоитъ въ перепискѣ со многими выдающимися писателями, имѣетъ рѣдкую библіотеку и пр. Да изъ вашей фамиліи „Калиныхъ“ одинъ уже получилъ среднее образованіе и занимаетъ видное общественное положеніе. Вотъ и вашъ племянникъ Ваня стремится уйти изъ той душной атмосферы, въ которой онъ выросъ и которая, къ сожалѣнію, не подготовила его для жизненной борьбы. Если кто присмотрится къ общественной жизни вашей столицы, тотъ не будетъ отрицать того факта, что въ жизни ея произошла эволюція мысли. Но въ какомъ смыслѣ эволюція? Поясню примѣромъ. Если больной долго лежитъ въ постели, то когда онъ совсѣмъ выздоровѣетъ, когда силы его вполнѣ возобновятся, онъ въ первый день, вставши съ постели, ходитъ плохо: мускулы его ногъ отъ долгаго бездѣйствія разучились дѣлать свое дѣло. Но на другой день больной ходитъ лучше, чрезъ три дня онъ свободно ходитъ по всѣмъ комнатамъ, чрезъ двѣ недѣли прекрасно взбирается на высокія горы... А мысль, слава Богу, живучѣе и подвижнѣе мускуловъ.

„Благодѣтель“ совершенно равнодушно отнесся къ словамъ о. Іакинѳія и стоялъ на одномъ, что имъ нужно древнее благочестіе, выражавшееся въ богатыхъ ризахъ на иконахъ, толстыхъ свѣчахъ предъ „своими“ иконами, въ чтеніи по закону акаѳистовъ покладистами попами, которые крѣпко помнили бы пословицу: „Съ шапкою въ рукахъ всю землю обойдешь“...

Прійдя домой, о. Іакинѳій заперся въ своемъ маленькомъ кабинетѣ. Много мыслей роилось въ умѣ батюшки. Больно и тяжко, больно и обидно подобное положеніе. Страшно гнететъ оно душу пастыря. Вѣдь это „китай-

ская стѣна“ между паствою и пастыремъ въ дѣлѣ взаимной любви. Въ воображеніи о. Іакинѳія одна мысль смѣняется другой. Вотъ пастырь поступаетъ съ „идеями“ въ душѣ на приходъ, желаетъ душу свою положить за паству свою, за благо ея, за храмъ мѣстный, — душу и сердце всей жизни его. Часто видитъ онъ, какъ темныя силы прихода, мѣстные пауки опутываютъ темный народъ, сплошь и рядомъ развращая его. И горе горемыкѣ, если, какъ это бываетъ въ большинствѣ случаевъ, подобный „благодѣтель“—церковный староста. Тогда горе ревнителю пастырю. Предъ нимъ будетъ дилемма: или страшно мучиться, страдать душой при видѣ всѣхъ безобразій и нестроеній приходской жизни, при видѣ полнаго произвола въ церковномъ хозяйствѣ, при сознаніи почти невозможности своими силами побороть все зло,—или вступить въ безпощадную борьбу. А попробуй онъ открыто бороться: всѣ темныя силы, вся муть со дна взбаламученнаго, застоявшагося болота провинціальной жизни возстанетъ за своего „благодѣтеля“. И другіе слабые, безвольные потянутся за ними, возстанутъ на пастыря, не вѣдая сами по своей темнотѣ, что творятъ.

Поздно заснулъ о. Іакинѳій. Видитъ онъ во снѣ большое село съ прекраснымъ каменнымъ храмомъ. Сильно гудитъ колоколъ приходскаго храма. Равно и мощно раздавались его звуки, призывая Божій народъ въ храмъ. Въ самую душу проникали его звуки и въ душѣ зарождалась надежда, что „ими же вѣси судьбами человѣка Богъ ведетъ“. А когда онъ пришелъ въ храмъ и увидѣлъ свою новую паству, то понялъ, что ради малыхъ силъ Господь направилъ его путь. А къ концу утрени снопъ яркихъ лучей солнца ворвался въ окно алтаря, говоря его душѣ, что не все буря, а будетъ время, когда снова взойдетъ солнце, снова начнется тихая трудовая жизнь на пользу другихъ и къ славѣ Божіей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе 3
Эволюція печати въ Перми 5
Пермяки-инородцы 17
Инородческое духовенство 31
Учительская доля 43
О пермякахъ и о Пешнигортской общинѣ 46
Какъ улучшить бытъ закамскихъ инородцевъ Пермской губерн. 49
Въ какой школѣ нуждается крестьянская семья для улучшенія своего быта 56
Интервью 65
Могучая сила 72
По сѣверу Чердынскаго уѣзда 80
По Иньвѣ и Косѣ 89
Отецъ Ѳеодоръ 111
Особнякомъ 131
Свадебные обычаи у пермяковъ иньвенскаго края, Соликамскаго уѣзда 137
Глухіе уголки Пермской губерніи 142
Жестокіе нравы 156
Частная иниціатива въ дѣлѣ просвѣщенія закамскихъ инородцевъ 162
Солнечное затменіе 170
Подготовка сельскихъ дѣвушекъ къ уходу за больными 188
По долгу и любви 197

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Москва, Торговый Домъ **В. А. Сизякова** и **К°**, у Ильинскихъ воротъ.

2007088003